

Торона Тресе



Чегерд
Аедяная жрица

Прыгая с парашютом, Инга и подумать не могла, что приземлится в другом мире. Найти и занять свое место под солнцем, оставшись при этом свободной, здесь непросто.

Да еще и проснувшийся дар стал интересовать слишком многих, как магнитом притягивая к девушке поклонников. Как понять теперь, кто из них друг, а кто враг? Кто любит, а кто просто использует? Как выбрать верное направление и остаться в живых?

Пролог

— Ну что, Ледышка, готова к мощному заряду адреналином? — хлопнул меня по плечу Виталик. — Поверь, это будет незабываемое приключение.

— Виталь, а может не надо? — нервничая, я зябко поежилась, уже жалея, что согласилась на эту авантюру.

— Не дрейфь, Ингусик, — подбодрила меня стоявшая с другой стороны подруга. — Сама же хотела экстремальный день рождения.

Такой уж точно не забудешь.

— Ребят, я передумала. Не хочу прыгать. Давайте лучше просто посидим в кафе, сходим в боулинг... — пошла я на попятный,

— Поздно, милая, поздно. Все уже оплачено и включено. Шагай к инструктору. — подтолкнул меня Виталик к кучке таких же новичков, как и я.

Взяв Машку за руку, я на дрожащих и подгибающихся от страха ногах отправилась к дорожке на построение. Отступать было поздно.

— Не трусьте, одуванчики, — хохотнул инструктор, видя наше волнение. — Наши парашюты самые надежные. Не зря их дубами прозвали. Вперед! Небо вас ждет!

Нас быстренько обмундировали, проверили, еще раз объяснили правила и погрузили в старенький, выдавший виды самолет типа "кукурузник".

Биплан дернулся, и мы взмыли в небеса. Я до крови закусил губу и сжала кулаки, впиваясь ногтями в кожу. Адреналин бил через край. Кровь раскаленной лавой струилась по венам, сердце бешеной колибри ломилось в грудную клетку. В ушах шумело, перед глазами все плыло.

Прозвучала сирена.

Как самая мелкая и легкая, я должна была прыгать последней, сразу после Машки.

— Приготовилась? Ноги! Ноги поставь как учили! И руки убери с проема! — кричал на меня инструктор.

— Я не хочу! Я высоты боюсь! — орала я в ответ, намертво вцепившись в самолет.

— Убери руки и прыгай! Живо! — взревел инструктор таким страшным голосом, что я на одних рефлексах прижала руки и приготовилась прыгать.

— Давай! — рыкнул он и со всей силы толкнул меня в спину.

Его толчка оказалось недостаточно. Меня мотнуло и приложило о корпус самолета, и лишь потом я ушла в свободный полет, истошно завопив во всю мощь.

— 524... 534... 521... — стремительно летя вниз пыталась я вспомнить как правильно считать.

С шорохом раскрылся купол парашюта останавливая стремительное падение. Перед глазами плавали черные мушки, в ушах уже не шумело, а грохотало, а дышать становилось все труднее.

— Боженька, пожалуйста, пусть этот прыжок будет не напрасным и день рождения окажется самым запоминающимся, — тихо молилась я, болтаясь в воздухе и наблюдая за приближением земли. — Пожалуйста, пожалуйста. Желания ведь должны исполняться.

С тихим "вжжжжжии" открылся запасной парашют, который я забыла зачековать, и тут же налетел странный порывистый ветер. Меня замотало и поволокло в сторону. Я затрепыхалась от страха, дергая за стропы и еще сильнее закручивая их. Снова адреналин плеснул по венам, запуская заполошное сердце с утроенной силой. Вдох и выдох слились в одно движение, от накатившей паники и гипервентиляции стремительно темнело в глазах...

Очнулась от удара о воду. Я еще успела увидеть прямо перед собой скалистый берег, прежде чем меня накрыло одним из куполов парашюта и потянуло на дно.

Глава 1

Огромный монстр, покрытый каменной змеиной чешуей, склонился надо мной, его алые глаза горели злобой, ноздри раздувались, втягивая мой запах, а я, спеленатая по рукам и ногам, замотанная в странные мокрые тряпки, лежала не в силах пошевелиться, и только смотрела на жуткий оскал нависшего надо мной чудовища, силясь сделать вдох. Блеснули на человекоподобных лапах-руках огромные когти. Монстр замахнулся и рывком опустил руку мне на грудь...

— А-а-а... — я рывком села на постели, с трудом втягивая такой желанный воздух и расправляя легкие. Рот наполнился мерзким привкусом крови.

— Чертов кошмар! — сплюнула я кровь в подставленную ладонь и поспешила умыться. На кухне уже хозяйничала Тайра, гремя посудой в предрассветных сумерках.

— Опять? — только и всплеснула она руками, заметив меня. Я молча кивнула и склонилась над тазом с водой.

— Сколько уже? Год? — Тайра дождалась, пока я умоюсь и оботрусь протянутым полотенцем

— Да. Почти. На днях будет. Мы поэтому с Арни и ходили на плато, на котором меня нашли. Я все пыталась понять почему... Только Виру не говори. Опять ругаться будет. Он и так меня всерьез не воспринимает.

— Ох, деточка... — Тайра ласково погладила меня по щеке. — Не скажу. А ты попробуй еще немного поспать.

Я хмуро кивнула и отправилась в свою комнатку. Но спать совершенно не хотелось. В голову лезли всякие мысли, вспоминался и тот кошмар, что мучал меня регулярно с тех пор, как я очнулась в этом мире, и первый шок, который я испытала, осознав, чем закончился мой прыжок с парашютом, и трудности адаптации к этому миру и к людям, среди которых оказалась. Уже почти год я здесь, но так и не привыкла ни к миру, который теперь сузился до размеров маленькой деревни, ни законам, по которым здесь живут, ни к отношению ко мне местных жителей, вернее, к их полному пренебрежению ко мне. Только Вирнан да Тайра — вдова, что приютила меня и помогала освоиться, относились ко мне с теплотой. И еще Арвиан, брат Виры. Но тот еще совсем мальчишка...

При мыслях о Вирне сердце сладко замерло, но я постаралась затолкать эти мысли подальше, чтобы не причинять себе лишнюю боль.

«Друг. Он просто друг» — пыталась убедить я себя. — «Забудь о нем. У тебя никаких шансов. Он на тебя даже не смотрит, как на девушку. Радуйся, что вообще общается с тобой»

Чем больше я гнала от себя мысли о Вире, тем назойливее мой мозг подсовывал

воспоминания о нем. Как впервые встретились. Как он учил меня языку. Как помогал освоиться в новом мире, как помогал принять и осознать тот факт, что я больше никогда не вернусь домой... Как нянчился со мной, когда организм начал перестраиваться к новому миру и я, не выдержав нагрузки, тяжело заболела. Как познакомил с младшим братом и сказал, что я тоже теперь его семья. Как мы втроем бродили по окрестностям, изучая остров и братья рассказывали мне о своем народе. Как... Как... Как... Тысячи воспоминаний, словно маленьких кусочков мозаики, заботливо хранимых в сердце.

Под утро я все же уснула, а проснувшись от солнца, светившего в глаза. Кое как заставив себя сползти с кровати, я поплескала в лицо холодной водой, пытаюсь проснуться и взбодриться и направилась завтракать.

— Эмм... Неважно выглядишь, Инга. Опять кошмары снились? — улыбнулся Вирн, когда я хмурая и невыспавшаяся села за стол.

— И тебе доброе утро, — буркнула в ответ, пододвигая к себе кувшин с молоком. — Давно меня ждешь?

— Вирнан, отстань от девочки! — шикнула Тайра, ставя передо мной тарелку с пирогом.

— Ну вот, уже за правду ругают, — показушно скривился Вирн. Тайра только вздохнула и вышла из кухни. — Ну и поспать же ты горазда. Целый час как жду твоего пробуждения.

— Мог бы не ждать, а пойти и разбудить.

— Я бы и разбудил, но Тайра не велела, — он немного помолчал, прихлебывая горячий чай, а затем усмехнулся, глядя на меня поверх кружки. — Что, пойдём сегодня к озеру? Или ты предпочитаешь остаться дома, после вчерашней неудачной вылазки с Арном?

— Вижу, ты уже в курсе... Это он сам тебе об этом рассказал? — я почувствовала, как уши начинают гореть.

— Нет. Я попросил Кайта приглядеть. Как чувствовал, что вы что-нибудь задумаете, пока меня не будет. Кайт и сообщил, что вы вчера покидали деревню... И даже знаю, где были... Но об этом мы поговорим позже.

— Кайт — предатель. Так ему и передай. И вообще, он твой Хранитель, а не мой. Вот пусть за тобой и приглядывает. — оторвалась я от молока. Вирн только поморщился, но ничего не сказал, а я снова уткнулась в завтрак.

— Я предлагаю идти к Темным Холмам. У озера мы вчера были — ничего особенного, — я первая нарушила тягостное молчание, не выдержав тяжелого осуждающего взгляда Вирнана.

— Ну, если для вас иглистая сурена уже «ничего особенного», то тогда да, тогда лучше отправиться к Холмам, — Вирн хмыкнул, допил остатки чая и, оставив в сторону пустую кружку, встал из-за стола. — Я жду тебя на улице. Даю тебе двадцать миггов на сборы. Если не успеешь — иду один.

— А как же Арни? — крикнула вдогонку. — Неужели пойдём без него?

— Арн сегодня занят. Китар взял его в патруль к северным границам Мальчишке пора взрослеть! — Вирн вышел во двор громко хлопнув дверью.

— К Северным границам? С Китаром? Но он же... Но там же... — я стояла растерянности, не зная, что сказать. Китар слыл кьерром с вспыльчивым тяжелым характером.

Для того чтобы одеться хватило десяти миггов. Хорошо, что вчера сумку не стала разбирать, иначе бы возилась гораздо дольше.

— Это из-за сурены, да? — продолжила я оборванный разговор, выходя на крыльцо, где меня ждал Вирн. — Но ведь все же обошлось. Мы справились. Зачем ты так строго с ним? Он же еще мальчишка!

— По нашим меркам ты тоже еще ребенок! И тебя следовало бы наказать вместе с ним! — взвился Вирн. — Например, отшлепать и запереть в доме на неделю — заставить вышивать приданое! Или отправить на исправительные работы на благо деревни... Ты хоть понимаешь, как было необдуманно и опасно лезть вдвоем на плато? Туда даже стражникам опасно ходить, а уж детям и подавно!

— А по нашим меркам, я взрослая самостоятельная женщина и вправе сама решать, что и как мне делать! И не смей называть меня ребенком! — не выдержала, повышая голос в ответ.

— А если ты взрослая и самостоятельная...! — начал Вирн, но его грубо оборвала Тайра, вышедшая следом за мной.

— А ну тихо! Чего разорались? Вирнан, если ты пришел только для того, чтобы отчитывать Ингу, то можешь возвращаться домой. Девочка еще вчера осознала всю вину за свой необдуманный поступок!

— Прости, Тайра, — покорно склонил голову Вирн в знак смирения, — я не сдержался. Но лишь потому, что слишком переволновался за Ингу и брата. Приношу свои извинения и обещаю впредь стараться себя сдерживать.

— Ну вот так-то лучше, — улыбнулась Тайра. — А теперь идите и постарайтесь вернуться до темноты. Нечего тут на потеху всей деревни зрелища устраивать. Прогуляйтесь, дурь из головы немного выветрите.

Я молча вышла за калитку и направилась в сторону огромных ворот — выхода к Первому кругу, всем своим видом демонстрируя оскорбленную невинность. Вирн шел следом, а высоко над нашими головами парил огромный ворон, один из хранителей Вирна — Кайт.

Так в полном молчании мы покинули деревню и направились к лесу. Спустя час, когда миновали Первый и Второй охранные круги и уже приближались к границе Третьего, за которым начинался «дикий лес», как я его про себя окрестила, Вирн наконец-то решился нарушить молчание.

— Извини. Я не должен был на тебя кричать. Но я переволновался, когда, вернувшись поздно вечером в деревню, не обнаружил дома ни Арна, ни тебя. Ты же знаешь, что непосвященным оставаться в лесу после захода солнца очень опасно. А когда Кайт сообщил, что видел, как вы отправлялись в сторону плато во второй половине дня...

Не выдержав, я подошла и доверчиво ткнулась носом в плечо парня. Меня тут же обняли сильные мужские руки. Я украдкой втянула запах того, кто давно уже стал для меня больше чем просто друг, наслаждаясь таким неожиданным, но таким приятным мгновением близости.

— Нет. Вирн, не извиняйся. Ты прав. Это я виновата. Я повела себя как ребенок... жутко обиделась, за то, что ты назвал меня слабой беспомощной бездарью, вот и рванула на плато... К тому же, уже почти год как я... как... Вот я и хотела вчера... Вдруг бы получилось... Там, у себя я не была ни такой слабой, ни такой бездарной. Там я была как все... — я позорно шмыгала носом, чередуя шмыганье с несвязным потоком слов. — А Арн увязался следом, сказал, что не оставит меня одну. Не наказывай его. Он смелый мальчик.

— Я знаю, малышка. Но так надо. Его детство подходит к концу, ему пора взрослеть и

учиться принимать самостоятельные решения. Да и тебе пора уже смириться, что твой дом теперь здесь. Перестань себя изводить.

Я лишь кивнула в ответ, соглашаясь с Вирном. Вирн ободряюще погладил меня по спине, а затем отстранился и как ни в чем ни бывало продолжил путь дальше, я поплелась следом.

У самой границы с Темными Холмами, в периметре Третьего Охранного круга было так называемое место силы — таких на острове было семь, но только три доступны для деревни и добраться до них относительно просто. Остальные четыре располагались за Третьим Охранным кругом — мощной, практически непреодолимой скальной грядой, у которой я появилась год назад.

Спустя еще пару часов мы наконец добрались до конечного пункта назначения.

— Ну что приступаем? — улыбнулся Вирн, подводя меня к камню, напоминающему алтарь и являющемуся одной из точек силы.

— Вирнан, признаю, я действительно бездарь. Ты и сам это вчера сказал. Давай уже оставим меня в покое! Даже Тайра уже поверила, что Стейра ошиблась. Может, просто устроим небольшой пикник, перекусим и отправимся обратно?

— Стейра еще никогда не ошибалась! И если она сказала, что ты человек необычный, наделенный сутью, то значит так и есть! — возразил он мне, — И вообще, хватит отлынивать. Приступай к тренировкам!

— Вирнан, ты неисправим, — устало вздохнула, покорно входя в круг, выложенный вокруг алтаря мелкими черными камнями. — Который месяц, с тех пор как я смогла подниматься на ноги, таскаешь меня по лесу и пытаешься пробудить якобы спящую суть... Уже все согласились, что я просто обычная пустышка, невесть как оказавшаяся на вашем острове...

— Ты не пустышка! — рыкнул Вирн. — И давай уже закроем эту тему, если не хочешь опять поругаться.

Больше трех часов простояла я в круге силы, ища в себе суть и пытаюсь ее пробудить, но ничего не получилось. И снова, как и многие разы перед этим, мне не откликнулась ни одна из четырех стихий, ни одно животное не пришло на мой зов.

— Вирн, я больше не могу! — устало вздохнула и выползла из круга. Ноги подкашивались, перед глазами все плыло. Алтарь забирал слишком много сил.

— Инга... — тихо вздохнул Вирнан, подхватывая меня и усаживая рядом на расстеленное одеяло. — Ну как же так? Я же знаю, в тебе что-то есть.

— Вирн, ты просто чувствуешь во мне чужачку, чувствуешь, что я пришла из другого мира вот и все. Никакой скрытой сути во мне нет, — я привалилась к его плечу.

— Может попробуешь еще раз? — выдернул меня из сладкой дремы Вирн

— Вир, я больше не могу. Давай лучше завтра? Я после вчерашней сурены еще не восстановилась...

— Тогда завтра лучше сходим к южной границе скал. Кайт видел там выводок лашти. Ты ведь давно хотела себе одного.

— Хорошо, когда есть два хранителя... — завистливо протянула я — Все тебе докладывают, во всем помогают. Кайт на разведку вон ходит, Леро охраняет... А у меня никого нет, и в магии я полный бездарь...

— Эй, не раскисай! — шутливо толкнул меня в бок Вир. — У тебя есть я, и Арн, и Тайра. А завтра сходим к скалам, поймаем маленького лашти и будет тебе питомец. К тому

же, если тебя это утешит, в деревне только у меня два зверя-хранителя.

— А чего это ты такой добрый? — вдруг насторожилась я. — Еще утром кричал, что я малолетка и грозился запереть дома, а сейчас предлагаешь идти к скалам, до которых полдня пути, и не самая безопасная дорога...

— Ну... я... — замялся парень... — Ой, совсем забыл про время. Пора возвращаться. Тебя уже Тайра, наверное, заждалась.

— Вир! Не увиливай от темы.

— И ничего я не увиливаю, — насупился он, — Не хочешь — не пойдем. Просто захотел сделать тебе подарок.

Вирнан, делая вид, что оскорбился, быстренько покидал наши пожитки в сумку, и мы отправились в обратный путь.

— Ну конечно же я очень хочу пойти за лашги, — я пошла на попятный. — Но для этого нужно сначала дойти до дома и хорошенько выспаться. Ты меня совсем уморил

Вир только великодушно улыбнулся.

Я понуро брела, опираясь на Вирнана. Почему-то место силы у Темных холмов всегда отнимало у меня слишком много энергии, и после него гораздо чаще мучили кошмары, но и эффекта всегда было больше. Тогда как алтарь, находящийся в деревне, на меня не действовал вообще никак. В этот раз попытки пробудить магическую суть дались мне особенно тяжело. Несколько раз мы останавливались на передышку, ждали пока остановится идущая носом кровь и уймется головокружение. Вир заметно нервничал и злился, но вслух ничего не произносил. Только то и дело поглядывал на парящего в небесах Кайта и что-то шипел.

Через некоторое время, вынырнув откуда-то из кустов, рядом с нами появился огромный белоснежный волк — второй Хранитель Вира — Леро и пошел по другую сторону от меня, любезно разрешая опираться и на него тоже. Солнце уже почти скрылось за горизонтом, а мы еще не подошли ко Второму охранному кругу.

— Нам нужно поторопиться, время на исходе, — Вирн схватил меня под руку и, ускорив шаг, поволок за собой. — Мы с тобой слишком задержались сегодня. Ты права, не надо было куда тебя тащить после вчерашнего...

Нам оставалось каких-то двадцать метров до границы Второго круга, когда солнце окончательно скрылось за горизонтом и сразу наступила темнота. И тут же отовсюду послышалось рычание на разные лады.

— Беги! — крикнул Вирнан, подталкивая меня в спину.

Я почти успела. Почти...

В двух шагах от цели прямо передо мной выпрыгнуло нечто большое, покрытое каменной шишковатой кожей с крупными наростами, с огромной разъявленной пастью и горящими огнем глазами и зарычало.

Тварь замерла, приготовившись к прыжку, а я стояла и боялась пошевелиться, совсем, как в своем кошмаре. Разве что дышать могла и руки не были связаны. Вдруг что-то темное, отдаленно напоминающее человека, прыгнуло на спину твари откуда-то с дерева. Два зверя сошлись в схватке. Парализованная ужасом я стояла наблюдая за ними не в силах ни отвести взгляд, ни сдвинуться с места и убежать к спасительной границе.

Полыхнуло зеленое пламя, и клубок из тел распался, явив моему взору обугленный труп жуткой твари и странное человекообразное существо.

Оно не проявляло по отношению ко мне никакой агрессии, склонившись над телом

поверженного врага. А я, все так же, не в силах сдвинуться с места, рассматривала второго монстра. Строением тела он не отличался от обычного человека, разве что был чуть крупнее. И кого-то напоминал. Но вот он рыкнул и повернулся ко мне... Мгновения растянулись в вечность, секунды превратились в часы, когда я узнала монстра из своего кошмара... Мой мозг, словно выплывая со дна океана, преодолевая давление силился мыслить, побудить организм действовать, предпринять хоть что-то... А когда существо поднялось на ноги и направилось ко мне...

Я с шумным всхлипом вдохнула воздух в горящие огнем легкие, проталкивая спасительный кислород в организм, внезапно забывший как дышать, и тоненько на одной ноте завизжала, оседая на землю и не в силах сдвинуться с места на ставших ватными непослушных ногах....

— Иииииииии! —

Блеснули алым горящие злобой глаза. Огромная лапа с острыми когтями замахнулась надо мной....

— Инга! Хватит! — Визг оборвался внезапно. Мир на минуту смазался, мотнулась в сторону голова. Звук пощечины и полыхнувшая огнем щека привели меня в чувство. До меня доносился смутно знакомый рык, но смысл слов ускользал.

— Прекрати визжать. Ты привлечешь других тварей!

Я уже видела эту куртку и эти штаны, отстраненно отметила я. И вот ту нашивку я сама пришивала на карман...

— Вирнан?! — Наконец, в голове стало проясняться. Наверное, пощечина от монстра вправила мозги и вернула способность мыслить. Я неверяще смотрела на недавнего противника ныне мертвой твари. — Это ты?

— Очнулась. Это хорошо... — человекообразное существо заговорило со мной голосом Вира. — Иди под защиту круга. Я сейчас.

— Это точно ты? — я все еще не могла поверить, что вот это странное нечто, покрытое очень похожей на змеиную темной кожей и одетое в одежду моего друга, и есть Вирнан. Тот самый монстр из моих кошмаров.

— Д-да. Я сейчас приму более привычный для тебя вид и все объясню.

— Подожди! — остановила я его и, стремясь отделаться от пережитого ужаса, попросила. — Хочу рассмотреть тебя поближе, если ты не против.

— Я что, похож на потешного зверька? — насупился Вир, но с места не двинулся.

Я подошла к нему вплотную. Ноги еще мелко подрагивали. А во рту чувствовался ставший уже привычным вкус крови. Очень хотелось сбежать. А еще лучше — очутиться дома. Весь мой маленький мирок, что я выстроила здесь, в этом мире, сейчас рушился и перестраивался заново. Парень, который так нравился мне оказался тем самым монстром из кошмара, убивавшим меня во сне раз за разом, вот уже почти год...

Сердце стучало гулко и часто, а дыхание никак не хотело выравниваться, с шумными всхлипами проталкивая воздух в легкие маленькими рваными порциями. Долго и пристально всматривалась в черные, без белков, глаза Вира, сейчас уже без того пугающего алого отсвета, затем, набравшись храбрости, коснулась рукой лица: на ощупь кожа оказалась теплой, но очень жесткой, словно каменная. Да и была вовсе не черной, как мне показалось вначале, а темно-коричневой, с мелкими вкраплениями чешуек более светлого оттенка, образующими весьма интересный узор. Вроде все то же самое: тот же разрез глаз, тот же нос, подбородок, но при этом неувлимо чужое.

— Почему ты? — едва слышно прошептала я одними губами.

— Налюбовалась? — ухмыльнулся Вир, склоняясь надо мной и в его голосе проскользнула злость.

Я с трудом удержалась, чтобы не дернуться от испуга, но Вирнан все равно заметил и отстранился.

Черты его лица на мгновение утратили ясные очертания, Вирн словно весь подернулся призрачной дымкой, пара секунд — и вот передо мной уже стоит мой друг в прежнем, более привычном облики.

— Пойдем. Нам надо торопиться, пока еще кто-нибудь не повстречался, — Вирн повернулся и зашагал по тропе, идущей в сторону деревни.

Второй охранный круг надежно оберегал от незваных гостей. Таких тварей, как мы только что встретили в Третьем, здесь не водилось, поэтому я позволила идти себе чуть медленнее.

Заметив, что я отстала, Вир остановился, дожидаясь, но не поворачиваясь ко мне лицом.

— Ви-и-и-иир... — протянула я, тоже останавливаясь. — Ты ничего не хочешь мне рассказать?

— Пойдем. Нам нужно возвращаться домой. Арн будет волноваться. — проигнорировал он мой вопрос.

— Вирнан! Я никуда не пойду, пока ты не объяснишь все.

— Да пожалуйста, — хмыкнул он. — Ты под защитой Второго круга, здесь периодически проходит патруль. Можешь хоть до утра тут сидеть, — и пошел дальше.

А я облюбовала себе дерево неподалеку от тропы, и, используя плащ в качестве подстилки, удобненько устроилась. Мне надо было немного времени, чтобы заново сложить кусочки рассыпавшейся мозаики в новую картинку мира. Принять тот факт, что чудовище из моих кошмаров — парень в которого я влюблена.

Прошло довольно много времени. Я даже успела задремать, когда почувствовала, что рядом со мной кто-то сел:

— Ну и что ты хочешь услышать? — вырвал меня из сонного состояния голос друга.

— Например, о том, кто ты? — не открывая глаз, пробормотала я.

— Я? Я — кьерр...

— Это я знаю. — насмешливо хмыкнула я. — Не ты ли не так давно рассказывал легенды о кьернонах, живущих под защитой трех охранных кругов на закрытом острове, затерянном в океане, кишашем чудовищами?

— Тогда ты должна помнить, что мой народ не просто так оградился от остального мира: нас осталось чуть больше нескольких тысяч, когда мы ушли сюда. А все потому, что кьерров массово истребляли из-за одной особенности: мужчины способны входить в боевой транс и менять ипостась, что ты и наблюдала сегодня. Кожу кьерра в таком состоянии не может пробить никакое колюще-режущее оружие, и почти не действует магия. Представляешь, как у других рас ценились доспехи из такой кожи? Тем более, мы же даже не люди... Нас воспринимали скорее как зверей, монстров, на которых вполне можно охотиться.

— А вот об этой части своей биографии ты как-то умолчал...

— А кому хочется рассказывать о том, что его народ принимали за животных и массово истребляли, — голос Вира звучал глухо. — А мы не монстры. Мы просто другие!

— Вир, но ведь это чудовищно! Геноцид какой-то. Нельзя же так! — в темноте я нащупала его руку и легонько сжала.

— Поэтому мы ушли и постарались максимально обезопасить свое нынешнее жилище, заблокировав портал, выстроив защитные круги и отказавшись от контактов с остальным миром.

— Вир, а почему ты раньше мне не рассказал об особенностях своего народа? Знаешь, как я сегодня испугалась, когда тебя увидела...

— Эмм... потому, что ты тоже человек. Хоть и пришла из другого мира. Я считал, что люди во всех мирах одинаковы. И... и боялся.

— Боялся? Ты?

— Ну... — наверное, мне показалось, но он смутился. — Сначала о том, что ты узнаешь о моей расе такое и, возможно, попытаешься сыграть на этом, потом — просто, что ты узнаешь... узнаешь и испугаешься... все же, я достаточно страшен в боевой ипостаси.

— Вир, какой же ты глупый, — я вздохнула и поцеловала его в щеку.

Вирн неожиданно дернулся и повернулся, его дыхание коснулось моих губ...

И в этот момент из кустов вынырнул большой белый волк и глухо рыкнул. Вирн тут же отстранился от меня, поворачиваясь к зверю.

— Спасибо, Леро, — поблагодарил он волка, а затем обратился ко мне: — В нашу сторону направляется патруль. Пора идти.

Вирн помог подняться, поддерживая, когда я оступилась и чуть не упала, и дальше, до самой деревни, мы так и шли в полном молчании держась за руки, и избегая смотреть друг на друга.

К нашему возвращению почти все жители поселка спали. Лишь в караульной горел свет, и слышались громкие голоса стражи, да на скамейке кто-то сидел. Подойдя ближе, я узнала в сидящем Арвиана. Он тоже нас заметил и поспешил навстречу.

— Арн? Ты почему до сих пор не спишь? Почему сидишь здесь? — в голосе Вирнана послышались нотки гнева.

— Вас жду — насупился мальчишка. — Я боялся за вас... вернее за Ингу... ну, из— за вчерашнего...

— Спасибо, Арни, — я обняла мальчишку и чмокнула в макушку, — со мной все в порядке.

— Да я уже видел, — хмыкнул Арн и покосился на наши руки.

Я смутилась и спрятала ладони за спину. Неловкую паузу прервал Вирн:

— Так. Убедился, что с твоей подружкой все в порядке? Теперь бегом спать, а я провожу Ингу.

— А что, с вами нельзя? Или мешать буду? — радостно ухмыльнулся Арни, но увидев злобный взгляд старшего брата, только рассмеялся. — Ладно, ладно, ухожу. Не буду вам мешать, господа влюбленные.

— Убью! — зарычал Вирнан

— Вирн! Не надо, он так радуется, не злись.

— Пойдем, я провожу, — коротко бросил Вирнан и, снова взяв меня за руку, направился в сторону дома Тайры.

У калитки мы долго стояли, глядя друг на друга и не решаясь сказать: «До свидания». Что-то случилось сегодня у Второго круга, изменив отношения между нами.

— До завтра! — наконец решился прервать затянувшееся прощание Вир, касаясь моих губ

легким поцелуем. А затем стремительно, не оборачиваясь, пошел к своему дому.

В эту ночь я долго не могла уснуть, думая о событиях последних дней и о поведении Вира. Он ведь с самого утра вел себя не так, как обычно, только я не сразу обратила внимание.

Утром меня разбудила Тайра, сказав, что Вир уже два раза заходил узнать, не проснулась ли я.

Подскочив с кровати, бросилась умываться — пунктуальный Вирнан не любит ждать, и может уйти один, это я хорошо уяснила.

Пока плескалась у тазика, пытаюсь разогнать остатки сна, ко мне подошла Тайра с полотенцем:

— Вир будет тебе отличной парой, деточка. Он, конечно, еще мальчишка, едва преодолел рубеж совершеннолетия, но он сильный воин и станет отличным мужем.

От неожиданности слов я дернулась и опрокинула на себя ведро с ледяной водой, которое в этот момент пыталась снять с высокой полки, обдав при этом брызгами Тайру и вымокнув насквозь сама. Мокрая рубашка неприятно прилипла к телу, обрисовав силуэт. Недовольно покачав головой, Тайра всучила мне полотенце и ушла по своим делам.

И в этот неподходящий момент принесло Вирнана.

— О-оо... принимаешь утренние процедуры, — ухмыльнулся он, вваливаясь в дом. — Это здорово. Но поторопись. Скоро полдень, а мы собирались за лашти... И да, кстати, классная фигура, но под рубашку лучше все же что-то надевать.

— Ой, — только и пискнула я, прикрываясь полотенцем и убегая в свою комнату. — Вир! Я сейчас! Я быстро.

Через полчаса после того, как мы покинули Второй круг, Вир вдруг повернул совсем в другую сторону.

— Ты куда? — удивленно окликнула я его. — Нам налево. Южные границы находятся там.

— К Южным мы пойдем позже, а сейчас хочу показать тебе кое-что, — отозвался Вир, уверенно продвигаясь в глубь чащи. — Это сюрприз!

Сердце радостно забилось в предвкушении. Неужели он помнит?

Вскоре мы вышли на большую поляну, в центре которой стояло каменное сооружение, весьма отдаленно напоминающее дольмены моего мира: четыре плиты, накрытые сверху пятой в качестве крыши, и в одной из стен полукруглое отверстие, видимо, являющееся входом. Чуть поодаль стояли огромные каменные ворота.

— Вот. Давно тебе хотел показать. Это священное место. Отсюда, из врат, вышел мой народ, — важно изрек Вирнан, подводя меня ближе к камням. — А это — памятник всем ушедшим: кто погиб, кто остался там, — Вирнан сделал неопределенный жест головой: — Он построен из камней храма, некогда стоявшего на нашей исконной земле.

Я подошла почти вплотную к постройке. Земля вокруг нее и правда сильно отличалась от той, что на поляне: странного оранжевого цвета с редкими коричневыми вкраплениями, без единой травинки.

— Получается, вы тоже пришли из другого мира? — обернулась я к Вирнану.

— Нет. Мы местные. Раньше жили вместе с другими расами, пока люди... Впрочем, я

уже рассказывал. Просто однажды те, кто вышли ушли порталом на один из необитаемых островов.

Я коснулась рукой камня. Он был теплым и шершавым. Хотела войти внутрь — ширина входа как раз позволяла, но Вир меня остановил.

— Стой! Живым в храм нельзя. Но мы можем присесть рядом, отдавая дань тем, кто не с нами.

Я кивнула, устраиваясь на расстеленном одеяле и прислоняясь спиной к теплой стене храма. Не вспомнил. Но так даже лучше, наверное.

Некоторое время мы сидели молча, погруженные каждый в свои мысли. Тишина этого места успокаивала, настраивая на философский лад. Вир нарушил молчание первым.

— Я не все рассказал вчера... Истребляли не только мужчин. Возможно, ты обратила внимание, что никто из кьерр не плачет. Слезы наших женщин обращаются в редкий жемчуг, что так ценят другие народы. Искренние чистые слезы юной кьерры, не познавшей мужчины, становятся голубым жемчугом, а слезы счастья девушки, впервые разделившей ложе с мужем — редким и особенно ценным розовым, слезы обычной, замужней жены — всего лишь белым. Есть еще черный — это слезы горя по ушедшим. Но он несет в себе страдания владельцу...

Я завозилась в предвкушении продолжения страшной истории. Достав из сумки нож и два путсуи (фрукт, отдаленно напоминающий наше яблоко), начала счищать шкурку, слушая рассказ.

— ...Вот, возьми, это тебе. Давно хотел подарить, но не было повода, а сегодня вроде как есть... — Вир снял с шеи шнурок с висевшей на нем жемчужинкой в форме капли, оплетенной тонкой серебряной проволокой, и протянул мне. — Это Радужная Слеза — слезы мамы в момент моего рождения.

Он подождал, пока я надену шнурок на шею и спрячу Слезу под рубашку, а затем снова продолжил рассказывать:

— Для кьерров это всего лишь безделушки, хотя и очень редкие даже среди нас, а для других рас — драгоценности, сильные амулеты, практически идеальные магические накопители. Я не говорил тебе, но иногда мы выбираемся с острова на материк, чтобы обменять жемчужины и получить новые знания. Как правило, это происходит через несколько лет, после преодоления кьерром рубежа совершеннолетия. Совет выбирает достойнейшего и отправляет в Академию для дальнейшего обучения. Раз в год на наш остров прилетают грифоны — привезти тех, кто пожелал вернуться и забрать новых.

Я замерла с ножом в руке. Что-то не нравилась мне эта история. Особенно ее продолжение.

— Пять лет назад я преодолел рубеж совершеннолетия. Одиннадцать дней назад, совет признал меня лучшим. Завтра я уезжаю. — Вир говорил монотонно, без всякого выражения. Как будто рассказывал давно выученный текст.

Но все равно, при этих словах я дернулась, нож соскочил с путсуи и прошелся по руке, оставляя глубокий порез. Кровь с ладони тяжелыми каплями падала на землю, моментально в нее впитываясь, а я продолжала слушать Вира.

— Меня не будет несколько лет. На период обучения студенты не могут возвращаться на остров, как и не имеют права задерживаться на материке дольше чем на пять лет после окончания академии. Но раз в год, с грифоном, увозящим очередного выпускника, я смогу отправить весть о себе. Мне будет очень тяжело без тебя, Инга.

— Не уходи, Вирн. Я... Я пойду с тобой — будем учиться вместе, — слезы сами собой хлынули из глаз, я обняла Виру, утыкаясь ему в шею. Не такого подарка я сегодня ожидала. Все же в день рождения принято дарить приятные подарки, а не сообщать грустные новости.

— Совет старейшин тебя не отпустит, ты вообще не сможешь покинуть остров. Слишком много причин для отказа: ты человек, у тебя нет магии, и ты слишком много знаешь о кьеррах. Да и грифон может забрать лишь одного, — обнял меня Вирнан, ласково поглаживая по спине, пытаюсь утешить и целуя в макушку.

— Вирн, а как же корабли? Можно же уплыть морем — я отстранилась и заглянула ему в глаза.

— Темный океан полон чудовищ и надежно хранит своих детей. Ни один корабль не сможет добраться до нас.

— Почему ты не сказал раньше? Я бы... мы... — я размазала по щекам никак не желавшие останавливаться слезы. — Я не смогу без тебя, Вир. Пожалуйста, не уходи...

В этот момент, Вирнан наконец-то заметил мою порезанную ладонь. Некоторое время он недоуменно смотрел на кровь, пытаюсь зажать порез, потом вдруг выхватил у меня нож, и с силой полоснув по своей руке, сжал мою, соединяя раны на наших ладонях, и зашептал непонятные слова, глядя на то, как капает, смешиваясь кровь.

— Если ты мне доверяешь, то повторяй, — тихо произнес он, касаясь перепачканными кровью пальцами моих губ. Машинально облизавшись, я начала повторять.

Закончив нести какую-то абракадабру, Вирнан набрал крови, медленно капающей из наших сомкнутых рук, и первым слизал капли, а оставшееся протянул мне. Как ни странно, но противно не было. Стоило проглотить алую терпко-солонатовую жидкость с привкусом железа, как пролившаяся до этого на землю кровь вспыхнула ярким зеленым пламенем и все пропало. Даже кровотечение остановилось.

— Эмм... и что это было? — поинтересовалась я, глядя на свою ладонь на которой на месте пореза красовался тонкий розовый шрам, покрытый разводами подсохшей крови.

— Прости, — виновато произнес Вирнан и как-то весь поник. — Я не знаю, что на меня нашло. Словно вселился кто.

— То есть? — я не на шутку испугалась. Пристыженный вид друга настораживал. — Ты что сейчас сделал? Что за ритуал мы тут проводили?

— Это клятва на крови.

— Какая такая клятва? В чем я сейчас клялась?

— Это древняя клятва моего народа. В приблизительном переводе будет звучать как: тот, кто ушел, но кто слышит и видит, та, кто рождает и та, кто приняла, примите клятву. Моя кровь, моя боль, мое счастье — твои. Мои мысли, эмоции, чувства — все одно на двоих... Ну это в очень приблизительном переводе.

— И что дает эта клятва? — мой голос дрожал. Я чувствовала себя очень странно.

— Э-э... Если я умру — ты почувствуешь, — голос Виры был тихим и смущенным

— Очень оптимистично, — ядовито усмехнулась я. С моими эмоциями творилось что-то странное. Словно кто-то невидимый открыл клапан, выпустив их все разом наружу. Мне вдруг ужасно захотелось нахамить ему, обидеть... Да еще и руки вдруг начали гореть, а во рту появился мерзкий привкус. — А что еще дает эта клятва?

— Даже и не знаю точно, ведь ты же человек, не кьерр. Раньше такие клятвы только между кьеррами давались. Прости, сам не знаю, что на меня нашло. Вдруг осознал, что должен это сделать и все тут.

— Ну а если бы я была кьеррой? — прервала я его покаяния. Тело горело и чесалось. Во рту стоял противный привкус желчи, меня мутило.

— Если бы ты была кьеррой, то мы могли бы чувствовать друг друга на расстоянии, обмениваться эмоциями, ощущениями, могли бы чувствовать боль друг друга, определять местоположение другого. Мы всегда бы знали, жив ли другой. Ну, это вроде как единение душ...

— Типа брачный обряд что ли?

— Нет, клятва любящих сердец гораздо сложнее, хоть и тоже на крови. Но ее только в храме в присутствии жреца произносят. — Вир мялся и путался.

— И когда начнет действовать наша клятва? — снова оборвала я его. Перед глазами плавали цветные круги, а тело хотелось разодрать в клочья.

— Вообще-то она уже действует. А что? — Вир все так же недоуменно на меня косился.

— Да вот, хочу, чтоб ты тоже в полной мере насладился моими ощущениями, — зло выдохнула я, падая на колени.

— Инга, что-то случилось? Тебе плохо? — Вирнан склонился надо мной.

— Не считая того, что трудно дышать, мутит, и все тело жутко чешется, то мне очень даже хорошо... Офигенный день рождения получится... Желание успеть бы загадать, прежде чем прям тут и умру...

Я распласталась на земле, уже не сдерживая себя и расчесываясь до крови, пытаюсь хоть как-то облегчить сжигающий меня изнутри невыносимый зуд.

— Я... Моя кровь... Наверное, она оказалась ядовита для тебя... — смуглокожий Вир сейчас был белее мела. — Прости, я идиот. Зачем я только это сделал...

— Да уж. Ты оплошал, — сникла я, укладываясь поудобнее и устраивая голову у него на коленях. Бушующий ураган эмоций ушел на новый виток. Ярость постепенно утихала вместе с зудом. На смену пришла боль в суставах, апатия и желание выговориться. — Не так я планировала сегодня свой день рождения отметить. Не таких подарков ждала... Вот умру сейчас. Впрочем, я уже умираю год назад. Это не страшно. Наверное, попаду еще в какой-нибудь мир, где нет таких жестоких мальчишек как ты, где меня будут любить, носить на руках...

— Глупая девчонка, — нежно прошептал он. Моих губ коснулось его легкое дыхание, а затем на смену пришел поцелуй. Нежный, почти невесомый. И разом пропали все неприятные ощущения. Я попыталась ответить, но не смогла — тело не слушалось.

— Вир! — попыталась закричать, но не издала ни звука. Меня словно засасывало в яму полную песка. Тяжелели руки и ноги, переставая что-либо чувствовать. Мир быстро тускнел, сменяясь темнотой. Еще миг и все пропало.

Я медленно падала в бесконечность. Трепыхались за спиной огромные перкалевые крылья. Тело легкое-легкое, как перышко, парило в невесомости. Перед глазами плавало белое мутное пятно, колыхаясь и убаюкивая. И было так хорошо.

Но вот что-то с силой дернуло вверх, останавливая полет, грудную клетку обожгло ворвавшимся в легкие воздухом, руки и ноги скрутило судорогой, а голова взорвалась адской болью...

Огромный монстр, покрытый каменной змеиной чешуей, склонился надо мной, его алые глаза горели злобой, ноздри раздувались, втягивая мой запах, а я, спеленатая по рукам и ногам, замотанная в странные мокрые тряпки, лежала не в силах пошевелиться, и только

смотрела на жуткий оскал нависшего надо мной чудовища, силясь сделать вдох. Блеснули на человекоподобных лапах-руках огромные когти. Монстр замахнулся и рывком опустил руку мне на грудь... перерезая когтями веревки, выпутывая из мокрой ткани, высвобождая из плена, давая возможность вздохнуть.

Еще один мой полный боли вдох, переходящий в кашель и вот уже передо мной вместо монстра темноволосый парень в странной маске из змеиной кожи. С его длинных мокрых волос капает вода. А глаза, такие нереальные, цвета самых ярких изумрудов...

Он радостно улыбнулся, обнажив ровные белые зубы, и что-то произнес, поднимая меня на руки и прижимая к себе.

Я улыбнулась в ответ, расправляя обсохшие крылья, белым куполом взвившиеся надо мной, и снова провалилась во тьму.

Я все падала и падала, и не было никакой воды...

Глава 2

Все закончилось так же внезапно, как и началось. Сначала в легкие с шумом ворвался воздух, потом появились звуки, а потом и возможность видеть. С тихим стоном открыла глаза. Неприятные ощущения исчезли. Тело снова слушалось, вернулась подвижность.

— Инга? Живая? Как ты себя чувствуешь? — в уши ввинтился встревоженный голос Вирнана.

— Как заново родившейся, — прокричала я, пытаюсь сесть. С помощью Вира у меня это получилось. Я повернулась, разглядывая его, словно видела впервые. — Вирн, я вспомнила. Это ты заметил мой парашют и вытащил меня тогда из воды. Ты меня спас.

Вирнан кивнул и улыбнулся, облегченно выдыхая.

— Сделай одолжение. Никогда, слышишь, никогда больше не проводи со мной никаких ритуалов, не выяснив всех побочных действий. Второго раза я могу не выдержать, — я обличительно ткнула в него пальцем, с трудом поднимаясь на ноги. — Но. Все равно спасибо. Что не дал утонуть тогда. Что прыгнул за мной. И вообще, что появился в моей жизни.

— Инга, девочка моя, — Вир сгреб меня в охапку и, покрывая мое лицо легкими поцелуями, тихо шептал: — Живая... Я так испугался... Ты совсем не дышала, и сердце не билось. Если бы ты умерла, я бы тоже умер... Кто я без тебя теперь?

— Вир, пойдем домой, я уже не хочу идти за лашги, — я обняла друга в ответ и прижалась щекой к его плечу.

— Да. Думаю, нам стоит вернуться, — Вирнан аккуратно помог мне подняться.

До деревни мы шли долго, под конец Вир несколько раз порывался подхватить меня на руки, но я отказывалась, предпочитая идти сама.

Я упорно отгоняла от себя мысль о скором расставании, пытаюсь разобраться в эмоциях Вира, отделить их от своих. В том, что я его чувствовала сомнений не было. Ощущение безграничного счастья и желание громко петь были все же от него.

У дверей дома мы никак не могли расстаться, глядя друг на друга и не зная, что сказать. Впрочем, нам теперь и слов не нужно было. Эмоции говорили всё за нас.

Вирнан убрал за ухо прядь моих волос, выбившуюся из прически, и медленно провел кончиками пальцев по щеке. Сердце подпрыгнуло, пропустив удар, а затем зашло в удвоенном ритме. Я уже знала, что будет дальше — почувствовала его желание. Облизнула губы и закрыла глаза, чуть подавшись вперед, тем самым давая ответ на невысказанный

вопрос.

Его губы были сухими и горячими. Медленно-медленно, словно страшись чего-то, он коснулся моих губ робким поцелуем, который постепенно становился все чувственней и напористей. Его руки блуждали по моей спине, прижимая меня к мускулистому телу кьерра. Я чувствовала, как бешено колотится его сердце, а в крови бурлит желание, передающееся и мне.

— Инга? — застучал нас врасплох голос вышедшей на крыльцо Тайры. — Что вы тут творите, негодники?

Испуганные, мы с Виром шарахнулись друг от друга, словно нас застали не за поцелуем, а за воровством королевской казны. И стоило ему отойти на шаг, как желание тут же угасло, забирая с собой и страсть.

Я вопросительно взглянула на Вира, собираясь спросить, что это сейчас было, но он вдруг скомкано попрощался, махнув на прощание рукой и, поклонившись Тайре, исчез в вечернем сумраке.

Я долго не могла уснуть, ворочаясь в кровати и пытаюсь разобраться в своих чувствах к Виру. Еще вчера он был просто парнем, вытащившим меня когда-то из воды, наставником и другом, помогающим освоиться в новом мире, строго соблюдавшем дистанцию и не дающим уйти дальше дружбы. А вот сегодня все резко изменилось. И Вирнан из друга превратился... В кого? И почему именно сегодня, накануне отъезда?

— Спи уже, люблянка, — ласково пожурила меня Тайра, заглядывая в комнату. — Утром будешь думать о своем ненаглядном. Завтра тебе предстоит трудный день.

— Тайра! — я смутилась. — И вовсе он не мой. Кто тебе такое сказал?

— Зато ты теперь его, — хохотнула кьерра. — Вирнан давно на тебя права заявил. Теперь наконец набрался смелости сказать об этом открыто. Ну, то есть, скажет завтра...

— Что значит «права заявил»? — я села на постели, вглядываясь в лицо Тайры.

— А то и значит. Он давно уже у Совета Старейшин разрешения на союз с тобой просит. Очень ты ему приглянулась, еще с первой встречи. Но, сама понимаешь, ты — человек...

— А как же мое согласие? Мои чувства?

— А что «твое согласие»? Вирнан кьерр видный, перспективный, с сильным даром. Какая кьерра от такого мужа откажется? А чувства потом придут. Да и только слепой не заметит, что ты влюблена в него.

— Но я же не кьерра...

— Неужели скажешь не люб? — озадачила меня Тайра. — Если нет, то так и скажи об этом, когда он перед старейшинами предложение делать будет. Кьерры народ свободный, неволить не будут. Предложат другого спутника.

— А если мне и другой не нужен?

— Милая, как ты не поймешь, все уже решено. Твое присутствие здесь — угроза для кьерров. Мы ведь ничего о тебе не знаем. И самый лучший способ обезопасить себя — это выдать тебя замуж за одного из наших парней и родить от него ребеночка. Вирнан был бы в данном случае идеальным вариантом, но у Старейшин на него планы, ему уже и невесту достойную подобрали. Он и так завтра против Совета пойдет. Поэтому хорошо подумай, что отвечать завтра будешь.

— Но я не хочу замуж... Сейчас не хочу. Не хочу вот так, по принуждению, по велению Совета. Как же так, Тайра? Это ведь неправильно... Я люблю Вирнана, но не хочу прожить

оставшуюся жизнь здесь, на острове.

— Спи, милая, — ласково погладила она меня по голове. — Завтра видно будет.

Тайра еще раз пожелала доброй ночи и вышла из комнаты. А я так до утра и не сомкнула глаз, думая, как же поступить.

Утром, едва забрезжил рассвет, я, тайком выбравшись через окно, отправилась к Вирнану за советом.

— Легкой дороги, Чужая, — поприветствовала меня Стейра у самого дома Вирнана. — Не советую идти туда. Не сейчас.

— Вы что-то знаете, да, вися Стейра? — тут же наострила я уши. Стейра считалась в деревне Провидицей, умеющей выбрать лучшую развилку на жизненном пути в паутине возможных вероятностей. А еще чувствовала скрытый в других дар. Во мне она тоже что-то углядела, но так и не сказала что.

— Сначала обрети себя, или потеряешь его, — туманно ответила она, загадочно улыбнувшись и прикрыв глаза. — Твой дар двойок. Он может стать проклятием, а может — спасением. Тебе решать — казнить или миловать.

— И как же мне обрести себя?

— Они думают я ошиблась, но нет. Я знаю. Все будет так, — с совершенно другой интонацией забормотала Стейра, выплывая из транса

— Вися Стейра? — обратила я на себя внимание.

— А? Чужая... — снова расплылась она в улыбке к чему-то прислушиваясь. — Легкой дороги. Скала Откровений поможет тебе. Тебе стоит сначала обрести себя, чтобы не потерять его окончательно Иди. Сейчас. Не медли. Или не успеешь...

В подтверждение своих слов она даже слегка подтолкнула меня посохом в спину.

Я оглянулась на дом Вирнана, но Стейра снова махнула в сторону ворот. Надеюсь, успею вернуться до отъезда Вира. Мне обязательно нужно с ним поговорить.

До второго круга я добралась бегом и замерла в нерешительности: скала Откровений находилась за Третьим кругом, на том самом берегу, где меня выловил Вирнан. Но даже если я и доберусь сейчас до нее, вернуться уже никак не успею. Да и небезопасно ходить одной за Круги. А я не могу отпустить Вира не попрощавшись с ним.

— Что потеряла здесь, Иная, — вынырнул из кустов на тропу Китар. Ему на руку тут же приземлился здоровенный ястреб-хранитель.

— Лёгкой службы, вейсо Китар, — поклонилась я стражнику. — Я... Стейра сказала идти к Скале Откровений прямо сейчас. А я не успеваю попрощаться с Вирнаном.

— Ну надо же, какое совпадение, — улыбнулся Китар. — Я как раз направляюсь туда же по просьбе вися Стейры. Думаю, я могу тебе помочь. Пойдем.

Китар вместе с хранителем нырнул в кусты. Я стояла и недоуменно смотрела ему вслед. Сомнения все еще одолевали меня. Успею ли я вернуться до того, как Вирнан озвучит перед советом свое желание? Успею ли я попрощаться с ним до его отлета? Может, не стоит никуда ходить и провести этот день с Виром? Но вися Стейра... Она не ошибается. Не зря же она провидица.

— Ну же, Иная, пойдем. Я знаю короткие тропы, — протянул он мне ладонь. — Ты все успеешь.

Немного поколебавшись, все же вложила свою ладонь в его. Крепко сжав руку, Китар резко дернул меня на себя так, что я, не удержав равновесия, грохнулась прямо ему под ноги.

— Какая ты неуклюжая, — уколоч он меня, дергая за руку вверх. — Идем и не отставай,

иначе так и останешься блуждать между тропами.

Мы пошли быстрым шагом по одному ему ведомым тропкам между непролазными кустами и вековыми деревьями. Китар шел ровно и уверенно словно не через лес продирался, а гулял по асфальтированной дорожке в парке. Я же спотыкалась и падала на каждой незамеченной кочке. Скоро я стала похожа на чумазявку, вываленную в грязи и присыпанную сверху перепрелыми листьями.

— Вот и пришли, — неожиданно вышагнули мы с на скалистый берег. В сотнях метров под нами ворочался беспокойный океан, предчувствуя нехорошее.

— Вейсо Китар, но как? — я удивленно уставилась на кьерра. — До берега ведь почти день пути.

— Это одна из особенностей стражников: мы умеем прокладывать особые тропы, позволяющие патрулировать территорию за короткое время.

— Круто, — уважительно протянула я, а потом до меня дошло, что вышли мы не там, где нужно: — Постой, но ведь это не Скала Откровений...

— Нет. Это берег Скорби.

— Но...

— Так будет лучше, Иная. Вирнан не должен совершить ошибку. Отправляйся туда, откуда пришла, — Китар сделал выпад, собираясь столкнуть меня, но я в последний момент успела вывернуться и отскочить. К сожалению, убежать не получилось: хитрый кьерр перекрыл узкий проход — единственный путь к отступлению

— Вейсо Китар, одумайтесь, я ведь разобьюсь. К тому же, Вирнан наверняка будет меня искать.

Китар на мгновение задумался.

— Не думаю, — в два прыжка нагнал он меня, заламывая руки. — Вероятно, мальчишка сейчас беседует с Тайрой, которая уже рассказала о вашем с ней ночном разговоре и твоём нежелании связывать себя узами, да еще и сбежала ночью...

— Вы это подстроили! Но зачем?

— Затем, что Вирнан сильный кьерр, и моя дочь в качестве спутницы жизни подойдет ему куда больше, чем человеческая пустышка.

— Отпустите меня! — я затрепыхалась в сильных руках кьерра. Вывернувшись, со всей силы пнула его по голени и укусила за руку.

— Вот же... — ругнулся Китар, перехватывая меня поудобнее. Раздался противный треск ткани, ворот моей рубашки, за который схватился кьерр, с треском разорвался: — Ну-ка, ну-ка, что это у нас тут? — ухватился кьерр за выпавшую из разорванного выреза Слезу — подарок Вирнана. — Даже так... Что ж, это будет отличным доказательством.

Китар с силой рванул шнурок, на котором висела жемчужина, а затем, сделав ловкую подсечку, толкнул меня в пропасть, на скалистый берег, покрытый острыми камнями, которые с шумом облизывал сердитый океан...

Я приземлилась на что-то мягкое и теплое, уже оттуда скатившись на бульжники, обдирая руки и ноги.

Надо мной нависли три огромные птичьих морды.

— Г-грифоны... — еще не отойдя от пережитого ужаса, прошептала я.

Один из них, крупный, массивный, с лобастой головой, покрытой красными перьями, больше похожими на шерсть, недовольно заклекотал и со всей силы тюкнул меня в бок.

Сдавленно охнув и ухватившись за ушибленное место, я попыталась откатиться в сторону. Но мне тут же достался еще один тычок, уже от другого грифона. В глазах потемнело от боли. В последний момент я успела закрыть голову руками, и мощный клюв третьего зверя с силой долбанул меня в плечо.

Не выдержав, я заорала и попыталась бежать. Но удар огромной лапы красноголового грифона откинул меня на острые камни, перекинув через одного из своих сородичей. Помотав головой, пытаясь сфокусировать зрение и унять звон в ушах, я с удивлением заметила, что крылатые зверюги забивают клювами и рвут огромными когтями одного из своих сородичей, более мелкого по размеру. Поверженный грифон почти не сопротивлялся, раскинув в стороны огромные крылья и прикрыв глаза.

Во мне боролись два противоположных чувства: с одной стороны, есть возможность убежать и спрятаться где-нибудь в скалах, пока животные заняты между собой, с другой — хотелось восстановить справедливость и кинуться защищать лежащего грифона.

Еще некоторое время я колебалась, но, взглянув наверх и увидев где-то высоко едва заметный силуэт наблюдавшего за действием кьерра, все же решила на отчаянный поступок. Все равно живой выбраться Китар мне не даст.

Схватив камень покрупнее, я кинула его в ближайшего зверя, отвлекая внимание на себя, и тут же подхватила горсть мелких. Лучше уж погибнуть от лап этих животных, чем от рук кьерра, которому верила.

— Эй, кыш отсюда, глупые твари, — заорала я на ближайшего. Три пары круглых недоуменных глаз уставились на меня. — Кыш! Улетайте!

Я продолжала кидать камни и глупо размахивать руками.

Стоявший рядом с красноголовым, пестрый, словно ястреб, грифон раскинул крылья и двинулся на меня, что-то грозно клекоча.

И тут произошло странное: поверженный зверь, лежавший до этого, поднялся и загородил меня собой. Только теперь я смогла рассмотреть его поближе: некогда белое оперение вырвано клочьями и покрыто слоем грязи, светлая шерсть слиплась от крови. Одно крыло было явно сломано и вывернуто под неестественным углом.

Светлый грифон заклекотал, угрожающе вскидывая крылья. Сородичи ответили ему тем же. Пестрый сделал резкое движение и рывком выхватил меня из-за спины раненого белокрылого, тут же придавив лапой к камням и чиркнув клювом в опасной близости от лица. Я слепо зашарила по берегу в поисках подходящего оружия. Ухватив лежащий рядом острый булыжник, со всего размаху ударила по морде зверя, решившего меня добить. Удар пришелся прямо в глаз.

Раненый мною грифон яростно взревел, вскидываясь на задние лапы, как вставшая на дыбы взбесившаяся лошадь. Я резко катнулась в сторону и почувствовала, как уже другая когтистая лапа хватает меня и подкидывает вверх.

Приземлилась я на спину белокрылому, аккуратно между крыльев, и тут же вцепилась в шею, потому что тот тоже неожиданно встал на дыбы и пронзительно заклекотал.

Самое удивительное, что остальные грифоны замерли и больше не делали попыток напасть, лишь шумно хлопали огромными крыльями и скребли когтистыми лапами каменистый берег.

Медленно пятясь белокрылый отступал в воду, унося меня на своей спине. Шаг, другой, третий, поскользнулся, упал, обдав меня фонтаном ледяных брызг, еще шаг, небольшой камень, толчок, рваный взмах сломанных крыльев... И вот с трудом оторвавшись от земли,

раненый зверь поднимается в небо, а вместе с ним и я, судорожно вцепившаяся в его спину и от ужаса забывшая как дышать.

Грифон летел тяжело, рваными толчками, периодически заваливаясь на бок и то и дело камнем падал к воде, в последний момент успевая затормозить и снова набрать высоту, прямо перед носом у клацающих зубами голодных морских чудовищ, которыми славился этот океан.

Из последних сил мой спаситель долетел до маленького островка, одиноко торчавшего посреди недружелюбного океана и, сложив крылья, рухнул вниз, уже у самой земли успев притормозить и смягчить падение. Но я все же не удержалась и кубарем слетела с грифона, опять проехавшись по камням и больно ободрав спину.

Эту ночь я провела на высокой скале, покрытой чахлыми кустиками, возле раненого крылатого зверя из сказок, под шумный плеск волн и шлепанье хвостов карауливших нас чудовищ. Островок был совсем крохотным, необитаемым и почти без растительности, не считая редких кустов и жесткой колючей травы.

Утром грифону стало легче, сильно хромая он даже сумел спуститься к воде и выловить пару крупных рыбин, заботливо кинув одну из них к моим ногам. От вида сырой рыбы меня чуть не стошнило, и я поспешно отвернулась. Зверь, по-птичьи склонив голову набок, с любопытством наблюдал за мной. Одно крыло он сложил, второе — сломанное — так и тянулось за ним грязным покрывалом.

— Нет, спасибо, я такое не ем, — кончиком ботинка я отодвинула от себя рыбину обратно. Крылатый пару раз сморгнул, склонив голову уже на другую сторону, и забрал рыбу, тут же заглотив ее целиком.

Я пошарила по разорванной во вчерашней стычке сумке: в одном из чудом уцелевших карманов нашлась горсть орехов, заваливавшихся еще с нашей последней вылазки с Арном; в другом — маленький ножик и несколько конфет. Негусто. Но хоть что-то.

Утолив немного голод и прополоскав рот горьковато-соленой морской водой, я выжидательно посмотрела на грифона. Только он сейчас мог унести меня с острова, в противном случае мне грозила смерть от голода и жажды.

— Что делать дальше будем? — обратилась я к зверю. — Надо ведь как-то выбираться отсюда.

Грифон согласно заклекотал. И наклонившись вперед, подставил бок, предлагая на него взобраться.

Но даже в таком полупоклоне он был слишком высок для меня: размером с очень крупного коня-тяжеловоза.

Видя, что взобраться на спину у меня не получается, грифон вздохнул и поджав под себя лапы, лег и вытянул здоровое крыло. Кое-как устроившись почти на самом загривке и стараясь не задевать многочисленные раны, я вцепилась в шею моего нового друга.

Грифон, слегка разбежавшись, оттолкнулся и, тяжело взмахнув, крыльями взмыл в небо. От вида океана с высоты птичьего полета захватывало дух, рваный полет и периодическое уханье к самой воде не давали расслабиться, заставляя все сильнее стискивать перья на шее и вжиматься в тело зверя.

В какой-то момент грифон вдруг начал кружить вокруг одному ему известной точки, а затем, найдя нужное, начал зигзагами набирать высоту, шумно хлопая крыльями. Мы почти поднялись над облаками. Грифон снова сделал странный круг и камнем ухнул вниз, сложив крылья.

Я испуганно завизжала, но тут же подавила от бившего в лицо ветра.

У самой воды грифон снова затормозил, подняв лапами кучу брызг и едва не уронив меня. Отфыркавшись и проморгавшись от попавшей в лицо соленой воды, я с удивлением заметила неподалеку широкий песчаный берег. Ну надо же, а Вирнан вроде говорил, что их остров находится слишком далеко от океана.

Полет грифона стал еще тяжелее, он летел почти над самой кромкой воды, периодически касаясь ее лапами. Не долетев какой-то сотни метров, крылатый плюхнулся в воду, с головой уйдя в нее, но тут же вынырнул и, распластав по поверхности крылья, поплыл в сторону берега.

Я все же не удержалась и свалилась с грифона, наглотавшись от неожиданности воды, в самый последний момент успев ухватиться за кончик белого крыла.

Грифон тянул меня за собой, я же старалась плыть сама, только слегка придерживаясь за крыло. С трудом, но мы все же доплыли. Обессиленные, мокрые, кое-как выбрались на берег и растянулись прямо на песке. Меня трясло от холода, мокрая одежда неприятно липла к телу, поэтому, скинув куртку и брюки, оставшись в нижнем белье и разорванной рубашке, ничуть не боясь, залезла под приглашающе приподнятое крыло грифона, прижимаясь к мокрому, но теплому боку.

Разбудил меня холод и движение. Грифон, сложив здоровое крыло и подтянув раненое, прихрамывая на лапы, ушел к воде.

— Ты разумный, да? — спросила я у него, когда к моим ногам снова легла обезглавленная рыба и кусочки каких-то водорослей.

Грифон, склонив голову набок, щелкнул клювом и замер.

— Тогда у тебя и имя есть? Меня, вот, Инга зовут.

На этот раз он наклонился и слегка боднул меня головой.

— Что? Я не понимаю, что ты хочешь сказать. — улыбнулась я, пытаюсь удержаться на ногах.

Грифон снова боднул меня, а затем поднырнул под мою руку так, что ладонь оказалась на его клюве, и замер, ожидая от меня ответных действий.

— Я все равно не понимаю, — ласково погладила я основание клюва.

Грифон опять заклекотал, полуприкрыв глаза, а я погладила клюв и морду уже смелее:

— Я так и не поняла, что ты от меня хочешь и как тебя зовут, но если ты не против, я буду звать тебя Никс, или Никса, пока не выясним твое имя. Это на одном из языков моего мира, означает «снежный».

Мне показалось, что в ладонь толкнулось что-то теплое, прокатившись по руке и осев где-то на уровне сердца.

Грифон ласково потерся головой, а затем, вырвав из крыла маленькое перышко, протянул мне.

— Спасибо. Это чудесный подарок, — поблагодарила я зверя, пряча перышко в карман. — У меня с собой ничего нет, но если хочешь, могу подарить тебе вот такое украшение. Я сама его сделала.

Я сдернула с волос узкий шнурок с маленькой синей бусинкой и протянула грифону. Тот важно задрал голову, подставляя шею, и я заплела тонкую косицу на длинной белой шерсти, вплетая шнурок и завязывая на крепкий узел.

— Будем друзьями, Никс, — улыбнулась я, торжественно завязывая узелок.

Грифон тут же дернул меня за прядь волос, с которой я сняла украшения, а затем

потянул за карман, в который я убрала перо.

— Ты хочешь, чтобы я тоже примерила твоё украшение? — осенило меня. Сдернув с волос второй такой же шнурок, заплела на виске тоненькую косицу и вплела шнурок, закрепив перо на самом кончике прядки. — Ну вот, теперь я тоже красавица.

Грифон удовлетворенно курлыкнул, положив тяжелую голову мне на плечо. От него пахло кровью, рыбой и илом. Чуть-чуть посомневавшись, я обняла грифона в ответ.

Наша идиллия была недолгой. Никс вдруг заволновался, замотал головой, тревожно указывая на что-то позади меня.

Я обернулась и увидела приближающихся к нам всадников. Я поспешно схватилась за все ещё мокрые штаны и куртку. Содрогаясь от холода, кое-как успела натянуть одежду, пряча разорванный ворот рубашки. Грифон сильно нервничал и все порывался меня спрятать под здоровым крылом.

— Ну надо же, какую экзотическую прелестницу нам послал океан. Да не одну, а с грифоном, — остановился около меня один из всадников — молодой темноволосый мужчина на крупном гнедом жеребце. — Только посмотрите какой цвет волос.

Я тихонько скосила глаза на прядь упавшую на лицо. Ну да, со своим светло-русый я сильно выделялась на фоне черноволосых кьерров. Но неужели среди людей нет блондинов?

— Девчонку в седло, грифона пристрелить. — последовал короткий приказ от ещё одного всадника, сильно выделявшегося на фоне всех остальных. Кажется, он тут заглавного.

— Подождите! Что значит «в седло»? — возмутилась я. — Я никуда не поеду.

— Но Тэнкс, это же белый грифон. О таких даже упоминаний нигде нет. Мы же озолотимся! — возразил третий всадник стоявший в нескольких шагах от первых двух.

— У грифона уже привязка на девчонку. Он бесполезен. — возразил тот, кого назвали Тэнксом. — А вот проблем доставит немало, пытаясь отбить свою маленькую хозяйку. Грузите девчонку.

— Эй, послушайте! Что вы себе позволяете?! Кто вы вообще такие?! — завизжала я, когда один из всадников, тот, что стоял в отдалении, ловко подхватил меня и перекинул поперек седла.

— Не рыпайся, или я серьезно подпорчу твоё хорошенькое личико, — в нос мне уперся кончик острого кинжала.

— Но послушайте, так ведь нельзя! — все ещё пыталась вывернуться я. — Я свободный человек!

— А это уже кэп решать будет, свободная ты или не очень. — хохотнул темноволосый, спешиваясь со своего гнедого, чтобы связать мне ноги и руки. — Будешь визжать, ещё и кляп в рот затолкаю и мешок на голову одену, — пригрозил он мне, затянув узлы веревки на запястьях так, что они врезались в кожу.

— Пожалуйста, только не убивайте грифона, он мне жизнь спас, — разревелась я, видя, как тот самый Тэнкс достает что-то очень похожее на модернизированный арбалет и направляет в сторону Никса. — Пожалуйста.

— Прости, пташка, сегодня не твой день, — мерзко ухмыльнулся Тэнкс и повернулся к темноволосому: — Двигай, Соёр. Покажешь девчонку капитану. Он придумает, что с ней сделать, а мы с Пирфом здесь с птичкой развлечемся.

Он хлопнул коня Соёра по крупу и повернулся к грифону. Конь сорвался с места, меня подкинуло, больно ударив в бок седлом.

«Помоги мне, Вир» — взмолилась я, вспомнив о нашей эмоциональной связи. Я

пыталась прислушаться к себе, выискивая чуждые эмоции, но ответом была тишина. Наверное, нужно лучше сосредоточиться. Сейчас же меня отвлекали периодические шлепки конвоира по пятой точке. Когда он в очередной раз ухватил меня за ягодички, с силой сжав их, я не выдержала и взбрыкнула, тут же слетев под копыта лошади. Хорошо хоть двигались мы неспешным шагом и отделалась я парой царапин.

— Крошка, я смотрю ты не прочь развлечься на земле, — радостно осклабился Соёр, спрыгивая следом и хватаясь за штаны.

Я поползла задом, отталкиваясь ногами и помогая себе руками.

— Ну же милая, тебе понравится, — продолжал наступать Соёр. — от меня еще не уходили разочарованными.

— Пожалуйста, не надо, — плакала я, цепенея от одной мысли, что сейчас со мной сделают.

— Оставь ее Соёр, — прозвучал позади меня властный, с нотками металла голос. — Не про тебя такая.

— А я что, кэп, я ничего. Только припугнуть хотел. Больно уж дикая девка. — тут же пошел на попятный Соёр, делая вид, что просто поправляет штаны.

Я обернулась. Передо мной стоял симпатичный мужчина в серой форме, держащий под уздцы рыжую лошадь.

— Пожалуйста, отпустите меня! — взмолилась я, обращаясь к нему.

— Соёр, кто это? Откуда девчонка? — обратился к моему конвоиру мужчина, не обращая внимания на меня.

— На берегу нашли с грифоном. Тэнкс сейчас зверюгой занимается

— Вы идиоты, — мрачно заключил мужчина, наклоняясь ко мне и помогая развязать руки. — Неужели непонятно, что барышня непростая? Ты хоть раз слышал о том, чтобы всадниками грифонов были люди? А чтобы грифоны были белыми? А если она протезе Ааш-ту? Они же весь твой род с землей сравнивают, если их женщину обидеть.

— Но кэп... такая девочка. Ты посмотри какой цвет волос. Да за нее же в Зартане золота отвесят столько, сколько она весит. А грифон тот все равно не жилец Да и не дал бы он нам свою хозяйку забрать, сам же знаешь как они ревностно к своим наездникам относятся.

— То есть, на живого грифона рассчитывать не придется... — мрачно заключил кэп, и, наконец-то обратился ко мне: — Приношу извинения, вейта...?

— Инга, — буркнула я, принимая услужливо протянутую руку и поднимаясь с земли.

— Очень приятно, вейта Инга. Капитан Дейнар, патруль четвертого сектора южного побережья. — Откуда вы? Что потеряли в этой части берега?

— Мой грифон был ранен, пришлось остановиться здесь, — уклонилась от ответа, а заодно не стала говорить, что я не вейта. Пусть думает, что я из благородных. Не нравился мне ни этот капитан, ни его поделник Соёр.

— А куда держали путь? Возможно, мы сможем вас проводить. Такой юной леди опасно передвигаться в одиночестве, — не отставал от меня капитан.

— В столицу. К Академии, — снова вывернулась я. — Студен по обмену.

Надеюсь, у них тут есть какие-нибудь академии. Как плохо, что Вир почти ничего не рассказывал мне про материк.

При мысли о Вирнине сердце болезненно сжалось. И снова я не смогла почувствовать друга. Может, расстояние слишком большое, или опыта у меня маловато? Надеюсь, Вирн

сумеет почувствовать, как мне плохо без него и придет. Нужно только немного подождать.

Глава 3

Дейнар оказался приятным человеком, по его словам — чистокровным. Он заботливо посадил меня на свою лошадь, постоянно извиняясь за действия своих сослуживцев. На привале он самолично приносил мне тарелку с кашей и кружку напитка, весьма смутно напоминающего смесь кофе и чая. Мне выделили индивидуальную палатку для ночлега, которую охранял сам Дейнар, уважительно называли вейтой и оказывали всяческие знаки уважения, старательно при этом обходя тему грифона. Тэнкс и второй мужчина, оставшиеся с грифоном, кстати, так и не явились, и о судьбе Никса я ничего не знала. На мои просьбы вернуться к берегу Дейнар отмалчивался, сразу становясь холодным и отстраненным, всем своим видом красноречиво показывая, что данная тема табу, а все это вежливое и уважительное обращение всего лишь иллюзия, и я по-прежнему пленница.

Каждую ночь, перед сном, я старательно пыталась почувствовать Вирнана, достучаться до него, но каждый раз натыкалась на глухую стену молчания, словно и не было никакого ритуала и эмоциональной привязки. Я убедилась в том, что из-за того, что я человек ритуал не срабатывает правильно, как между кьеррами: мы друг от друга слишком далеко, но стоит нам встретиться, как снова все станет хорошо.

С Дейнаром у нас установились настороженно-дружеские отношения: он аккуратно пытался выведать хоть что-нибудь обо мне, уклоняясь от рассказов о себе, я отвечала ему тем же. В итоге мы ходили кругами вокруг нужной нам информации, обмениваясь дежурными фразами, натужными комплиментами и вымученными улыбкам, делая вид, что в восторге друг от друга.

Мы ехали медленно, объезжая стороной населенные пункты. Периодически одни люди покидали наш маленький отряд, другие присоединялись. Но ни один из них не задавал открыто вопросов о моем присутствии. Дейнар выдал мне шапку, попросив спрятать волосы и как можно меньше выходить по вечерам из палатки и общаться с кем-либо кроме него.

О маршруте мне никто ничего не говорил, но двигались мы, судя по всему, куда-то на север: с каждым днем становилось все холоднее, ледяные дожди сменялись колючими пронизывающими ветрами, по утрам частенько на остатках пожухлой травы лежал иней.

В один из таких вечеров, когда погода особенно сильно разбушевалась, разродившись ливнем, сменившимся ледяной крошкой и порывистым колючим ветром, к нашей стоянке подошел незнакомый отряд. В этот момент мы с Дейнаром, в обществе еще двоих его сослуживцев, пили горячий отвар с добавлением вина и играли в настольную игру в просторном шатре. Меня спешно отправили в мою палатку, сунув в руки кружку с чаем и кусок хлеба с сыром и велели не высовываться, пока не уйдут гости, а Дейнар отправился встречать пришедших.

Шло время, гости не торопились уезжать, основательно расположившись на стоянку вместе с нами. Через какое-то время от костра послышался гомон, пьяный смех и скабрзные мужские шуточки. Я, как загнанный зверь, металась по палатке, предчувствуя неумолимое приближение беды. На улице уже стемнело. И я, подталкиваемая тревогой, решила послушаться приказа и выбраться наружу. Словно тонкая невидимая нить тянула меня за пределы лагеря, к высоким колючим кустам, раскинувшимся неподалеку, покрытым ядовито-зелеными иголками хвои, слабо флюоресцирующим в свете костра.

Остановившись в двух шагах, я зябко поежилась, обхватывая себя руками. Дождь

прекратился, а вот ветер, наоборот усилился, и теперь настойчиво врывался под тоненькую куртку, ледяным дыханием спускаясь вдоль позвоночника. Я пристально вглядывалась в темноту, силясь разглядеть что такое манящее прячется за колючими ветками. Тревога все усиливалась, сердце заходило в бешеном ритме. Я словно стояла на краю бездонной пропасти, готовясь шагнуть в нее.

— Замерзнешь, маленькая вейта, — на плечи опустилась тяжелая мужская куртка, пахнувшая табаком, костром и чем-то неуловимо-знакомым, а следом за ней и теплые мужские руки, обняли за плечи, разворачивая к себе. Дейнар склонился ко мне, почти коснувшись губами виска, дыхнув в лицо смесью алкоголя, табака и еще чего-то сладковато-приторного, и растягивая слова зашептал: — Иди в палатку. Не следует гулять в темноте среди такого количества пьяных незнакомых мужчин. Ты слишком сладкое искушение.

Он запахнул на мне плотнее куртку, накинув сверху еще и капюшон, но выпускать из объятий не торопился. Так мы и стояли: я испуганным кроликом замеревшая перед ним, вглядываясь в расширенные до предела зрачки пустых, безумных глаз и он, высокий, сильный, в распахнутой на груди рубашке, с растрепавшимися на ветру волосами и шальной улыбкой.

— Иди же, вейта, — прошептал он мне прямо в губы, склонившись так низко, что наши носы соприкасались. — Не искушай меня.

Его взгляд гипнотизировал, лишал воли. Я чувствовала, что проваливаюсь, становлюсь послушной куклой, поддаваясь его желанию.

Меня привела в чувство неожиданная вспышка злости и брезгливости. На долю секунды я стала настолько противна самой себе, что меня практически вывернуло наизнанку. Негодование, обида, ревность... Эмоции, нахлынувшие лавиной, выбили почву из под ног. Я пошатнулась и рефлекторно ухватилась покрепче за Дейнара, пытаюсь удержать равновесие. Расценив этот жест как первый шаг, капитан прижал меня к себе и впился жестким грубым поцелуем в губы.

Ярость, ненависть, горечь, тоска, боль, отвращение... Эмоции накатывали как волны в бушующем океане, усиливаясь, нарастая, грозя раздавить. Я пыталась одновременно и оттолкнуть Дейнара и справиться с чуждыми эмоциями, выворачивающими душу, причиняющими физическую боль.

«Вирнан!» — запоздало дошло до меня. И тут же лавина схлынула так же резко, как и началась, оставив после себя глухую непробиваемую стену и мертвую тишину. Я осталась одна посреди выжженной горечью и болью пустыни чувств. Невидимая ниточка связи с Миром лопнула как перетянутая струна, разорвав напополам сердце, оставив огромную кровоточащую рану и мертвую тишину.

— Отпусти меня! — наконец-то получилось вырваться и оттолкнуть Дейнара. — Ты пьян!

Дейнар снова схватил меня, зафиксировав захватом.

— Эй, кэп, тебя там пришлые ищут, — послышался слева голос Сойра.

И тут же следом за ним раздался еще один, совершенно незнакомый:

— Капитан Дейнар? Мы бы хотели обсудить некоторые вопросы... О, у вас в отряде есть девушка. Отчего же вы не пригласили ее к костру?

— Иди в свою палатку, — едва слышно прошипел мне Дейнар, подталкивая в спину, а затем, повернувшись к незнакомцу и широко улыбнувшись, ответил: — Да, это моя жена. Везу ее в столицу. Сегодня ей нездоровится — дорога нелегко дается. Она просила извинить

ее за отсутствие. Нежные городские вейточки такие слабенькие, особенно когда в положении... Сойр, проводи мою жену до палатки, ей тяжело идти.

Я подавилась воздухом и уже собиралась повернуться и возмутиться такой наглой ложью, но Сойр крепко ухватил меня за локоть и практически волоком потащил в сторону лагеря. Он впихнул меня в палатку с такой силой, что я не удержалась и грохнулась на землю, больно ударившись коленями.

— От баб одни проблемы, — сплюнул он мне под ноги. — А кэп молодец, сладенькую пташечку себе отхапал. И делиться ни с кем не хочет... Но ничего, когда-нибудь ты ему надоешь.

Я так и осталась лежать на ледяном земляном полу, подтянув колени к груди и безуспешно пытаюсь достучаться до Ви́ра. Ответом мне была мертвая, горькая тишина.

Он пришел на рассвете, когда все слезы были выплаканы, а сил на сопротивление уже не осталось.

Откинув полог палатки, вместе с порывом холодного ветра, внутрь скользнул Дейнар, растрепанный, в расстегнутой рубашке и небрежно накинутом сверху кителе. Движения его были резкими и дерганными, словно он был сломанной шарнирной куклой. Споткнувшись через меня и грязно выругавшись, он, скинув на пол китель и рубашку, рывком поднял меня с пола. Я не сопротивлялась, послушно застыв перед ним. Безумный взгляд и все та же предвкушающая шалая улыбка. Достучаться до Деймара сейчас было нереально.

— Иди ко мне, пташка, — ослабил он, с силой прижимая к себе и шаря по мне руками, пытаюсь забраться под рубашку. Я попыталась высвободиться, но только распалила его еще больше. — Иди же маленькая, я хочу знать, так ли ты хороша на вкус, как кажешься?

Он рывком дернул мою рубашку, разрывая ее окончательно и принялся стаскивать с меня штаны.

И вот тут на смену апатии и страданиям по утраченной связи с Ви́ром пришел страх, отрезвляя и приводя меня в чувства. Быть изнасилованной пьяным мужиком мне не хотелось. Я забилась в объятиях Дейнара, пытаюсь вырваться, чем раззадорила его еще больше. Он был под кайфом, и явно не контролировал ни себя, ни свою силу. Штаны полетели к разорванной рубашке. Я осталась в нижнем белье.

Поймав меня в захват и заломив руки, Деймар впился в губы поцелуем, кусая до крови, вынуждая раскрыть рот и разжать зубы. Я в ответ укусила его, тут же почувствовав на губах привкус теплой солоноватой крови.

Выпустив одну мою руку, Дейнар со всей силы ударил меня по лицу. Голова мотнулась назад, хрустнули шейные позвонки, прострелив спину огнем, к вкусу его крови добавился мой. Он снова попытался содрать с меня белье, я же, извернувшись, со всей силы вцепилась ему в кожу над ключицей, у самой шеи. Рот снова наполнился тошнотворным привкусом крови, но я все сильнее и сильнее сжимала челюсть, вонзаясь все глубже. Он рывком оторвал меня от себя, пинком отшвыривая подальше. Я сплюнула на пол кусок выдранный плоти и утерла идущую носом кровь, настороженно затаившись в углу. Сдаваться без боя я не собиралась.

— А ты горячая штучка, — сплюнул он кровь из прокушенной губы. Боль от разодранного плеча слегка отрезвила Дейнара и взгляд стал почти осознанным. — Но и я такое не прощаю.

Он выхватил из-за голенища сапога короткий кнут тяжелым зазубренным металлическим окончанием и замахнулся. Я вжала голову в колени, закрывшись руками.

Когда-то давно у деда была похожая штука — боевая казачья нагайка, и в детстве я видела, какие увечья можно нанести этим оружием, не убивая, но изрядно калеча.

Руки и бок обожгло парализующей болью. Я дернулась, подавившись воздухом застрявшим в легких. Нагайка гуляла, вспарывая и разрывая в клочья плоть, не давая ни секунды передышки. На каждый мой всхлип и вскрик, он наносил новый удар, вымещая всю клокотавшую в нем ярость, желая в моем лице проучить всех женщин, научить покорности.

Я пыталась сопротивляться, выбежать из палатки и закричать, но он поймал меня за волосы, и наотмашь, с отяжкой отходил меня везде, куда дотянулся.

С каждым ударом, с каждой новой раной из меня уходила воля к жизни и желание сопротивляться, хотелось лечь и поскорее умереть. Я просила о прекращении пытки, соглашаясь на все условия, но безумный Дейнар был глух к моим мольбам и крикам.

Я свернулась клубком, лишь изредка вздрагивая от боли, когда все новые удары попадали на свежие раны. Балансируя на грани сознания, мечтая наконец провалиться в спасительную темноту, и больше ничего не чувствовать, я увидела как в палатку ворвался один из мужчин:

— Эй, кэп, ты чего? Остановись! — кто-то смутно знакомый, пошатываясь от количества выпитого алкоголя, подскочил к Дейнару, вырывая у него из рук грозное оружие. — Ты же ее убьешь. Такой товар пропадет.

— Разложите ее, — отрывисто бросил Дейнар, приходя в себя. — Разложите, и пусть каждый желающий пользуется сегодня этой шлюхой. А завтра, если эта тварь доживет до утра, продайте кочевникам, что остановились на ночлег рядом с нами.

Меня выволокли на улицу и растянули на импровизированном ложе, надежно зафиксировав руки и ноги. Но ни у кого не возникло желания попользоваться окровавленным куском мяса, в которое меня превратили.

— Вир, мне так плохо без тебя, а ты меня бросил, — шептала я в ночную тьму разбитыми губами, все еще надеясь разрушить возведенную стену пустоты и молчания. — Ты такой же как они...

— Что, неужели нет желающих? — взревел Дейнар, после того как ко мне за всю ночь так никто и не подошел. Видимо, побрезговали. — Тогда я сам покажу как надо воспитывать маленьких строптивиц!

Он, борясь с застежкой на штанах, склонился ко мне, и прошептал, обдавая смрадом перегара смешанного с наркоманским безумием:

— Надо было быть послушной, маленькая строптивая тварь...

Из последних сил я дернулась и вцепилась зубами ему в щеку. Дейнар вырвался. Последнее, что я запомнила — оголовок нагайки, приземлившийся с огромной силой мне на переносицу.

Очнулась я от прикосновения чего-то холодного и мокрого. С трудом разлепив заплывшие глаза, увидела медленно падающие крупные снежинки, белым одеялом укрывающие все вокруг. Я лежала и смотрела на серое мрачное небо, и с каждой падающей на меня снежинкой, по телу все сильнее разливался холод, сковывая сердце прочной броней, выжигая эмоции и чувства.

— Здравствуй, маленькая Лыдинка, — прошелестел рядом тихий голос и надо мной склонилась молодая женщина, белокожая, с кипенно-белыми, припорошёнными снегом волосами и бесцветными слепыми глазами, она походила на Снежную королеву. Женщина

протянула мне узкую бледную ладонь, и я с удивлением обнаружила, что больше не связана и даже могу сесть. — Позволь помочь тебе.

— Вы кто, — с трудом ворочая языком выдавила я.

— Я та, кто может дать тебе силу отомстить обидчикам. — женщина накинула мне на плечи белоснежный плащ, скрывший мою наготу. — Я — Ульна.

— С чего вы взяли, что я хочу отомстить? — я, опираясь на протянутую ладонь, с трудом встала на дрожащие ноги. Как странно, боли я совсем не чувствовала. Только немного кружилась голова от большой потери крови.

— У тебя отняли одного друга, потом другого, за тебя выбрали как тебе жить, друг предал и отказался, тебя унизили, причинили боль... — словно длинные острые гвозди в крышку гроба, вбивала она слова в мою голову, заставляя вновь переживать случившееся.

Я окинула взглядом поляну, уже почти полностью укрытую снегом, скрывшим следы недавней стоянки. Сердце защемило, стоило вспомнить, последние эмоции Виры и внезапную тишину после; то, как я звала и умоляла помочь, а он молчал... Каленым железом отпечатывались воспоминания прошедшей ночи, выжигая все светлое, что еще жило в моем сердце. Глубоко внутри рождалась ненависть — горячая, темная, всепоглощающая. Глаза щипало, на миг изображение смазалось, подернувшись пеленой слез. К моим ногам, скатившись по щеке, упали две жемчужинки, ярким пятном выделяясь на снегу.

— Надо же, никогда не видела ничего подобного у людей, — хмыкнула Ульна, наклоняясь и подбирая жемчужины слез. На ее раскрытой ладони лежали два маленьких шарика. Один антрацитово-черный, темный как сама первозданная тьма, второй — багрово-красный, словно маленькая горячая капелька темной венозной крови — Черная, разрушающая боль и красная ненависть, такая горячая, что обжигает руки...

— Я хочу отомстить... Отомстить и забыть, не чувствовать больше, — как во сне прошептала я, глядя на ее ладони..

— Я знаю легенду про жемчужные слезы... — Ульна вложила навсегда застывшие шарики мне в руку. — Возьми. В них твоя сила, но в них и слабость. Они способны разрушить, но могут спасти. Я дам тебе силы свершить возмездие, ты же станешь моей жрицей, признаешь своей богиней.

— Я согласна, — кивнула я, крепко сжимая в руке жемчужины и прижимая их к сердцу.

— Тебя ждет один из моих храмов и посвящение в жрицы, — улыбнулась Ульна, ласково целуя меня в лоб. — Как только пройдешь обучение и получишь новое имя — получишь и мой дар. До встречи, маленькая Льдинка.

Ульна коснулась ладонью моей щеки, погладила по голове, все так же ласково улыбаясь, и рассыпалась ворохом снежинок, окутавших меня теплым одеялом. С исчезновением Ульны исчезли и какие-либо эмоции, чувства, желания. Арктический холод поселился в душе, запечатав сердце в ледяную броню, замораживая душу.

Я брела босиком по заснеженной земле, не чувствуя голода, холода и боли от ран, не испытывая стеснения по поводу своего внешнего вида, не думая, не ощущая, не вспоминая. Просто брела вперед, оставляя позади всю боль. От деревни к деревне, от города к городу, пока не дошла до храма Ульны, затерянного среди леса, неподалеку от одного из крупных городов. К тому моменту когда я добралась, зима окончательно вступила в свои права. Кто-то сердобольный, в одной из деревень подарил мне ботинки, старое, вышедшее из моды платье и ворох тряпок на бинты. Но я не запомнила кто. Да мне и не интересно было. Последнюю

часть пути я проделала сидя в телеге рядом с болтливым дедком, всю дорогу травившему байки своей молодости. Он даже довез меня до тропинки ведущей к воротам храма и долго, сочувственно, с примесью жалости, смотрел мне вслед. К Ульне обращались лишь те, кому больше нечего было терять.

Мои раны почти затянулись, превратившись в страшные уродливые рубцы, часть из которых воспалилась и периодически все еще кровоточила. Но мне было все равно. Меня больше не волновал внешний вид.

Ворота приоткрылись и наружу выглянула высокая худая женщина, затянутая в темно-серое платье, со строгим пучком волос. Увидев меня, она всплеснула руками и распахнула ворота пошире, пропуская внутрь.

— Ну надо же, еще одна, — причитала она, пока мы шли к низенькому длинному бараку, расположенному позади храма. — Уже третья за эту декаду. Ульна все собирает свои жертвы. А до этого, слыханное ли дело, два мальчишки было. Что же вам всем не живется спокойно, зачем умирать решили?

— Это не я решила, это за меня решили, — равнодушно ответила я, следуя за женщиной по узкому темному коридору мимо очереди одинаковых темно-коричневых деревянных дверей.

— За всех за вас решают, а потом вы решаете за кого-то. Замкнутый круг. Только Ульна и довольна... — парировала женщина. Остановившись у одной из дверей с незнакомым мне символом, она толкнула ее, распахивая, и сделала приглашающий жест. — Вот, это пока будет твоя комната. Там есть одежда. Еду приносят дважды в день. Выходить пока нельзя. Через четыре дня пройдешь обряд посвящения в послушницы. Через год, если выдержишь — станешь жрицей и получишь свой дар.

— А что, не все выдерживают? — поинтересовалась я, разглядывая комнату. Где-то глубоко внутри заворочалось слабое любопытство, но было тут же задавлено.

— Не все. Многие умирают, не выдержав обучения и силы проснувшегося Дара. Некоторые просто уходят, пытаются вернуться к обычной жизни. Ну, если Ульна позволит. Она тоже не всегда правильно выбирает. Бывает ошибается.

Женщина еще немного постояла, ожидая от меня какой-либо реакции, но так и не дождавшись, ушла, сказав напоследок, что ее зовут вайи Рида, и если мне что-то понадобится — сообщить ей.

Я равнодушно окинула взглядом аскетично обставленную комнату: узкое окно-бойница, из которого виднелась поляна с хозяйственными постройками, жесткая койка застеленная тонким одеялом, маленький письменный стол с подсвечником на три свечи и книжной полкой над ним, два стула с высокими спинками, платяной шкаф, и маленькая дверка, за которой скрывался умывальник и некое подобие туалета.

Над маленьким рукомойником висело мутное пыльное зеркало, в котором я сейчас и разглядывала себя, равнодушно отмечая произошедшие изменения: длинные некогда светлые волосы потемнели и слиплись от грязи, свисая неопрятными патлами, лицо все в кровавых разводах, от виска, ближе к уху, от линии роста волос к скуле — воспалившийся рубец, отекавшие нос и глаза, со следами удара в переносицу — огромным разноцветным синяком, переливающимся от желтого до лилового, разбитые губы потрескались, покрывшись некрасивыми коростами. Платье местами разодрано, правая рука перебита до кости и висит безжизненной плетью. Красотка да и только. Неудивительно, что эта Рида так испугалась меня.

Воды в рукомойнике было явно маловато для того, чтобы привести себя в более менее приличный вид, поэтому я ограничилась лицом и ладонями. Отрывать грязные заскорузлые тряпки от предплечий, где были самые глубокие и страшные раны, которые все же пришлось перетягивать, я не решилась. И хоть боль в своем нынешнем состоянии я почти не чувствовала, но понимала, что ничего хорошего не получится, начни я снимать присохшие бинты.

Еще пару минут поизучав относительно чистое, но все еще ужасное лицо, я хмыкнула, и отправилась к кровати. Мне необходим был отдых.

@@@

Через четыре дня я дала клятву перед статуей Ульны, признавая ее своей покровительницей, и меня приняли в послушницы. Начались тяжелые учебные будни. Нас поднимали до рассвета, начиналась физическая тренировка: бег, растяжка, уроки самообороны, обучение навыкам владения оружием. Одиннадцать девчонок и восемь мальчишек в возрасте от пятнадцати и до двадцати пяти, под надзором угрюмых молчаливых учителей, ежедневно собирались вместе, тренировались, заучивали длинные нудные тексты заклинаний на мертвом языке, учились медитации и самоконтролю, работали по хозяйству, а после разбредались каждый в свою комнату. Не было слышно веселого смеха и гомона, никто не пробирался в комнату к соседу, не делился переживаниями, не проводил шумных вечеринок и не шутил, мы не дружили между собой и едва ли знали кого как зовут. Мы были словно живые, но бездушные куклы, слепо выполняющие данные нам указания, запертые внутри своей боли, не желающие выбираться наружу.

Нас учили убивать и черпать энергию из боли и смерти. И мы убивали, не задумываясь над приказом, не пытаясь протестовать. И пусть у меня так и не получилось пользоваться вытянутой энергией, технику ритуального жертвоприношения я все же освоила. К концу обучения нас осталось девять. Четверо сгорели, не сумев удержать силу, двое, отгоревав, ушли, попытались вернуться к нормальной жизни, двоих исключили жрицы, одна сошла с ума и попыталась покончить с собой, куда делся самый старший из парней — никто не знал.

Мой ледяной кокон равнодушия впервые дал трещину в день посвящения в жрицы, на последнем испытании, когда надо было убить человека, заставить его медленно умирать, задыхаясь от боли. И пусть жертвой оказался маньяк и убийца, зарезавший собственную жену и детей, я не смогла пройти испытание достойно. Привычно-отработанным жестом начертив пентаграмму и прочитав заклинание, я сделала надрезы на руках и ногах полуобнаженной жертвы. Теплая алая кровь потекла по желобкам в подставленную чашу. Мужчина, еще недавно такой сильный и храбрый, лишь сдавленно мычал от ужаса. Медленно, выжигая вены жидким огнем, вытекала кровь, вытягиваемая заклинанием. Над вытянутой над чашей ладонью привычно за клубился черный сгусток энергии страха и боли. Он рос, увеличивался в размерах, пульсировал, извивался, то скручиваясь в плотный шар, то вытягиваясь длинной плетью. Основная задача состояла в том, чтобы впитать в себя эту энергию и одновременно оборвать чужую жизнь, а потом с помощью полученной силы зажечь огонь рядом с жертвенным алтарем.

Все шло чудесно, медленно, капля за каплей уходила жизнь из жертвы, оставалось три удара сердца и все будет кончено. Я приставила ритуальный кинжал к яремной впадинке, готовясь нанести удар. Стук... Стук... Последние, натужные рывки сердца, я с затаенным

удовольствием смотрю в почти белое от ужаса лицо враз постаревшего мужчины, представляя на его месте Дейнара. В воздухе витает аммиачный запах мочи. Мужчине настолько страшно, что он не в состоянии контролировать свой мочевой пузырь. И я упиваюсь этим ужасом, щеживая, словно изысканный коктейль.

Стук... слабо толкнувшись в последний раз, сердце замирает. Теперь главное не упустить момент. Но вместо того, чтобы вогнать в горло тонкий ритуальный стилет, я с неожиданной яростью впечатываю в грудь жертвы ладонь со сгустком темной энергии, что только что вытянула, и запечатываю сверху заклинанием, добавляя к нему холод собственного мертвого сердца.

Тишина... Стук... Стук... Стук-Стук... Стук...

Мертвое сердце снова стучит. Мужчина абсолютно сед, серое от ужаса лицо, слепые бельма глаз шарят по потолку, пытаюсь разглядеть хоть что-то сквозь темноту. Последнее, что видели эти глаза — мое изуродованное шрамом лицо, оскаленное в зловещей усмешке.

— Ты будешь жить, — почти ласково прошептала, склоняясь над ним и касаясь ладонью щеки, — и до самой смерти, каждую ночь будешь испытывать весь тот страх, что испытывали твои жертвы. И не будет тебе успокоения, пока не раскаешься и не осознаешь греха своего. А там, по ту сторону жизни тебя встречу я... и проверю.

Едва пришедший в себя мужчина тихо всхлипнул.

— Я всегда буду рядом, в твоих снах, помни об этом, — я обмакнула кончик пальца в чашу с кровью и облизала, а затем наклонилась и поцеловала мужчину в лоб. Моя жертва тихо всхлипнула от ужаса и отключилась.

Глава 4

Собрав вещи и прибравшись, я сидела в своей комнате, готовясь в любой момент освободить ее для нового владельца, и покорно ждала решения. Испытания я провалила, как впрочем и предыдущие. Я легко могла изъять энергию жизни, но никогда — воспользоваться ею. Не знаю, почему старшие жрицы до сих пор не выгнали меня, как неперспективную.

— Здравствуй, маленькая Льдинка, — прямо передо мной соткался полупрозрачный образ Ульны.

— Приветствую тебя, Ульна, — я сползла с кровати, опустилась на колени и склонила голову, замирая в позе покорности, всё, как учили жрицы-наставницы.

— Встань, дитя и посмотри на меня. Сегодня твой день, и я желаю беседовать с тобой на равных.

— Я не прошла испытание, — я послушно встала, но смотреть в глаза богине побоялась, так и оставшись стоять с низко опущенной головой.

— Отнюдь, — Ульна ласково погладила меня по волосам и коснулась подбородка, мягко, но настойчиво все же вынуждая посмотреть на нее. — Уметь вовремя остановиться, принять правильное решение, не идя на поводу приказов и собственной одержимости — это ли не успешное завершение испытания? Ты достойна того, чтобы обрести новое имя и новую жизнь, вершить справедливость и защищать живущих в этом мире. Через треть декады состоится обряд имя наречения. А сейчас отправляйся в кузню и выбери себе собственное оружие. Постарайся выбрать сердцем. Ты поймешь для чего.

— Вы дадите мне дар, даже несмотря на то, что я не смогла достойно пройти обучение?

— В тебе уже есть дар, тот самый, что так и не смог разглядеть твой друг. Нужно просто разбудить его, — Ульна улыбнулась, снова, как и в первую встречу, едва касаясь губами

поцеловала меня в лоб, и исчезла. Только несколько стремительно тающих на полу снежинок указывали на то, что богиня мне не привиделась.

Нас, таких поцелованных, получивших право на новое имя и собственное оружие оказалось всего двое. Из девятнадцати изначальных. Остальные семеро из девяти, проходивших финальное испытание, получили статус младших жрецов и возможность остаться при храме.

Я и Лео — второй поцелованный — курносый темноволосый паренек лет пятнадцати на вид, вот уже час бродили по кузне между заготовками, прислушиваясь к себе и выбирая собственный ритуальный кинжал.

Лео выбрал первым. С громким радостным вскриком он выхватил длинный узкий стилет с вычурной рукояткой. Прижав к себе находку он убежал к кузнецу — огромному, заросшему бородой, с длинными седыми волосами, стянутыми в низкий хвост и черными как ночь глазами, зорко смотрящими на всех из-под белых кустистых, всегда сурово нахмуренных бровей. Я же все бродила между полками, пытаюсь найти что-то подходящее, изредка беря в руки, примеряясь и взвешивая в ладони, но мне так и не приглянулся ни один. Лео уже ушел, о чем-то договорившись с кузнецом, а я так и не выбрала. Решив попытаться счастья завтра с утра, я направилась к выходу, но у стола, на котором стоял ящик с разнообразными обломками, предназначенными на переплавку, я неожиданно запнулась и пытаюсь сохранить равновесие, ухватилась за этот ящик. Словно повинувшись чьей-то воле в этот же момент подломила ножка у стола, и короб со всяким металлоломом посыпался мне под ноги.

Я наклонилась помочь кузнецу собрать рассыпанное, и тут же мне в ладонь ткнулось что-то теплое: с удивлением обнаружила у себя в руках обломок кинжала, рукоять которого была в виде торса красивой женщины с крыльями вместо рук, узкое трёхгранное лезвие было продолжением ног. Сейчас кинжал выглядел весьма плачевно: одно крыло обломано, клинок весь в зазубринах и пятнах не то крови, не то ржавчины, но я точно знала — это именно то, что мне нужно.

— Мда, непростой кинжал ты себе выбрала, девочка, — пробурчал кузнец, глядя на мою находку. — Предыдущий хозяин его был сложным магом... темным... Да история о его гибели покрыта таинственным мраком.

— Я тоже не светлая, — буркнула в ответ, прижимая кинжал к груди. — И это не я выбрала, а меня выбрали.

— Ну раз выбрали... — кузнец поднялся с колен и поманил за собой. Достав маленькую шкатулку и протянул мне: — Вот, складывай сюда свою находку. В баночку сцедишь немного крови, только надрез делай заготовкой, первую кровь она должна испить твою, и только потом жертвенную.

— Гретхен... Её зовут Гретхен. Жемчужина, — выполнив наказ и возвращая кузнецу шкатулку, удивленно пробормотала я, вдруг поняв, что знаю имя кинжала.

Вытянув из-за ворота маленький мешочек в котором носила свои слезы — жемчужинки, я кинула их рядом с обломком кинжала и баночкой с кровью. Сейчас мне показалось это правильным.

Имянаречение состоялось на закате третьего дня. Сама Ульна явилась к своим детям. Первой имя получала я, в тишине и одиночестве, за закрытыми дверями храма. Это таинство проходило наедине.

Простоволосая, босая, в длинной белой рубаше я шла по ледяной тропинке к подножию статуи Ульны, рядом с которой стояла сама богиня, сегодня как никогда холодная и величественная. На вытянутых руках над большой плоской чашей она держала мой кинжал.

Церемониально поклонившись, я приняла дар и, следуя инструкциям старших жриц, тут же сделала глубокий надрез на правой ладони, вдоль линии жизни, от указательного пальца к запястью, не забывая при этом читать выученное заклинание. Кинжал, инкрустированный обеими жемчужинами и уже испивший моей крови, вдруг слабо замерцал, наливаясь светом. Тонкой струйкой стекала теплая алая кровь в подставленную чашу, читая заклинание и не отрывая взгляда от улыбающейся богини, я вкладывала в произносимые строчки всю ту боль, что успела испытать в этом мире, всю ненависть, всю обиду. Яркий свет неожиданно начал тускнеть и сереть, и вот уже вместо сияния вокруг кинжала клубится тьма. Улыбка Ульны стала слегка натянутой, но не исчезла. Дочитав последнюю строчку, я замолчала. Исчезла и клубящаяся тьма, превратив кинжал из серебристого в антрацитово-черный. Исчезли жемчужины, растворившись в лезвии. Зато я почувствовала, как заворочалась внутри кинжала Гретхен — запертая душа.

— Нарекаю тебя Искерд — Ледяная защитница, — торжественно произнесла Ульна, обмакивая свои ладони в чашу с кровью и прочерчивая на моем лице и руках кровавые полосы. — Служи своему Дару достойно.

Стайка крупных, словно экзотические бабочки, снежинок окружила меня, облепивая с ног до головы. От неожиданности зажмурилась, чувствуя, как они забиваются в глаз, уши, нос, рот. Когда они опали, я обнаружила себя в пустой комнате перед огромным зеркалом из которого на меня смотрела незнакомка, затянутая в белый облегающий комбинезон, высокие сапоги и короткую куртку с глубоким капюшоном и меховой опушкой: длинные снежно-белые волосы, такие же брови и ресницы, бледные губы, и только глаза, темные, как грозовое небо, свинцово-серые, ярким пятном выделялись на идеально гладком красивом лице.

— Нравится? — раздался позади меня довольный голос. Обернувшись, заметила рядом с собой Ульну, которая почему-то не отображалась в зеркале.

— Если честно, я похожа на супергероя в латексном костюме из фильма Марвелл. Да и непрактичен белый в быту, а еще он полнит, — фыркнула я, снова поворачиваясь к зеркалу. — Это теперь я? Насовсем? А куда шрамы делись?

— У этой девушки нет никаких шрамов, ни телесных, ни душевных. — мне на плечи, поверх куртки легли тонкие ладони Ульны. — Это лишь часть тебя. Та часть, что владеет Даром. На самом деле ты все еще маленькая Инга-Льдинка, добрая, доверчивая, отчаянно нуждающаяся в любви. Просто у тебя теперь есть другая ипостась. И это не я ее выбрала. Твоя душа, закрывшаяся в ледяном коконе обид, создала этот образ. Твое дело — принять и научиться пользоваться пробудившимся даром, или же отказаться и навсегда застыть обиженной льдинкой.

— Ясно, значит все-таки супергерой в белом трико... Красавица ночью, а днем урод. Супергерой он только так и живет... — мрачно пробормотала я, прислушиваясь к новым ощущениям. — Какой у меня дар хоть теперь? И кому возмездие нести?

— Несносная девчонка. Никакого уважения к богам, — рассмеялась Ульна. — Твой дар не снаружи, он внутри тебя. Прислушайся к голосу крови, и ты все поймешь. А Гретхен подскажет.

— Как же вы, власть имущие, любите загадками говорить, — притворно вздохнула я,

оборачиваясь к Ульне. — Почему бы сразу не сказать: ты, Инга, умеешь фаерболы метать, в ледышку замораживать, мастерски кровь выпускать, цветочки на чужих могилках проращивать...

— Вижу, в этой ипостаси эмоции у тебя все-таки есть. Я боялась, что будет хуже, — снова улыбнулась Ульна, — Огнем, ты увы, не владеешь, магия земли тоже тебе недоступна. Холод — только в твоей душе. Но, думаю, при желании ты сможешь им поделиться с окружающими. А твой дар он внутри, в тебе самой. Прислушайся же...

Я честно попыталась прислушаться и найти в себе хоть какие-то изменения, но кроме внешности, увиденной в зеркале, так ничего и не обнаружила.

— Я и сама не знаю всего, что ты умеешь. И если скажу, что можешь летать, а ты не полетишь, решишь ведь, что я тебя обманула? А на самом деле ты не смогла полететь из-за отсутствия знаний, веры, тренировок или еще по какой-то причине, — пояснила Ульна увидев мое скептическое выражение лица. — Просто прислушайся к себе. И пробуй. Не бойся экспериментировать. И слушай Гретхен. Мне пора. До встречи, маленькая Лыдинка.

Ульна погладила меня по щеке и исчезла в вихре снега. А когда я проморгалась, обнаружила, что все так же стою у ритуальной чаши, в том же платье, что вошла сюда. Все так же течет из раны кровь, а ладонь сжимает подаренный кинжал, вот только в зале я совсем одна. Богиня исчезла.

Вспомнив чему учили жрицы, бросила свое ритуальное оружие в чашу с кровью, дождалась, пока он пропитается ей полностью, а затем вылила остатки под ноги статуе, поклонилась, прошептав заученные слова благодарности и, не оборачиваясь вышла, сжимая испачканный кинжал.

В своей комнате я первым делом кинулась к зеркалу. И не сдержал стон разочарования: все то же лицо с некрасивым шрамом, испачканное подсохшей кровью, русые волосы и самые обычные серо-зеленые глаза, без того тяжёлого свинцового оттенка. Неужели все показалось?

С тихим скрипом отворилась дверь и в комнату вошла вайи Рида:

— Приводи себя в порядок и собирайся, девочка. Тебе пора отправляться.

— Я знаю, вайи. Но куда? Кто я теперь? — обернулась я к жрице, надеясь получить ответ от нее. — Ульна так ничего и не сказала. Я даже не знаю какой у меня дар.

— Ну ведь у тебя была какая-то цель, когда ты постучала в ворота храма? Попробуй отправиться в столицу и поискать ответы там.

— Как же вы все любите говорить загадками, — вздохнула я, присаживаясь рядом.

— Я не могу отвечать прямо, ты должна сама выбрать свой путь. Я только подсказываю ориентиры. Попробуй для начала разобраться со своим даром, научиться его контролировать. Вспомни, чего хотела, чем жила, прежде чем попасть к нам... — вайи Рида погладила меня по волосам, ласково прижимая к себе. — Но будь осторожна, девочка. Подарки Ульны не всегда просты. Иногда они — тяжелое бремя, и, увлекшись мстостью, можно сгореть в огне собственного дара, вернувшись к тому, с чего начала.

— А у вас тоже был дар? — решила я задать вопрос, пользуясь добродушным настроением Риды.

— Был, но я направила его не в то русло... — Вайи Рида тяжело вздохнула и поднялась с кровати. — Ну хватит откровенностей. У тебя свой путь. Пройди его достойно.

Кивнув мне напоследок, она, снова став замкнуто-молчаливой, вышла из комнаты.

Через два часа я уже стояла на дороге ведущей к городу, сжимая в руках легкую холщовую сумку с небольшим запасом еды и документами. К Ульне приходили и уходили налегке, каждый раз начиная жизнь заново.

Вот уже четвертый день я слонялась по Йоргнену — городу, рядом с которым располагался храм, ночуя где придется и питаюсь остатками провианта, выданного жрицами. Я пыталась узнать хоть какие-то сведения о Дейнаре и Вирнана, а заодно заработать денег для поездки к Академии. Вирнан не говорил в какой стране будет обучаться, но обмолвился, что это будет столица.

За период обучения у жриц, я узнала об этом мире многое, прочитав почти всю имеющуюся у них библиотеку. Один большой материк, множество мелких, неисследованных островов, условно обозначенных необитаемыми, практически полностью отсутствовавшее судоходство из-за враждебной среды океана. Воздушное сообщение в основном надземное с помощью грифов — огромных птиц, очень похожих на наших орлов, только размером с птеродактиля, церцер — длинных мощных крылатых ящериц, которых при наличии хорошей фантазии можно было даже принять за драконов. И если грифы перевозили в основном по одному пассажиру, но на длинные расстояния, то церцеры считались транспортом общественным, вмещали до шести-восьми пассажиров, сидящих в специальной передвижной будке-корзине, крепящейся под брюхом у ящерицы, но расстояние преодолевали короткое, с частыми остановками на специально предусмотренных площадках. У ааш-ту еще были грифоны, единственные из крылатых, способных пересечь океан, но и те не все и не на всякое расстояние.

Две крупных страны, по числу основных и самых многочисленных рас: Ааш-ту — духов стихий — и людей. Когда-то еще были кьерры, ныне считающиеся полностью истребленными в ходе последней войны, и ицури — малочисленная раса демонов-оборотней, как называют их люди. Поскольку земли Ааш-ту были закрытыми, с весьма сложной пропускной системой и тотальным контролем новоприбывших, а о самой расе мало что известно, их страну я отмела сразу. Оставалась Макуна — главный и самый крупный город ицури, и три столицы людей — Эмйорд, Хийтола и Нёттере. Первой я выбрала Хийтолу, как самую ближайшую.

О своем даре я начала догадываться на четвертые сутки, когда в поисках ночлега, случайно натолкнулась на одного из людей, бывших в отряде Дейнара. Зачесались кончики пальцев, прострелило болью шрам на ладони, заломило десны, появилось нестерпимое желание вытащить из импровизированных ножен кинжал, что я и сделала, приставив нож к горлу незадачливого подвыпившего мужчины, не признавшего во мне ту девчонку, что они когда-то оставили умирать на снегу.

— Здравствуй, Мирсо, — предвкушающе улыбнулась я, чувствуя как дернулся от страха кадык судорожно сглотнувшего мужчины. — Помнишь меня?

Маленькая капелька крови из ранки, оставленной кинжалом, стекла по шее Мирсо. Поддавшись искушению, я, ощутило переигрывая, подцепила ее грязным пальцем с обломанным ногтем и смачно облизала.

Кадык Мирсо дернулся во второй раз, и вторая капля поползла уже по кинжалу.

И тут же я почувствовала, как меняется мир, добавляются новые звуки, запахи, зрение стало четче.

— На тебе печать Ульны, — испуганно вздрогнул Мирсо, уставившись широко

раскрытыми глазами, полными ужаса, который тут же сменился обреченностью. — Только семью не трогай, — едва слышно прошептал он, подставляя шею и опуская руки вдоль туловища.

Вот как? Таких как я боятся?

— Где Дейнар? Ответишь честно, и, может быть, останешься жив, — я снова надавила кинжалом на шею, делая порез чуть глубже.

— Кэп отправился в столицу, кажется, в Нёттере. Ему дали повышение. А нас вот распустили... Ты ведь та девочка, что мы подобрали в прошлом году, с берега?

— Угадал, — оскалилась я. По венам разливался холод, жидким азотом вымораживая внутренности, превращая сердце в хрупкое стекло. — Теперь моя очередь вас подбирать...

Замахнувшись, я мазнула кинжалом по лицу Мирсо, оставляя шрам в виде руны Ис на его щеке, а затем переместила свое оружие к его паху.

— Снимай штаны, — процедила я, удостоверившись, что в переулке никого нет.

Мирсо всхлипнул, но послушался, дрожащими руками распутав застёжку.

— Мда, и вот этим ты меня когда-то грозился приласкать? — насмешливо фыркнула, приставляя Гретхен к мужскому достоинству.

— Пожалуйста... пожалуйста... — всхлипывал мужчина, боясь пошевелиться.

Быстрый росчерк и вот уже в паху появляется новый порез, гораздо глубже того, что на щеке, и новая руна — Сса — алым всполохом засияла на теле, сделав мужчину несостоятельным.

— Это тебе напоминание, Мирсо, — прошептала я, почти касаясь губами его уха, — о шальных деньках. Надеюсь ты успел достаточно насладиться женщинами, ибо теперь сможешь только смотреть на них.

— Будь ты проклята, — в какой-то обреченной ярости выплевывает он мне в лицо. — Лучше бы ты сдохла там, на снегу. Зря я пожалел тебя.

— А я уже проклята... с того самого момента, как сдохла там, на снегу... — отвечаю ему его же фразой, наслаждаясь и упиваясь его страхом. — Вот только вы — все еще живые, и я это исправлю...

Его кровь, густая, с запахом застарелой болезни и ужаса, капает мне на сапоги, стекая по ним на землю.

— С Дейнаром такое не пройдет, много вас таких, мстительных, приходило за ним. И где все? — Мирсо все же переборол страх и зажал порез ладонями, но попыток напасть на меня, слабую девчонку, по-прежнему не предпринял.

— А ты передай ему, если встретишь, что и я приду. Обязательно. Ко всем приду, а к нему — особенно, — я почти нежно поцеловала мужчину в окровавленную щеку, там где красовалась руна, и, чувствуя, как тело переполняется энергией, легко Перемахнула через забор, запрыгнула на первый этаж, подтянувшись за подоконник, перемахнула на балкон второго, а оттуда уже на крышу. В крови бурлила сила, а за спиной, казалось, вот-вот прорежутся крылья. И мне нравилось это состояние, как и та, девчонка, что пришла на смену слишком мягкой и влюбчивой Инге.

— Я иду за вами, мальчики, — прошептала в темноту, перепрыгивая на соседнюю, рядом стоящую крышу.

В крови бурлил дар, пьянящая радость всемогущества и вседозволенности смывала рамки контроля. В голове словно маленькие маячки мигали маленькие точки, отслеживая

творящийся на улицах беспредел, призывая идти к ним, свершить правосудие.

Меня не интересовали кражи, воровство. Мой внутренний пеленгатор был настроен на убийства невинных и насилие невинных. Еще двое сегодня лишились возможности продолжить род, один — остался без пальцев, и последний, вернее последняя, получила то же увечье, что нанесла своей жертве. Но все остались в живых.

Я входила во вкус. С каждой новой жертвой мне хотелось все больше. И все тише звучали голоса природной жалости и сердоболия.

До Хийтолы я добралась в образе Исгерд, уже полностью свыкнувшись с новым обликом. Мне нравилась эта дамочка. Решительная, холодная, бесстрашная.

В южной столице я нашла четверых из отряда Дейнара. Не все остались в живых. Нс одного я отпустила без должного наказания. Он наказал себя сам, полностью искупив грехи прошлых лет. Зато, благодаря этим четверым, мои финансы значительно улучшились, и больше не приходилось ночевать на улицах и в сомнительных подворотнях, питаюсь чем придется.

Мне потребовалось несколько недель, чтобы выяснить, что Вирнана и Дейнара в городе нет, а значит, следующий пункт — Нёттере.

За те дни, что я провела в Хийтоле, я посетила почти все доступные общественные библиотеки, собирая по крупицам сведения об Ульне и своем даре. Ничего стоящего, кроме парочки легенд, в которых говорилось, что Ульна — это один из стражей справедливости, настолько отчаянно желавшая стать старшим богом, что однажды пошла на преступление, осудив невинного, за что и была разжалована и изгнана из пантеона.

Про мою способность перевоплощаться я не нашла ни единого упоминания, кроме все той же легенды, про Ульну, которая до своего изгнания как раз и имела несколько обликов, меня их в зависимости от тяжести преступления наказуемого.

Надеюсь, в Нёттере я узнаю больше, все-таки это самый крупный город в Шконзе — землях людей.

На подходе к северной столице, ночуя в одной из крохотных придорожных таверн, что редко, но все же встречались вдоль главной столичной дороги, я поутру неожиданно обнаружила, что Исгерд исчезла, а я снова невзрачная Инга. Понять, о чем шепчет мне Гретхен перед сном пока не удавалось, а в том, что это был именно ее голос, а не внезапно нагрянувшая шизофрения, я уже не сомневалась, поэтому, спросить, почему вдруг сменилась «ипостась» и как вернуть ее обратно было не у кого. Хотя... о том, что, чтобы стать Исгерд, нужно напоить кинжал кровью, я уже выяснила, еще при встрече с Мирсо. Но вот почему произошло обратное превращение?

От таверны до Нёттере я добиралась дольше, чем планировала. Как оказалось, Инга, в отличии от Исгерд, слабее, быстрее устает, острее чувствует холод и голод, но зато меньше испытывает эмоций.

Северная столица была окружена четырьмя кругами безопасности. Первый — естественный, природный, образованный берегом моря с одной стороны и скалистыми горами с заснеженными шапками вершин с другой. Два узких тоннеля-прохода, вырубленные прямо в горном массиве, вели в одно из трех сердец Шконзе — Нёттере, неприступный город, расположенный на дне каменной чаши, поросшей вековым лесом.

Когда-то он был единственным, но из-за своей географической удаленности и трудностей торгового сообщения, было решено сделать торговой столицей сначала Эмйорд,

а потом и Хийтолу. Так столиц стало три. По числу братьев-соправителей, некогда деливших единственный дворец Нёттере, сейчас же каждый правил в своем городе.

Остальные три круга были рукотворными, и не столько защищали, сколько отделяли знать и аристократию от простолюдинов.

Отстояв неожиданно длинную очередь, привычно приложила на пропускном пункте амулет-идентификатор — местный аналог паспорта — к кристаллу определения личности и, назвав причину посещения столицы и длительность пребывания, вошла в каменный туннель, ведущий к городу: все как на таможах моего мира, только в немного ином антураже. Для аристократов была отдельна «зона пропускного режима», где все проходило без очереди, и даже с предоставлением транспорта, чтобы они ноженки свои не утруждали.

В Нёттере было холодно, сыро, шумно и многолюдно. По широким, выложенным каменной брусчаткой, улицам всюду сновали люди в самой разнообразной одежде: от черных балахонов до ярких разноцветных лоскутных платьев, едва прикрывающих колени.

На меня, закутанную до пят в длинный грязный плащ невнятного коричневого цвета, с капюшоном надвинутом до самых глаз, почти никто не обращал внимание. Вся толпа куда-то спешила, гомонила, увлекая меня за собой, и я, поддавшись течению людской реки, поплыла вместе со всеми.

На огромной площади толпа рассыпалась на отдельные кучки людей, тут же разбредающиеся вдоль многочисленных ярких палаток, расставленных вдоль всего периметра площади. Я попала на ежегодную ярмарку. До заката бродила я между рядами, всматриваясь в лица прохожих, вглядываясь в каждого мимо проходящего стражника, ведь если Дейнар здесь, он мог оказаться в каком-нибудь патруле. А Вирнана вполне мог быть в числе празднующихся и любопытных прохожих.

Редела толпа, закрывались лавочки, засобирались и я, надо ведь еще и ночлег себе найти. Наверняка все таверны переполнены торговцами и жителями ближайших городов.

— Эй, красотка, развлечемся? — по-хозяйски обнял меня за плечи здоровенный детина.

Откинув капюшон я молча и выразительно посмотрела на него. Парень, явно нетрезвый и весьма потрепанный разгульной жизнью, вздрогнул, увидев некрасивый шрам, уродующий мое лицо, но не отстранился.

— Ну, хорошо, не красотка, — попытался он пошутить, — зато я — хоть куда. Ну же, не ломайся, я же вижу, что ты не против.

— Ты меня с кем-то спутал, — вежливо выдавила я, нащупывая кинжал, висевший на поясе. — Иди проспись.

— Надо же какая задавака, — развязно улыбнулся он и шлепнул меня по пятой точке.

Я тут же перехватила его огромную ладонь, и, сделав подсечку, повалила детину, возжелавшего халявной ласки, на землю, заломив ему руку в болевом захвате.

— Иди, найди себе даму поговорчивее, — процедила, выпуская незадачливого ловеласа. Я не чувствовала в нем зла, а значит и наказания ему не требовалось.

Рядом раздался насмешливое хмыканье — несколько прохожих увидели парня, поверженного хрупкой девушкой и отпустили несколько обидных комментариев по поводу его мужской состоятельности. Я не обратила внимания ни на комментаторов, ставших случайными свидетелями позора парня, ни на его обиженный взгляд, брошенный напоследок, прежде чем он скрылся за соседним домом.

Пробыв в достаточное время в образе Исгерд, я совсем расслабилась, потеряла контроль, поэтому не успела среагировать, когда меня схватили, зажав рот и потащили

волоком в один из ближайших домов. Я попыталась взбрыкнуть и вырваться, но к лицу приложили какую-то вонючую тряпку, и тело перестало слушаться, оставляя разум вполне ясным.

Меня кинули на старую, выдавшую виды кровать, привязав руки и ноги к столбикам спинки, и начали срезать одежду.

Разум забился в подступающей панике, раза за разом прокручивая картинку прошлого, накладывая слайдом на настоящее, я пыталась вырваться, закричать, выхватить кинжал, но непослушное тело оставалось бездвижным.

— Сейчас я научу тебя быть послушной, — осклабился парень, который совсем недавно пытался познакомиться со мной на улице. — А ребята мне в этом помогут.

— Пикс, ты только посмотри какая красotka, — осклабился второй парень, срезавший с меня одежду, ткнув пальцем в мои шрамы. Не все мои раны зажили ровно и красиво, даже не смотря на лечение жриц.

— Зато посмотри какие волосы, — подошел ко мне третий, сдергивая с меня сбившуюся набок шапочку, под которой я прятала косу. — Наверняка натуральные. Представляешь сколько денег можно за них выручить?

— И займеть еще больше вопросов относительно их владелицы, — буркнул второй, слезая с кровати.

— Как договаривались, я первый, а уж потом вы, — радостно осклабился Пикс, спуская штаны.

— Зажмуриться не забудь, — хохотнул тот, что снял шапку. — Смотреть на такую красавицу — весь стояк пропадет.

Второй тоже отпустил какую-то сальную шуточку и, радостно хохоча, парни вышли, оставляя меня наедине с Пиксом.

Грязные мужские ладони слепо шарили по моему телу, сминая до синяков грудь, тыкаясь пальцами в промежность. Обдавая смесью свежего перегара и аромата давно нечищенных зубов, Пикс целовал меня, оставляя дорожки влажных липких слюней.

Я беззвучно рыдала, пытаюсь смириться с очередным позором и ненавидя Ингу, такую слабую и беспомощную, желая ей смерти, и умоляя вернуться Исгерд.

Вдруг Пикс как-то странно всхлипнул и обмяк, придавив меня своей тушей.

— Живая? — возле кровати, помахивая огромной дубинкой, в одних кружевных панталонах, ничуть не стесняясь своей наготы, стояла крупная рослая деваха. — Сейчас помогу.

Она, легко спихнув огромного Пикса с кровати, быстро перерезала узлы веревок освобождая, но я так и осталась лежать неподвижно.

— Пошевелиться не можешь? — участливо спросила она. — Вот сволочи! Сейчас, погоди!

Девчонка ненадолго скрылась из поля моего зрения, вернувшись уже в наспех надетом задом наперед платье. Она сунула мне под нос какой-то порошок, предварительно пошептав над ним. От неожиданности я вдохнула, закашлялась, несколько раз чихнула и поняла, что могу двигаться.

— Спасибо, — хрипло, сквозь кашель, выдавила я, садясь на кровати.

— Потом поблагодаришь, а сейчас валить надо, пока они не очухались, — оборвала меня девчонка, шаря по карманам несостоявшегося насильника.

— Не очухаются, — мрачно прошептала я, подбирая с пола свой кинжал и

присаживаясь рядом с все еще бесчувственным Пиксом.

Зазудели кончики пальцев, заструился жидкий азот по венам, стоило теплой и такой родной рукояти лечь в ладонь.

— Тебе лучше уйти, — бросила я через плечо, делая первый надрез, обагрив кровью лезвие Гретхен.

Заорал пришедший в себя Пикс, сладко содрогнулось тело от волны обжигающего холода превращения, и мир снова заиграл красками Исгерд.

— Твою ж... — выругалась девица, замирая передо мной. — Дитя Ульны.

— Повторяю, тебе лучше уйти и забыть, что ты видела. Расскажешь кому — тебя постигнет та же участь, — отмахнулась я от девицы, снова склоняясь над парнем.

— Спасите Великие от тварей Ульны, — едва слышно прошептала девчонка и пятак выскользнула из комнаты.

— Теперь моя очередь учить послушанию, коли с первого раза ты не понимаешь, — предвкушающе улыбнулась я,

Пикс закричал, попытался вывернуться и ударить. На его ор прибежали остальные. Вот только теперь я была гораздо сильнее. Сильнее всех их вместе взятых.

— Ну же, мальчики... — поманила я их, поигрывая кинжалом.

Глава 5

— Очухалась? — вывел меня из сладкого забытья голос полный холодного недовольства.

— Ульна? — я с трудом разлепила отекавшие глаза и тут же схватилась за голову, едва слышно застонав.

— Тяжко? — ехидно-участливым голосом поинтересовалась Богиня. — Это и неудивительно, учитывая, сколько наркотиков и алкоголя ты вчера приняла. Думаю, от такой дозы загнулся бы любой смертный.

— Что вчера произошло? — прикрыв глаза и растирая виски, я пыталась припомнить события вчерашнего дня.

— Я надеялась услышать это от тебя.

— А мы вообще где? — я с удивлением разглядывала пустую комнату с единственным окошком под потолком, валяющиеся повсюду горы окровавленных и грязных тряпок, бутылки, остатки еды.

— И это тоже надо узнать у тебя. — вежливо нейтрально выдавила Ульна, продолжая улыбаться, но чувствовала как под этой маской доброжелательности полыхает злоба и негодование. — Не заставляй меня думать, что я ошиблась, девочка. Я не могу забрать Дар, ибо не я его дала, но в моих силах забрать кинжал и вернуть на ту поляну, откуда я тебя вытащила.

— Да что случилось-то? — не выдержала я, и наконец разглядела свои руки: — Ё-мое... Это еще что?

На покрытых подсохшей коркой запекшейся крови руках змеился серебристо-белый узор, напоминая абстрактное мехенди.

— Что случилось? — на полтона повысила голос Ульна, а я почувствовала как пробивает ледяную броню эмоций волна страха, тонкой струйкой холодного пота стекая по спине. — Смерть восьми человек случилась от твоих рук. Пять с особой жестокостью и пытками, а две — просто потому, что тебе так захотелось.

— А еще один?

— Что «еще один»? — переспросила Ульна.

— Ты сказала, что я убила восьмерых. Где еще один?

— А один распотрошен на жертвеннике, в моем храме. Но с чего ты взяла, что мне понравится твой подарок? — гневно сверкнула глазами Ульна. — Не желаешь взглянуть на творения рук своих?

Она кивнула куда-то мне за спину, на горы тряпья. Приглядевшись к тем самым кучам, я наконец поняла, что это были тела людей, искалеченные, изломанные, сваленные в углу в неестественных позах, но все-таки люди.

— Твою мать! — в сердцах ругнулась я. — За что я их?

— За неумение контролировать собственный дар, — отрезала Ульна. — Даю тебе последний шанс. Научись управлять способностями, перестань прятаться в коконе обид.

— Научись? Научись?! — взорвалась я, слабо осознавая, что ору на богиню, на ту, кто подарил второй шанс на жизнь. — Да вы выкинули меня за забор, как плешивого щенка, даже не объяснив, какой у меня дар и что с ним делать. Вообще ничего не объяснив. Я может и рада учиться, вот только чему? Кто я вообще теперь такая? Что от меня надо?

— Рада, говоришь, учиться? — вдруг многозначительно улыбнулась Ульна, совершенно не обращая внимания на мою гневную тираду. — Думаю, Академия Нёттере поможет тебе. К тому же, ты ведь хотела найти своего друга? Кажется, он учится именно там.

— Опять загадки, — вздохнула я, усилием воли подавляя вспышку гнева, пробившуюся сквозь броню равнодушия. — И чему мне там учиться? Почему нельзя сразу сказать, для чего я вам и что от меня требуется?

— Потому что не могу. Все, что мне позволено — это дать второй шанс и изредка направлять. Свой путь ты выбираешь сама.

— Значит, мне нужно поступить в Академию и стать крутым магом?

— Решать тебе. Но постарайся без жертв. Помни, это твой последний шанс.

И снова ворох снежинок осыпался к моим ногам, оставляя меня в одиночестве, рядом с свежими трупами убитых мной людей.

Как ни странно, но совесть за их убийство меня не мучала. Я вообще не помнила, что творила прошлой ночью.

Обтерев руки и, на всякий случай, лицо подобранной, относительно чистой тряпкой, я отправилась к Академии, как и собиралась до этого.

— Эй, Снежинка, держи, а то совсем заледенеешь! — окликнул меня веселый голос, а на плечи опустился теплый, пропахший дымом и костром плащ. — Заодно и «красоту» свою спрячешь. Нечего народ пугать. — добавил этот же голос тихо-тихо, чтобы услышала только я.

Я обернулась посмотреть на щедрого дарителя, но успела только заметить длинные, огненно-рыжие вихры и темно-зеленую куртку. Мужчина словно исчез прямо посреди улицы. И как я не вертелась, так и не смогла понять, куда он пропал.

Хмыкнув и пожав плечами, я продолжила свой путь, кутаясь в подаренный плащ.

В Академии меня, разумеется, никто не ждал, в разгар учебного-то года. Но в ответ на мое заявление о желании обучаться, все же вежливо проводили к какому-то кабинету, где сидел строгий седовласый старец лет семидесяти на вид.

— Дитя Ульны? Не часто вас встретишь в нашем заведении, вы все больше при храмах своему искусству обучаетесь, — поприветствовал меня старец, приглашая присесть в уютное кресло напротив.

— Великая Ульна сочла, что я нуждаюсь в дальнейшем обучении, — равнодушно ответила я, разглядывая убранство кабинета и не обращая внимания на самого старца.

— Мы не работаем по протекциям, даже если это сама Ульна, — осадил меня старец. — Сейчас меня интересует, что хочешь ты, дитя Ульны?

— Я хочу понять, как научиться управлять своим даром и вовремя останавливаться, — я выдержала серьезный сканирующий взгляд старца, пытавшегося заглянуть в мои мысли, прочитав эмоции.

— Для этого не нужны академии, — старик, поняв, что через ледяную броню ему не проникнуть, разом поскуучнел и сделал вид, что потерял ко мне всякий интерес.

— Ну нет, так нет, — равнодушно пожалала я плечами и собралась уходить.

Обостренная реакция заставила меня отпрыгнуть в сторону за секунду до того, как дверь с грохотом распахнулась.

— Видо Цетас, мне запретили покидать пределы Нёттере. Могу я узнать причину?

Высокий статный парень широким, по-хозяйски размашистым, шагом ворвался в кабинет. Черная одежда, короткие, цвета ночного неба, волосы, разметавшиеся в беспорядке, спадающие на лоб, хриплый, надломанный голос, уверенные движения...

Он изменился. Изменился до неузнаваемости. Но эти глаза. Глаза цвета самых ярких изумрудов...

— Вирнан... — едва слышно прошептала я, чувствуя как пошла трещинами ледяная броня, готовая вот-вот осыпаться к его ногам осколками слез.

— Ты ошиблась, вейта, — повернулся парень ко мне, — О, дочь Ульны. Мое почтение.

Зеленые изумруды глаз, на бледном, почти белом лице, длинный нос с широкой спинкой, чуть кривой от недавнего перелома, бледные губы сжаты в тонкую нитку, взгляд настороженный, почти злой. Это лицо чужое, но в нем все еще можно узнать прежнего Вирнана. Чужое. Но глаза все те же.

— Вирнан, это же я... И... Инга...

— Сожалею, вейта, я не знаю никакой Инги. Ты меня с кем-то спутала.

Неужели забыл? Так быстро? Я не могла ошибиться, это точно он.

Глаза защипало, но слезы так и не появились, застыв маленькими льдинками где-то глубоко внутри.

— Если мы все обсудили, не смею больше задерживать, — обратился ко мне старик, тактично намекая, что пора покинуть кабинет.

Едва найдя в себе силы кивнуть, я медленно вышла за дверь, тут же прислоняясь к стене и оседая на пол. В груди бушевала снежная буря, тысячи невыплаканных слезинок превратились в колючие льдинки, больно жалящие хрупкое сердце.

Разговор с стариком был коротким и эмоциональным. Взвинченный Вирнан как ошпаренный выскочил, не забыв напоследок громко хлопнуть дверью.

— Вирнан, стой! — окликнула я его, спешно поднимаясь на ноги.

— Чего тебе, жрица? — остановился Вир, всем своим видом демонстрируя как я ему уже надоела.

— Еще не жрица. — не задумываясь поправила я его. — Вир... я... Инга...

— Послушай, девочка, — больно схватив за локоть и оттащив в сторону, Вирнан

зашипел мне прямо в лицо: — Послушай, мне плевать, кто ты и что тебе нужно, повторю еще раз: Я не знаю кто такая Инга. И я не Вирнан. Отстань от меня.

— Знаешь, — выдохнула в ответ. — Иначе не полыхал бы гневом от одного только имени. Твои глаза тебя выдают. Что же она тебе такого сделала, что столько ненависти поселилось в твоей душе? Разве не ей ты собирался делать предложение? Не с ней обменивался клятвой у храма на острове кьерров?

Оглянувшись по сторонам, Вирнан вдруг неожиданно втолкнул меня в один находящийся поблизости кабинетов, бесшумно прикрыв за собой дверь. И тут же тонкое узкое лезвие ритуального кинжала уперлось мне в шею, прямо в ямку между ключиц, а в глазах парня зазмеилось зеленое пламя.

— Молчи, если хочешь остаться в живых. Или я не посмотрю, что ты под покровительством Ульны. Кто ты такая? И что тебе нужно? Отвечай!

— Ты уж определись, молчать мне или отвечать, — ничуть не испугалась я приставленного кинжала, наоборот, слегка подаваясь вперед, чувствуя как прокалывает шею острое лезвие и тонкой струйкой змеится по коже теплая кровь. — Я же сказала тебе, я — Инга, девушка, которую ты когда-то выловил из океана.

— Инга мертва! Не смей произносить ее имя!

— С чего бы это ей быть мертвой? Живее всех живых, — тень удивления легкой дымкой выскользнула сквозь трещину ледяного кокона. — Прислушайся же, у вас ведь эмоциональная связь.

— Связь оборвалась год назад, в тот день когда она умерла.

— Да что ты все заладил «умерла, умерла», — всплеснула я руками, нимало не смущаясь все еще приставленного к горлу кинжала. — И убери свой ножик. У меня тоже есть такой же, могу продемонстрировать, пободаемся, кто сильнее, раз ты такой воинственно-сердитый.

Я потрянула кистью, вынуждая сползти в ладонь спрятанный в рукаве кинжал. Теплая рукоять привычно скользнула в руку, взмах — и вот я уже прижимаю оружие к шее Вирнана, в том самом месте, где пульсирует сонная артерия.

— Скажи, дети Ульны все такие отмороженные? — расплылся в какой-то предвкушающей ухмылке Вирнан, но кинжал все же от моей шеи убрал. — Ты хоть понимаешь кому угрожаешь? Неужели не чувствуешь, что я сильнее?

— Ты первый начал, — пожала я плечами, опуская руку с Гретхен. — Я всего лишь пыталась поговорить.

— Но ты же понимаешь, что выбрала не лучшее время и место для разговора? Да и тема у тебя неподходящая.

— Вирн, я не видела тебя больше года, какое время и место?

— Меня зовут Видар, запомни это, маленькая жрица, если хочешь прожить долгую жизнь. И постарайся забыть все, что ты знаешь о кьеррах.

— Хорошо, забыла. — согласилась я. — Теперь мы можем нормально поговорить?

— А не о чем. Ты опоздала с разговором на целый год. Мне все равно кто такая Инга, и что с ней стало. Даже если она действительно выжила — я не хочу ее знать, для меня она умерла год назад. У меня другая жизнь и этой девчонке в ней нет места. — вспыхнул Вир, и зеленое пламя в его глазах сменилось тьмой. — Прощай, маленькая жрица, и постарайся больше не попадаться мне на глаза. В следующий раз я не буду таким добрым.

— Вир, ты такой дурак, — тихо прошептала я вслед уходящему парню.

Хлопнула дверь, оставляя меня наедине вместе с осколками разбитого вдребезги мертвого сердца. Треснувший кокон вновь стал целым, обрастая новым, еще более толстым слоем ледяной брони. В том месте, где когда-то билось горячее сердце Инги навсегда застыл холодный снежный ком. Что ж, умерла, так умерла.

Я горько усмехнулась, позволяя легкому безумию еще не совсем утраченных эмоций завладеть мной, сжимая в ладонях острое лезвие Гретхен, вместе с теплой кровью выпуская на волю бушующий в крови дар, выжигая холодом душу.

Усмешка переросла в смех, сменившийся истерикой надвигающегося сумасшествия. Снежный торнадо бушевал вокруг меня, разрастаясь, набирая силу, а я была его эпицентром, «оком бури». Мне больше не нужно быть человеком, я устала страдать и чувствовать. Я — мертвый лёд. Ледяная жрица Ульны. Бездушный воин.

— Ты что творишь? — хлесткая пощечина обожгла щеку, вернув в реальность. Напротив стоял тот самый старик, с которым я только что беседовала.

Мой персональный смерч распался и исчез, под воздействием магии старика.

По птичьей склонив голову набок, и все еще раскинув руки в сторону, я с любопытством наблюдала за его действиями, и злая улыбка сама собой выползала на лицо. Его пощечина разбудила, кроме обиды на Вира, еще и злость. Да кто он такой, чтобы указывать? Мне, жрице Ульны?

Старик замер напротив, не мигая уставившись мне в глаза. Давление воздуха, неприятный звук лопнувшей струны. Я чувствовала, как мой череп вскрывали извне, плавил мысли.

Усилим воли я закрыла глаза и склонила голову, опустив руки вдоль тела и замерев. Рукоять кинжала теплой кошкой свернулась в ладони. Лезвие, все еще перепачканное в моей крови, просто кричало напоить его кровью старика, осмелившегося меня ударить.

В черепной коробке раз за разом били молнии, прошивая тело разрядами электричества в миллионы ватт, скручивая каждую клеточку болевой судорогой, вынуждая подчиниться, сдаться.

Глубокий медленный вдох сквозь стиснутые зубы, резкий выпад вперед и одновременно выдох руны:

— Ссаа... — кинжал оставил глубокий порез на щеке старика, успев подхватить пару капель крови. Давление на голову тут же ослабло, боль исчезла, вернув ясность мыслей. Слизав с кончика лезвия заветные капли, я тут же выдыхаю следующую руну: — Сса... Гаерд...

Старик с изумленным выражением на лице застыл ледяным столбом.

В его крови было много магии. Очень много. И сейчас я тянула ее тонкой струйкой, капля за каплей, вместе с кровью стекающей из раны.

Я пила его вместе с уходящей из него жизнью. Бессильно повисшие призрачные перкалевые крылья наполнялись силой, разворачивались превращаясь в снежные. И вот уже за спиной бушует стихия. Я видела, как из снежно-белых крылья становятся серыми, тяжелея, увеличиваясь в размерах. Еще чуть-чуть и я с ними не справлюсь. Но нет сил остановиться. Ощущение безграничной мощи так сладко.

— Эй, Бешеная Снежинка, ты чего тут творишь? — окликнул меня новый задорный голос.

У входа стоял огненно-рыжий веснушчатый парень. По-звериному желтые раскосые

глаза, настороженно следившие за моими движениями, ярким пятном выделялись на лице.

— Исс — прошипела я, наставляя на него кинжал.

Еще одна ледяная руна повисла в воздухе. Одно его неправильное движение — и стоять парню рядом со стариком.

— Спокойно, Снежинка. Я друг, — парень поднял руки ладонями вверх, и постепенно, крадущимся шагом, приближался ко мне.

Меня на мгновение окутало теплой волной нежности и ласки. От неожиданности я чуть не опустила кинжал, поддавшись идущей от парня доброжелательности.

— Эй, жрица, ты что творишь! — еще один зритель присоединился к моему спектаклю.

— Виир... — тут же отвлеклась я на бывшего друга, забыв и про мага и про рыжего парня.

— Прекрати свои игры, глупая жрица, иначе закончишь печально, — ухмыльнулся Вир подбрасывая в одной руке кинжал, а в другой, на раскрытой ладони формируя сгусток темной энергии. — Мы ведь уже выяснили, что я сильнее.

— Ис... Сса... Гьерд... Льяаан... — выплевывала я руны одну за другой, направив на него Гретхен и расправив бушующие за спиной крылья.

— Шаан соол! — одной фразой он отбил все руны заклинания, отмахнувшись от них как от назойливых мух.

— Видар, прекрати, ты ее убьешь! — резко выскочил передо мной рыжий парнишка, закрывая меня щуплой спиной и глядя, как Вир разворачивает на своих красивых ладонях тонкое темное плетение.

— Отойди, Рен, зарвавшейся девчонке стоит преподать урок. А Ульна создаст себе новых марионеток.

— Отойди, Рыжий, — выдохнула я, предвкушающе улыбаясь и радуясь возможности выместить всю накопившуюся боль на своем обидчике. — Мы еще посмотрим, кто из нас сильнее.

— Рэн, забирай магистра и уходи. Попроси Франку накинуть купол на кабинет. Думаю, мы немного пошумим. И наверняка девчонку накроет отдачей, когда я ее слегка поучу хорошему поведению. — Ни на секунду не отводя от меня взгляда, приказал рыжему парнишке Вир.

— Видар, так нельзя. Ты сам бездушный монстр, и ее хочешь превратить в ледяную куклу. — не отступил рыжий Рэн

— Монстра я тебе еще припомню, но позже, — флегматично бросил Вир. — А вот из нее я никого делать не собираюсь. Я ее просто убью. Ненавижу Ульновских шавок.

Пока он разговаривал с рыжим, я плела заклинание, напитывая ее силой мага и собственной кровью.

— Веш... ранар! — одним движением темный кьерр разорвал мою заготовку, обрывая ручеек магии, что я тянула со старика, и игриво погрозил кинжалом.

— Иди, Рыжик, — вынырнула я из-за спины худенького парнишки и встала перед Виром. — Я справлюсь. Мы просто поговорим немного. Так, милый?

— Конечно, дорогая, — поддержал мой фарс Вирнан. — Только поговорим.

Немного поколебавшись, Рэн все же вышел из кабинета и вывел за собой старика, обмякшего на руках парня, стоило только Виру оборвать мое плетение.

— Зачем ты вернулся? — перешла я в наступление.

— Ненавижу таких, как ты. Особенно, когда они съезжают с катушек. — Вир метнул в

меня энергетический сгусток. Я чудом успела увернуться. —

— Это ты сделал меня такой! — я стряхнула с руки заготовленную руну холода. — Я звала тебя, а ты не пришел, закрылся, оборвал связь.

— Не смей утверждать, что ты — она! — Вир снова попытался достать меня своей темной магией.

— Но ты ведь, знаешь, что это так, чувствуешь, ощущаешь. — я незаметно стряхнула еще две руны, уклоняясь от его прицельных бросков. Вир не врал, он был сильнее меня, опытнее.

— Тогда тем более будет лучше, если ты умрешь сейчас.

Его слова ранили сильнее, чем все те заклинания, которыми он пытался меня достать.

Еще две руны слетели с ладони, собравшись в цепочку к предыдущим.

— Не тебе решать — жить мне или умереть, достаточно того, что по твоей вине я стала такой.

— Не стоит обвинять меня в том, чего я не совершал.

Я охнула и скривилась, чувствуя как повисла плетью левая рука — Вир-таки задел меня одним из заклинаний.

Да, видимо поговорить нам не удастся. Выдохнув единственное слово, я активировала руны, направив их в сторону Вира. Он успел отбить почти все. Но только и я время не теряла. Оттолкнувшись от пола, прыгнула на него, надеясь достать кинжалом. Вир легко перехватил меня, выбивая Гретхен и прижимая к себе в захвате. Вот только мне того и надо было.

— Съёрн... — тихо прошептала я, почти касаясь губами шеи Вира, одновременно стряхивая ему в руки, удерживающие мои запястья последние руны, ради которых и затеяла весь этот маневр. — Сса...

Не дав опомниться, тут же больно вцепилась зубами в его мочку, выдирая с мясом вставленную в ухо сережку-колечко — мой подарок.

— Ты... — успел он выдохнуть, прежде, чем замер послушной безвольной куклой.

— Я, — улыбнулась, слизывая с губ капли его крови и демонстрируя зажатую в зубах серьгу. — И подарок тоже мой. Но тебе он больше не нужен.

Вир, замерший статуей, лишь гневно сверкал глазами, полными непроглядной тьмы.

— Ты сильнее, признаю, — прижалась вплотную к Виру и, встав на носочки, зашептала в разодранное ухо, наслаждаясь победой. — Вот только я — хитрее.

Не удержавшись, провела кончиком языка по шее, слизывая кровь, заглянула некогда такие родные глаза, ныне принадлежавшие незнакомцу и на мгновение прижалась к губам, пытаясь вспомнить вкус его поцелуев.

И тут же отскочила подальше, хватаясь за горло, раздирая ногтями кожу, силясь закричать и выплюнуть проникающую все глубже, выжигающую внутренности тьму. Этот гаденыш воспользовался тем же приемом, что и я, вот только мои руны не несли смерть.

Тьма смешалась с холодом, выжигая то, что не было заморожено, оставляя после себя лишь мертвые угли.

Я смотрела в его глаза, не в силах отвести взгляд, и видела, как гнев сменяется торжеством, мимолетная искра узнавания и раскаяния тут же исчезла, раздавленная холодной тьмой ненависти и какого-то странного предвкушения.

Ослабевшие ноги подломились и я рухнула на колени, разрывая наконец-то эту нелегкую пытку взглядами. Тело горело, плавилось, казалось клочьями стекала кожа, кипели внутренности, не спасал даже арктический холод замерзшей души.

«Помоги мне, Ульна!» — взмолилась я, не в силах больше терпеть.

«Твоя сила не в Гретхен, она в тебе. Кинжал лишь якорь.» — раздался в голове голос, совершенно не похожий на голос богини.

— Моя сила во мне, — послушно повторила за голосом.

Свинцово-серые крылья окрасились черным, обернулись вокруг, закутывая в кокон, отдавая себя, чтобы тут же распахнуться полночным покрывалом, вздергивая меня вверх, придавая телу вертикальное положение.

— Я — Сила, — бездумно повторяла вслед за шепчущим голосом.

Заструились по пальцам холодные темные руны, сплетаясь в смертельное заклинание.

— Ты разрушил меня. Я сломаю твою жизнь. — механическим голосом живого робота выплевывала слова вслед за рунами, выплетая из собственной жизни гибель для других. — Заберу тебя с собой.

— Эй, Снежинка, остановись! Ты же не такая! — вернулся рыжий Рэн, на сей раз не один. Позади него застыли два мужчины, облаченные в одинаковые синие хламиды и полная, с крупными грубыми чертами лица, девушка.

— Ну же, девочка, остановись, — медленно двигался он ко мне. Один из мужчин попытался остановить парня, схватив того за руку, но Рыжий ловко выдернул ладонь. — Я же вижу, что ты не злая. Просто запуталась.

Его голос, такой мягкий и ласковый, растекался по воздуху, сулил тепло и уют.

— Ренар, остановись! Она же безумна! — не выдержав, взвизгнула девушка, невольно привлекая к себе мое внимание, чем и воспользовался Рыжий, подскочив ко мне и схватив за руку.

Три из восьми заготовленных рун тут же впитались в его ладонь, темным уродливым пятном растекаясь по коже.

— Все в порядке, Снежинка, — через силу улыбнулся он, так и не убрав руку и делая вид, что ему со всем не больно, продолжая меня забалтывать, убаюкивая, обволакивая своим теплым мягким голосом. — Это пустяк. Пройдет. Тебе никто не говорил, что ты очень красивая? А еще уникальная. Никогда не встречал девушки с таким даром. Расскажешь о нем?

Его большой палец ласково поглаживал тыльную сторону моей ладони, даря потрясающее ощущение тепла и нежности. Я попыталась стряхнуть наваждение и выдернуть ладонь, но парень оказался неожиданно силен.

Коснувшись второй рукой моей щеки, стирая кровавые, уже подсохшие разводы, он вдруг одним ловким движением притянул меня к себе и поцеловал.

Я забилась пытаюсь вырваться и отстраниться, но тело, все еще терзаемое тьмой заклинания плохо слушалось.

Он все целовал и целовал, раздвигая плотно сжатые губы, проникая языком, дразня, одной рукой удерживая в захвате, второй придерживая меня за затылок и не давая вырваться.

И снова жар по телу, но на сей раз приятный, ласковый, как котенок, сжигающий боль и ненависть, дарящий тепло, покой и уют, обещающий, манящий.

И я поддаюсь, иду за столь желанным теплом, отвечаю на поцелуй.

Морозные темные крылья рваными лохмотьями стекают на пол. Уходит выжигающая внутренности боль, вместо нее под мертвым сердцем теплым клубком сворачивается рыжий огонек.

— Помоги мне остаться человеком, — едва слышно шепчу, прежде чем обмякнуть в

руках рыжего отчаянного парня.

— Вот же лисье отродье! — последнее, что слышу, проваливаясь в темноту.

Глава 6

— Эй, Инга посмотри, я поймал сойрис, — звонкий мальчишечий голос раздается над самым ухом. Я раскрываю глаза и шуряюсь от слепящего солнца, смотрю на стоящего надо мной мальчишку, протягивающего ладошки на которых сидит крупная яркая сиренево-синяя бабочка. — она исполняет желания и приносит удачу. Хочешь, подарю ее тебе?

— Спасибо, Арни, — улыбаюсь и ласково треплю мальчишку по вихрастой черной макушке. — Оставь себе. У меня уже все есть, и я счастлива.

— Так уж и все? — раздается еще один смеющийся голос за моей спиной.

— Вир! — Я подскакиваю с покрывала, на котором только что задремала, и бегу к нему, замирая, не добежав пары шагов. — Ты вернулся.

— Вернулся... — тянет он, повторяя. — Здравствуй.

Мы стоим и смотрим друг на друга, не зная как поступить дальше. Он делает шаг, я, поддавшись желанию, кидаюсь ему на шею и крепко обнимаю. Вир подхватывает меня и кружит по залитой солнцем поляне. Я тону в изумрудных глазах, наслаждаясь мгновением. Первый, самый трудный шаг сделан...

Рядом скачет счастливый Арвиан, залиvisto хохоча и выкрикивая:

— Я знал! Я знал! Сойрис исполняет желания. Я загадал, чтобы мы всегда были вместе и жили одной семьей!

Фиолетовая сойрис, медленно кружа и осыпая нас чешуйками с крыльев, поднимается все дальше ввысь...

— Вставай! Я чувствую, что ты уже очнулась! — резкий, с приятной хрипотцой голос вырвал меня из сладкого забытья.

Морщась от боли в теле, я кое-как села, с удивлением обнаружив себя в больничной палате. На высоком табурете напротив моей койки сидел один из тех двух мужчин, что я видела недавно.

— И? — я выжидательно уставилась на сидящего мужчину. В палате мы были одни. Остальные кровати пустовали.

— Зачем ты пришла в Академию? — сразу начал мужчина допрос.

— Чтобы учиться.

— Чему?

— Я уже отвечала на этот вопрос тому старику. Как он, кстати?

— Хм, интересуешься судьбами других... Может, ты не так уж и безнадежна, дочь Ульны. — задумчиво протянул мужчина, но на вопрос все же ответил: — Жив старик. Ты, конечно, его изрядно опустошила, но магистра спасла твоя неопытность и неумение работать с потоками. Через пару месяцев будет как новенький.

— А ... Вир? — кое-как выдавила я из себя его имя

— Видар тоже в порядке. Рвет и мечет, ругается и грозитя тебя убить, а впрочем, он всегда кого-нибудь грозитя убить, так что можно сказать, все как обычно. Ренар тоже жив, если тебе интересно. Ему досталось немножко больше. Не смертельно, но неприятно. Это лис-пройдоха слишком хитер, чтобы умереть так глупо.

Имя рыжего парнишки теплой волной пробежало по телу, ласковым котенком

мурлыкнув под сердцем. Вспомнился недавний сон. Даже не сон — отголоски воспоминаний о прошлой жизни. В тот день мы с Виrom перешли на новый уровень дружбы, став чуточку ближе, доверившись друг другу чуть больше.

Эмоции вяло всколыхнулись, заворочались под прочной броней.

— Спасибо, — глухо пробормотала я, разглядывая свои руки окрашенные причудливым белым узором с вкраплениями черной вязи. Сейчас рисунок поднимался выше локтя, уходя под рукава, а ведь еще недавно он был только на кистях.

— Это результат бездумного применения магии. Со временем должно пройти, — пояснил мужчина, проследив за моим взглядом. — Так для чего ты прибыла в Нёттере?

— Я хотела поговорить с Виrom. Мы... мы были знакомы раньше. До того как... как я...

— До того, как стала жрицей?

— Я не жрица. Должна была стать стражем, но что-то не так с моим даром, или со мной, поэтому и не смогла завершить обучение. У меня есть имя и... и все... Я пробовала говорить с Ульной, но она отвечает загадками. Сказала, что мне поможет академия.

— Стражем? Неожиданно... — хмыкнул мой собеседник и тут же продолжил: — Я вижу, встреча с Видаром состоялась. Поговорили?

Дождавшись моего кивка, мужчина продолжил задавать вопросы:

— И что теперь? Все еще хочешь учиться?

Я снова кивнула.

— Ты так и не ответила для чего. Дети Ульны не часто появляются в стенах академий магии, но если и появляются, то с определенной конкретной целью. Какая цель у тебя? Чему ты хочешь научиться?

— Я хочу научиться управлять своим даром, не терять контроль. Я... я хочу остаться человеком.

— Растерзанные трупы на окраине города — твоих рук дело? — неожиданно, без всякого перехода спросил мужчина.

Я испуганно дернулась, понимая, что раскрыта. Вряд ли по городу бродит так уж много безумных неконтролируемых Стражей.

— Моих, — честно призналась я. — Поэтому и хочу учиться здесь. Каждая смерть лишает контроля, пробуждает какого-то зверя, убивает те немногие крохи человечности и сострадания, что еще есть во мне. Обучение при храме закончено, но что делать дальше я не знаю.

— Ты же понимаешь, что назад дороги нет? Тот, кто несет на себе печать Ульны уже никогда не будет человеком, как раньше.

— Неужели теперь только смерть? — впервые я решилась поднять голову и взглянуть на мужчину открыто. Крупный, темноволосый, с первыми ниточками седины, на вид лет сорока пяти. Хищный орлиный нос, яркие полные губы, через левый глаз, параллельно носу, глубокий застарелый шрам, отчего казалось, что мужчина прищуривается.

— Ну почему же? Какой тогда смысл создавать и обучать новых Жриц, если все равно придется их убить?

— Я не знаю... Все это так сложно: живые боги, подталкивающие к чему-то, магия, другие расы... Еще пару лет назад я была обычной девушкой, едва отпраздновавшей свое двадцатилетие, а потом вдруг раз — и я в магическом мире, а у меня есть дар, превращающий меня в чудовище.

— Постой, постой. Ты — иномирянка? — мужчина вдруг занервничал, пододвинул стул

поближе, и пристально посмотрел мне в глаза. — Иномирянка, поцелованная Ульной?

— Вы так много знаете об Ульне, — протянула я, чувствуя себя неловко.

— Знаешь, у нас очень давно уже не было иномирных, и я впервые слышу, чтобы они были детьми Ульной, — глаза мужчины зажглись нездоровым интересом. — Думаю, я смогу помочь тебе поступить в Академию Нёттере.

— Мне не нравится ваш взгляд. Вы же понимаете, что я не стану подопытным зверьком?

— О, нет-нет, что ты. — замахал руками мужчина и заулыбался. — Ульна присматривает за своими детьми и не любит, когда их обижают. Просто, как правило, иномирянки, попадающие к нам имеют какой-нибудь уникальный или редкий дар. И я бы хотел стать именно тем магом, кто откроет миру новое дарование... Но, кажется, мы отвлеклись.

Маг хлопнул себя по коленям, поднялся со стула и протянул мне руку:

— В общем, ты убедила меня, что достойна обучаться в нашей Академии. Добро пожаловать.

Я с недоумением уставилась на протянутую ладонь. Такой знакомый до боли жест из моего мира.

А вы не боитесь, что однажды я снова сорвусь? — недоверчиво спросила я, пожимая огромную мозолистую ладонь, украшенную застарелыми шрамами.

— Боюсь, конечно. Но среди молодых одаренных магов частенько попадаются такие нестабильные. Думаю, мы справимся. А Мёрке мне поможет. У него неплохо получилось погасить твою вспышку.

— Мёрке?

— Ренар Мёрке, тот самый рыжий прохвост, что принял твою вспышку на себя и сейчас отлеживается в соседней палате. Мне кажется, вы станете отличными напарниками.

— Напарниками? — все так же недоуменно переспрашивала я слишком деятельного безымянного мужчину.

— Да, ты права, я поторопился. Для начала просто попробуешь учиться с ним в одной группе. Мёрке тот еще тип. С ним тоже не всегда легко. Хотя, лучше, наверное тебя все же к первогодкам... Ну ладно, ты пока отдыхай, поправляйся, а я побеседую с ректором.

— А... Э... Пойдите, как вас зовут? — окликнула я уходящего мужчину.

— Тарес. Магистр Тарес. Твой куратор. — остановился в дверях маг.

— Эмм... Магистр Тарес, вас не пугает, что на мне восемь трупов, я чуть не убила одного из ваших магистров и попыталась убить вашего ученика? Вы вот так просто готовы взять сумасшедшую неконтролирующую себя убийцу в студенты?

— Восемь? Я знал только о четырех, — задумчиво почесал подбородок мужчина, возвращаясь к моей кровати. — Это, конечно усложняет дело, но не настолько...

— Рассказать, где еще четыре? — насмешливо хмыкнула я.

— Не думаю, что хочу это знать, — отмахнулся маг, а потом присел на край кровати рядом со мной и неожиданно заговорщицки улыбнулся: — Знаешь в чем главное отличие детей Ульной? Они никогда не убивают невиновных. Поэтому, если я когда-нибудь обнаружу среди студентов труп, то это будет заслуженная смерть. Но такого еще ни разу не случилось. Одна из дочерей выпустилась у нас, кстати, в прошлом году, а в Эмйолде сейчас учатся аж двое.

— А старик и Вир?

— Видо Цетас — теоретик. Он просто не ожидал и не сумел правильно отреагировать, но даже старика Цетаса не так просто убить молоденькой неопытной жрице. Я потом расскажу в чем была твоя ошибка. А Видар... Хочешь открою маленькую тайну? Его каждый месяц пытается кто-нибудь убить, но пока безрезультатно. Силен, паршивец. И умен, этого не отнять. Но я постараюсь сделать так, чтобы вы пересекались пореже.

— Вот так все просто? — я все еще не хотела верить. — Взяли и зачислили?

— Не скажу, что будет просто, но да, «взяли и зачислили», — улыбнулся Тарес. — И хватит на сегодня разговоров. У нас еще будет время побеседовать. Поправляйся.

Похлопав меня ободряюще по плечу, маг вышел из палаты, оставив наедине с новой информацией.

Чувствуя себя вполне сносно, я пару раз прошлась вокруг кровати, выглянула в коридор, заглянула в соседние двери, и, еще немного посомневавшись, все же направилась к соседней палате.

Рыжий, как и я, лежал в палате один. Бледный, с ввалившимися щеками, отчего его острый нос казался непомерно длинным, со скорбно опущенными уголками тонких губ и прикрытыми глазами, он был похож на восковую куклу не самого лучшего качества.

Тонкие руки с узкими ладонями и аристократическими длинными пальцами лежали поверх светло-голубого одеяла. Мое внимание сразу привлекла его левая рука — от самых ногтей, поднимаясь к плечу и скрываясь за рукавом больничной пижамы, шел иссиня-черный узор, в плетении которого я узнала две из трех созданных мной рун, причем одна из них была с завязанным на нее весьма сильным проклятием. До этого мне такие руны никогда не удавались, но в школе при храме Ульны мы их проходили.

Я коснулась рисунка между большим и указательным пальцем, в том самом месте, где спряталась Наа — руна проклятия. Ближе к локтю виднелась Ун — боль, значит, Сар должна быть еще выше, знать бы насколько.

Пальцы тихо скользили по контуру рисунка, который я внимательно рассматривала.

Неожиданно Ренар открыл глаза, перехватил мою руку и резко дернул на себя. Не удержав равновесия я упала прямо на него, уткнувшись лицом в подушку.

— У тебя пальцы холодные, Снежинка, — тихо выдохнул он мне в волосы, обдав кожу на шее теплом, — но мне нравится, продолжай.

— Какие есть, — буркнула, поднимаясь с кровати. — Я просто зашла проведать и... И сказать спасибо... Мне пора. Поправляйся.

— Эй, Снежинка! — догнал меня у самых дверей его голос. Дождавшись, пока я обернусь, он тепло и открыто улыбнулся: — Ты красивая.

Фыркнув, я вышла из палаты. Видел бы он меня в настоящем облике, вряд ли бы так сказал.

В палате я долго и придирчиво рассматривала себя перед небольшим зеркалом, отмечая появившиеся на лице: вдоль контура волос, на висках и частично на скулах серебристо белые узоры, такие же, как на руках, и гадая, что будет, когда Игерд опять неожиданно исчезнет, а вместо нее появится Инга.

Выглянув в коридор и убедившись, что поблизости никого нет, я быстренько стянула больничную рубашку и снова закрутилась перед зеркалом, пытаюсь разглядеть себя в небольшом куске стекла полностью. Роспись шла по рукам, шее, спине и частично лицу. А вот грудная клетка и нижняя половина тела остались чистыми.

Я бы и дальше себя разглядывала, запоминая рисунок, но в коридоре послышались голоса. Пришлось спешно одеваться и нырять в кровать. Спустя пару мгновений палату вошли трое: магистр Тарес, высокая худая женщина с колючими глазами и маленький толстый старичок. Все они были в одинаковых синих хламидах. А суровая дама держала в руках еще и внушительного вида папку с бумагами.

— Ваше имя, вейта, — резко, отрывисто выплюнула дама сквозь плотно сжатые зубы.

— При посвящении меня нарекли Истерд. И я не вейта.

— Имя, данное при рождении? — продолжила дама допрос, тогда как остальные стояли молча.

— Его больше нет. Оно погибло вместе с носительницей, — с вызовом ответила я, поднимаясь с кровати. Смотреть на неприятную даму снизу вверх не хотелось.

Дама хмыкнула, окинула меня пронзительным, сканирующим взглядом, и продолжила:

— Род? Принадлежность к расе? Возраст?

— У детей Ульны нет ни расы, ни рода, ни фамилии, ни прошлого, ни будущего. Только имя и сегодняшний день, — заученно произнесла я, и добавила, выдержав небольшую паузу: — В прежней жизни мне было бы двадцать два... около тридцати, по вашему исчислению. Я ведь не первая вашей Академии, к чему эти вопросы про прошлую жизнь?

— Это стандартная процедура оформления, — нетерпеливо прервала меня женщина. — Все вопросы потом. Продолжим. Класс магии? Направление дара? Силовой коэффициент?

— Н-не знаю... Я не завершила обучение в полном объеме, и дар не был получен. При имянаречении Ульна сказала, что у меня есть собственный и этого достаточно. Мне доступны ритуальные плетения и руническая вязь, преимущественно руны холода... и у Ренара вот...проклятье...темное... — мой голос становился все тише, и последние слова я произнесла шепотом.

— То есть, стандартный набор умений жриц и таинственный дар впридачу, — вклинился толстяк в разговор. — Можешь рассказать поподробнее, что еще умеешь делать кроме ритуальной магии? Что-то стихийное? Предсказания? Исцеления? Иллюзии?

Я на все предположения отрицательно мотала головой.

— Я...я теряю контроль и потом ничего не помню, когда... ну, когда... когда применяю ритуальную магию. И еще точно знаю кого и какой руной наказать...

— Полагаю, всем жрицам, в особенности стражам, присуще такое умение. На то вы и Карающие, — хмыкнула дама.

— Тогда у меня всё, — отрезала я, не собираясь больше отвечать на вопросы этой неприятной женщины.

— Полагаю, с такими скудными сведениями её только на курс общей теоретической магии можно, — вынесла свой вердикт дама. — Определится с направленностью, там и о переводе можно подумать.

— Я предлагаю ее сразу к боевикам, — внес свое предложение Тарес. — Что-то я не помню, чтобы жрицы учились где-то еще. Они все — силовики.

— Мы можем попробовать ее к бытовым стихийникам определить, — подал голос толстяк. — Все-таки руны холода... да и сам фон, вы чувствуете?

— Жрица-бытовик. Не смешите меня, видо Форан, — произнесла насмешливо дама. — Вы представляете себе жрицу, регулирующую погоду или контролирующую всходы в городских теплицах? Впрочем, господа, все, что мне было нужно, я узнала, предлагаю остальное обсудить в моем кабинете чуть позже.

Дама кивнула мужчинам, еще раз задумчиво просканировала меня своим колючим неприятным взглядом, и вышла. Толстячок убежал следом за ней.

— Отдыхай, все будет хорошо. — ободряюще кивнул мне Тарес.

Утром меня выпустили, сдав больничные вещи, я отправилась в главный корпус подписывать необходимые для зачисления бумаги, с удивлением отмечая, как органично переплелись на территории академии замковые средневековые постройки учебных корпусов с привычными мне с детства современными трехэтажными коробками общежитий.

Когда с бумагами было покончено, инструктаж пройден, комплекты формы получены, а листок с расписанием и необходимые учебники выданы, я направилась к одному из зданий общежитий, где меня в гордом одиночестве поселили на этаже первокурсников в маленькой комнатухе, видимо когда-то игравшей роль хламовника. Узкое окошко почти не пропускало свет из-за вековой грязи, пыльные шторы были похожи на половые тряпки не первой свежести, деревянный топчан, установленный вместо кровати весь разохся и скрипел при каждом движении. Только письменный стол и два табурета были относительно новыми и не внушали опасения. Шкаф в комнате заменяла маленькая ниша, сиротливо прикрытая куцей выцветшей тряпкой.

— А у вас все студенты так живут? — скептически осмотрела я свое новое жилье.

— Ну ... понимаешь, год уже начался, свободных комнат нет, а жить вместе с жрицей Ульны никто не хочет. Пока только так. В конце зимы будет перераспределение, тогда и подберем подходящую комнату, — замялась девочка-помощница, выделенная комендантом в качестве провожатой.

— Ладно, не оправдывайся. Мне без разницы, где жить. — оборвала я девчонку. — Просто поинтересовалась, все ли так живут.

Девушка, все еще смущаясь, подробно объяснила мне, где взять уборочный инвентарь и выдала листок на получение посуды и постельного белья. Остаток дня я провела приводя свою обитель в относительный порядок, получая положенную мне утварь и бегая по магазинам в поисках необходимых в быту мелочей.

С выходом за территорию учебного заведения случилась проблема. Как оказалось, первокурсники не имели права посещать город без сопровождения старших и специальных жетонов допуска, ведь с момента подписания договора академия несла ответственность за своих студентов, чей возраст сильно варьировался, как я успела заметить: от совсем юных пятнадцатилетних подростков, до солидных умудренных опытом и возрастом мужчин и женщин. Но большей частью попадалась все же молодежь моего возраста.

Различался не только возраст студюзов, но и длительность обучения: от трех — до девяти лет, в зависимости от силы и магического дара. Распределение по факультетам и направленностям проходило в конце первого курса, а до этого все первогодки учились вместе.

Глава 7

Утро началось с массовой побудки и очереди к умывальникам. Трёхэтажное студенческое общежитие коридорного типа просыпалось, оживало, кипело и бурлило. Два крыла, в каждом по тридцать комнат с разным количеством проживающих студентов. И всего одна на этаж умывальня с восемью раковинами. Неудивительно, что очередь выстроилась большая, и народ возмущался и выяснял отношения: Кто-то проспал и торопился умыться, кому-то — надо набрать воды в чайник, кому-то приспичило стирать.

При моем появлении студенты быстро стихли, уставившись на меня как на неведомую зверюшку. В относительной тишине, с казенным полотенцем наперевес я прошла к концу очереди. На меня косились, шушукались, но заговорить не пытались. Очередь потихоньку двигалась. Наконец, один из самых любопытных не выдержал:

— Эй, жрица, ты чего такая расписная? Что в Академии забыла? Неужели человеком почувствовать себя захотелось, вспомнить жизнь прошлую?

Я проигнорировала вопрос, но любопытный не унимался:

— Что, второй шанс совсем не в радость? Лучше бы сдохла? Чего молчишь, жрица?

Кто-то попытался его одернуть и заткнуть. Но поздно.

Холод плеснул по венам, Гретхен послушно стекла с рукава в ладонь. Всего лишь одно движение и кончик лезвия упирается в шею языкастому.

— Ну же, давай, прикончи меня! — срываясь на крик, не унимался отчаянный парнишка в чьих темных глазах сейчас ненависть смешалась со страхом. — Не можешь? Потому что я не в твоей власти, жрица.

— Меня. Зовут. Исерд. — цедила сквозь зубы каждое слово, пытаюсь справиться с неожиданной вспышкой гнева.

Отовсюду слышались испуганные ахи и охи, кто-то зажёг на ладони маленький фаербол, приготовившись кинуть в меня.

— Тсс... Тише, Снежинка, это всего лишь проверка на прочность, — горячие руки легли на талию, а шею обдало теплым дыханием.

Скинув чужие ладони, стремительно развернулась, готовясь к нападению еще одного обидчика.

— Рыжий? — удивилась, узнавая парня.

Худой, всклокоченный, все еще неестественно бледный, с темными кругами под глазами, в домашних свободных штанах и небрежно, наспех накинута рубашке, скрывающей руки почти до середины ладони, он едва стоял на ногах.

Взгляд тут же зацепился за распахнутый ворот из-под которого выглядывал темный рисунок с той самой руной Сар, расположившейся на ключице.

— Лучше Ренар, или Рэн, — поправил он меня, и, заметив мой взгляд, стянул рукой вырез.

— Я... Извини...те... — выдавила из себя, пряча кинжал, и, не став дожидаться своей очереди, поспешила в комнату.

В дверь постучали почти сразу же.

— Эй, Снежинка, мне еще трудновато бегать, — слабо улыбнулся рыжий, облокотившись о косяк и пытаясь отдышаться.

— Меня зовут...

— Знаю, слышал, — не дал мне договорит Рэн. — Но Снежинка тебе больше идет. Она такая же красивая.

— Подлиза, — хмыкнула я, пропуская парня внутрь.

— Я только хотел сказать, чтобы ты не обращала внимания на ребят и не обижалась. Они не злые. Просто проверяют, — перемежая слова с частыми шумными выдохами произнес Ренар, опираясь о стену и пытаясь незаметно утереть выступившие на лбу бисеринки пота.

— Ты шел через весь коридор, чтобы сказать мне это?

— Ну не только, — расплылся он в улыбке, разом преобразившей его. — Еще на чай

хотел позвать. Там ребята завтрак приготовили. Пойдем, познакомишься.

— Слушай, Ренар, я ведь тебя чуть не убила, по моей вине ты вынужден страдать, — я кивнула на украшенную черным рисунком руку, которую парень тут же спрятал за спину, — а ты улыбаешься и приглашаешь на чай? Ты сумасшедший что ли?

— Это просто ты такая хорошенькая, что невозможно удержаться от соблазна поухаживать за тобой, — попытался перевести все в шутку Ренар. — Ну что, пойдешь к нам завтракать? Соглашайся, одному мне не дойти.

Ренар обезоруживающе улыбнулся и протянул мне руку а я, чуть-чуть поколебавшись, вложила свою. Длинные тонкие пальцы тут же крепко переплелись с моими.

— Стой. Сначала покажи вязь, — остановила я его, выдернув ладонь.

— Эй, эй, Снежинка, мы еще не настолько хорошо знакомы, чтобы вот так сразу раздеваться, — попытался отшутиться Ренар.

Выдержав мой долгий молчаливый взгляд, он все же нехотя закатал рукав рубашки, демонстрируя часть рисунка.

— Весь показывай. Эту часть я уже видела.

Поколебавшись, Ренар все же приспустил рубашку, показывая узор целиком.

— Целители сказали к следующему полнолунию пройдет. Надо только перетерпеть. Но мне почти не больно, — зачем-то принялся он оправдываться.

— Не пройдет, — вздохнула я, аккуратно касаясь узора на ключице. — Сильно болит?

Рыжий вздрогнул от моего прикосновения и шумно втянул воздух. Я чувствовала как пульсирует под пальцами руна, полная темной, разрушающей силы, но убрать ее не могла. Меня этому не учили.

Я вела пальцами вдоль рисунка, постепенно спускаясь все ниже к ладони. Ренар, закусив губу и откинувшись на стену, стоял неподвижно, закрыв глаза и часто прерывисто дыша.

Задержавшись у второй руны на предплечье, мимолетно коснувшись ладони, я снова вернулась к той, что на ключице, раз за разом обводя ее контур.

— Ну хватит, Снежинка, — перехватил ладонь Рэн, снова переплетая наши пальцы. — Нас уже заждались.

— Тсс... — приложила я палец к его губам. — Сейчас... подожди...

Вытащив Гретхен, быстро уколола себе палец и нарисовала кровью поверх руны боли обратную руну, подпитывая ее холодом. Мигнув белым, символ впитался без следа, осветлив рисунок в том месте с черного до светло-серого.

— Вот... это все, что я могу сделать. Как убрать их я не знаю, но разрушительное действие ненадолго ослабила. Теперь полегче будет.

— С-спасибо, — чуть заикаясь и выравнивая дыхание хрипло произнес Ренар, снова пряча рисунок.

Мы медленно шли по длинному коридору в соседнее крыло, где жили второкурсники. Рэн одной рукой придерживался за стену, второй крепко сжимал мою ладонь. Мы почти дошли до его комнаты, как вдруг из одной из дверей выскочила такая же огненно-рыжая, как Рэн, низенькая курносая девчонка. Заметив наши сцепленные руки, она вдруг накинулась на парня с кулаками, отчего пошатывающийся от слабости Ренар едва не свалился на пол.

— Ты! Подлец! Как ты мог! Променять меня на эту бесцветную моль!

— Илна, успокойся! — попытался удержать и вразумить бушующую пигалицу

парень. — На тебя же смотрят!

— А мне плевать! Пусть! Пусть все видят, какой ты подлец! Я ведь любила тебя! — заливалась слезами беснующаяся девчонка.

— Оставь его, он едва на ногах стоит, — подала я голос. — Потом поистеришь и выскажешься..

— А ты! Ты-ы-ы... — раненым истребителем взревела рыжуха, переключаясь на меня. — Да я тебя! Я тебе все космы повыдираю! Ренар — мой!

— Да что за утро сегодня такое, — вздохнула я, отмахиваясь от девчонки. Но рыжая оказалась настырной. Отлетев на пару шагов назад, она вдруг подпрыгнула и с воинственным кличем снова кинулась на меня, больно боднув головой в живот. Я едва успела сгруппироваться и поставить блок, а бешеная девчонка тут же вцепилась мне в волосы, пытаясь добраться длинными ноготками до лица.

Я даже не успела достать Гретхен и создать какую-нибудь руну, как рыжая неожиданно сама отпрыгнула от меня, испуганным кроликом замерев с расширенными от ужаса глазами.

— Дочь Ульны... — тихо бормотала она, — На тебе ее печать... Ты околдовала Рэна...

— Илна, успокойся. Все хорошо, — нежно погладил по плечам девушку Ренар. — Это Исгерд. Она будет учиться в Академии вместе с нами. А теперь иди и выпей успокаивающий отвар.

Илна как зомби покивала и направилась к своей комнате, у дверей очнувшись и пробормотав растерянно:

— Ты променял меня на нее... На прóклятую... Она ведь всего лишь кукла, даже не живая...

— Не слушай ее, — поспешно втолкнул меня в соседнюю дверь Ренар. — Илна иногда немного преувеличивает. У нее страсть к театральщине.

— Я не преувеличиваю! Ты и сам знаешь, что я права. Она тебя погубит! — вновь вспыхнула девчонка, но подходить больше не стала. — Одумайся, Ренар! Дети Ульны всего лишь куклы-марионетки — холодные, бездушные, мертвые... Прóклятые!

Последнее слово она выплюнула мне в лицо и тут же скрылась в своей комнате, громко хлопнув дверью.

Успевшая собраться немногочисленная публика, поняв, что продолжения концерта больше не будет, тоже разошлась по своим делам.

Я застыла в дверях комнаты, куда меня втолкнул Рэн.

— Эй, ты чего? — подтолкнул он меня к столу, где уже сидели двое парней и одна знакомая мне полная девушка. — Не бойся, это мои друзья.

Ребята нестройно поздоровались, продолжая настороженно следить за мной.

— Здравсьте, — выдавила я, присаживаясь на свободное место. Рэн тут же уселся рядом. В присутствии этого рыжего прохвоста со мной творилось что-то странное: я начинала смущаться, удивляться, злиться, и испытывать кучу других почти забытых эмоций.

— Знакомься, Снежинка, это Малика — моя одноклассница, Тебур и Иши — соседи по комнате. — представил нас Ренар. — Ребята, то Исгерд.

— Рэн, когда ты говорил, что приведешь подружку, ты не сказал, что это будет... — первой не выдержала девчонка, когда напряженное молчание достигло критической отметки.

— Молчи, Малика, сегодня мне достаточно и Илны, — резко, немного зло осадил ее Ренар, не дав закончить фразу.

— Хватит! — поднялась я из-за стола, так ничего и не попробовав. — Не стоит из-за

меня ссориться. Я уже поняла, что последователь Ульны здесь не любят, не нужно больше напоминать. Спасибо за завтрак. Всего доброго.

— Снежинка... Исгерд, подожди! — кинулся мне вдогонку Рэн.

— Не надо, Ренар. Все хорошо. Мне просто пора на учебу.

Я поспешно выбежала из комнаты, не дав ему остановить себя.

До занятий оставалось совсем немного времени и большая часть студентов уже разбрелась по учебным корпусам, поэтому я, быстро умывшись и переодевшись в выданный комплект формы, поспешила присоединиться к первокурсникам.

Придерживая подол слишком длинной юбки — комплектов моего размера не оказалось и мне выдали что осталось — я торопилась к учебной аудитории. На мгновение замешкавшись на лестнице и выпустив подол, я тут же впопыхах на него наступила и почувствовала как лечу носом вперед.

— Аккуратней, вейта, — подхватили меня сильные руки.

Поддерживая под локоть и улыбаясь клыкастой голливудской улыбкой на меня смотрел парень, сошедший с фэнтези картинки: синеглазый и синеволосый. Темные узкие штаны, заправлены в высокие ботинки на тяжелой подошве, ярко-синяя рубаша, кожаный жилет с множеством заклепок, в тон ему наручи с пристегнутыми к ним кинжалами, татуировка из нескольких иероглифов под ухом на шее и пара маленьких рожек, выглядывающих из собранных в косу волос завершали картину.

— Ааш-ту... — выдохнула я, пораженная обликом красавчика. До этого так близко мне с ними встречаться не приходилось.

— Дочь Ульны, — в том же тоне ответил он мне. — А теперь, когда мы почти познакомились, можем пойти на занятия. Полагаю, ты и есть та самая новенькая жрица, о которой вчера судачила вся группа. Я — Кириан.

— Исгерд...

Синеволосый красавчик Ааш-ту оказался моим одноклассником, как и половина этажа студентов, с которыми я сегодня столкнулась возле умывалки, включая и того темноглазого паренька, что провоцировал меня утром.

Свободное место оказалось с тем самым ааш-ту, которого, казалось единственного не пугало и не смущало то, что я дочь Ульны.

— Эй, Ледяная Герда, пойдём на обед! — нахально приобняв меня за талию, позвал синеволосый ааш-ту.

— Руки убери, или обрежу по самые пятки, — разозлилась я, вырываясь из его объятий.

— Вай, какая горячая, даром что ледышка, — показушно схватился за сердце Кириан. — Я сражен наповал!

— Идем уже, клоун, — фыркнула я. Этот парень начинал мне нравится своей непосредственностью.

Путаясь в длинной юбке и придерживаясь за любезно предоставленный локоть, рука об руку мы с Кирианом подошли к студенческой столовой, куда уже стеклась добрая половина студентов.

По закону подлости, на ступенях я столкнулась с Вирнаном.

— О, маленькая жрица, ты все-таки выжила... — недобро протянул он, подходя ко мне в обществе двух парней, затянутых, как и он, во все черное. — Предлагаю исправить это недоразумение.

— Видар, спокойно, она теперь студентка. Сам знаешь, схватки между учащимися

запрещены, тем более, она перваш, — придержал его один из друзей.

— Тебе повезло, тварь, — выплюнул он, с ненавистью глядя на меня. — Но я умею ждать.

Вир прошел мимо, со всей силы толкнув меня плечом, так, что я удержалась только благодаря поддержке Кириана.

— А ему-то ты когда дорогу успела перейти? — удивился ааш-ту, глядя вслед удаляющимся парням.

— Вииир.... — тоскливо протянула, чувствуя, как пытается ожить мертвое сердце.

На обед я не пошла, решив прогуляться до библиотеки, где и засиделась допоздна, прогуляв оставшиеся лекции.

Я искала информацию по жрицам, их дару, по рисункам, появившимся на мне и на руке Ренара, но в книгах ничего подобного не было.

Проучившись почти год при храме, я так и не могла ответить на вопрос: кто такие Дети Ульны? Замкнувшись в себе и не интересуясь окружающей действительностью, я не обращала внимания на других. Весь мой мир крутился вокруг храмовых жриц, но внешне они ничем почти не отличались от обычных людей. А теперь, спустя время, когда утихла первая боль предательства и обиды, мне хотелось знать, почему Детей Ульны так ненавидели и называли прókлятыми.

— Пусти меня, придурок, — послышалось сдавленное шипение из-за соседнего стеллажа.

Очнувшись от размышлений, я пошла на возмущенный голос.

Высокий бритый налысо парень удерживал какую-то девчонку, прижав ее к книжным стеллажам и задрал юбку. Девица, шипела, брыкалась, но закричать даже не пыталась.

— Отпусти ее! — негромко произнесла я, подходя к парню вплотную и на всякий случай приготовив Гретхен. — Девушке не нравится.

— Отвали, мелкая, — огрызнулся детина, отталкивая меня огромной ручищей, — иначе будешь следующей. Эта паршивка мне задолжала кое-что.

— А давай! — вдруг обрадовалась я, радуясь возможности выплеснуть негатив.

Сжав крепче рукоять кинжала, почувствовала, как растекается сладкий холод дара по телу. Магистр Тарес был прав, сейчас я точно знала, что передо мной стоит вполне безобидный студент, с темными мыслями, но без тяжких грехов. А значит, наказания не будет. Разочарованная Гретхен снова отправилась в рукав.

— Не так ты в любви барышне признаешься, ой не так, — съязвила я, чувствуя влечение парня. За девушками ухаживать надо, а не по углам зажимать!

— Что? Я? За ней? — опешил парень. — Да она же шлюха, спит со всеми подряд! Она мне ночь задолжала.

— А за шлюху отдельно ответишь! — Выбралась из угла девушка, в которой я узнала ту самую, что когда-то спасла меня от повторного изнасилования. — Жрица?

— Теперь моя очередь спасать, — вымученно улыбнулась я, растворяя на ладони заготовленную руну. — Привет.

— Иди, давай, отсюда, пока я декану на тебя не пожаловалась. У тебя уже два предупреждения есть, за третье мигом выпрут! — толкнула девица лысого в плечо.

— Я-то уйду, но ты уйдешь со мной, помнишь? — буркнул парень, потирая место удара, но из библиотеки все же ушел, оставив нас наедине.

— Ну здравствуй, — немного поколебавшись, все же протянула мне по-мужски

широкую ладонь девчонка. — Я Тея.

— Герда, — представилась я сокращенным именем.

— Что потеряла в академии, Герда, — сразу перешла к интересующему вопросу Тея.

— Себя, наверное, — пожав плечами честно ответила. — Хочу понять, что я такое и почему меня так ненавидят. Вот ты знаешь?

— Что знаю? — не поняла меня девушка.

— Меня сегодня дважды обозвали проклятой, и уже не первый раз слышу, как называют мертвой куклой. Ты знаешь почему?

— Эмм, как-то странно слышать подобные вопросы из уст жрицы Ульны. — растерялась Тея. — Как ты можешь быть ею, не зная при этом о себе ничего?

— Нам никогда не рассказывали кто мы, нас учили чувствовать грешника и правильно наказывать его, забирать жизненную силу. И я могу понять, когда меня боятся насильники и убийцы, но остальные?

— Ты странная какая-то, — задумчиво протянула Тея. — У нас училась уже жрица, но ей было глубоко наплевать, кто и как к ней относится. Равнодушная кукла, послушно выполняющая все, что от нее требуют. Может тебе с ней лучше поговорить? Говорят, она сейчас в городе где-то ошивается.

— По уставу Академии, мне запрещено выходить в город без специального допуска и поручительств старшего.

— Тю! Проблема-то. — неожиданно тепло улыбнулась Тея. — Если надо, я могу за тебя поручиться, только получи допуск у своего куратора.

— Спасибо, — улыбнулась я в ответ, но судя по выражению лица Теи, улыбка у меня вышла больше похожей на кривой оскал.

В холле общежития мы распрощались. Тея жила на первом этаже, вместе со старшекурсниками.

У окна между первым и вторым этажом меня ждали. Подтянув колени к груди и уткнувшись в них лицом, на подоконнике сидел Ренар.

— Ты поздно, Снежинка, — устало протянул он.

— Я ведь не обязана отчитываться, правда?

— Правда, — согласился он со мной, потирая пальцами переносицу. — Но я волновался. Говорят, у столовой ты снова столкнулась с Видаром, а после пропала, так и не явившись на обед.

— Ренар, спасибо за заботу, но не стоит, — коснулась я руки парня. — Я справлюсь.

— Исса!

Таким же голосом я сегодня звала Виру.

— Доброй ночи, Ренар. Тебя ждет Илна, — вложила я в голос все равнодушие, на которое была способна в тот момент.

И лишь растянувшись на кровати в своей комнате, я позволила себе чувствовать. Маленький огонек под сердцем метался, причиняя боль. Хотелось заглушить его, заставить замолчать, но я не знала как.

С группой отношения пока не складывались. Кириан единственный, кто относился ко мне нормально. С Виром я больше не сталкивалась, но пару раз чувствовала на себе его тяжелые взгляды. Ренар тоже больше не показывался, хотя Иши сказал, что с рыжим все нормально, он отлеживается в комнате в ожидании полнолуния. Пытаюсь заглушить

разбуженные чувства, от которых уже отвыкла, я стала очень много времени проводить в библиотеке. Только там я могла отдохнуть от осуждающих, ненавидящих, взглядов.

В первый же выходной в сопровождении Теи я отправилась в город, демонстрируя у ворот с трудом полученный у Тареса пропуск, в обмен на обещание дополнительных занятий с ним. Тея тоже не могла похвастаться большим количеством друзей, наверное это нас и сблизило. Иногда она помогала мне с заданиями, просиживая вместе со мной в библиотеке до самого закрытия, и все чаще забегала вечерами поболтать.

— Предлагаю разделиться и встретиться на этом же месте за два часа до заката, остановилась у одного из фонтанов подруга. К сожалению, не могу тебя взять с собой. У меня клиент.

— Клиент? — на автомате переспросила я ее.

— Не всем же выдают грант на обучение с полным финансированием, — подколола меня Тея, — Некоторым приходится на жизнь и учебу зарабатывать.

— Клиент? Ты зарабатываешь ...

— Что? Хочешь знать, не шлюха ли я? — вдруг обиделась девушка. — Угадала. Но только так я могу оплатить учебу и не вылететь раньше времени. У меня не было родителей, а в приюте взрослеешь быстро... Что, мерзко стало с такой дружить?

— Да мне вообще все равно, кто ты. — равнодушно пожала плечами, понимая, что осознание этого факта никак не повлияло на мое отношение к Тее. — Я тоже не объект обожания миллионов, знаешь ли.

— Спасибо, — неожиданно тепло улыбнулась подруга, обнимая меня, а потом подмигнув, добавила: — Ну, один обожатель у тебя точно есть. Может и даже и два.

— Только мне нужен третий, — едва слышно прошептала я под нос, бпрощаясь с подругой.

Почти до заката бродила я по городу в поисках жрицы, но так и не нашла ее. На мои вопросы люди только пожимали плечами. Все ее видели, но никто не знал где искать.

— Посмотрите только, кто у нас тут, — нарочито растягивая слова, произнес знакомый голос. Путь мне перегородил Вирнан, все так же затянутый во все черное, с низко надвинутым на лицо капюшоном. — Маленькая жрица ищет свою подружку. Хочешь, провожу к ней?

Вир, прижав меня к стене дома, навис надо мной, как огромная черная скала. Я почувствовала, как в ребра уперлось лезвие кинжала.

— Ты же знаешь, что так меня не убить, — облизав пересохшие губы, прошептала ему в лицо, которое было сейчас так близко, что подайся я чуть вперед — смогла бы поцеловать его.

— Ну почему же? Хочешь убедиться в обратном? — усмехнулся он, надавливая на кинжал.

Острое лезвие легко разрезало тонкую ткань куртки и царапнуло кожу.

— Что же с тобой стало, Вирнан? Где тот мальчишка, что целовал меня у дома Тайры? Где тот, кому я собиралась ответить «да»?

— Замолчи! — лезвие еще глубже вошло под ребра. Но его слова сейчас причиняли бо́льшие страдания. — Ты — не она, не можешь быть ею. Ты просто украла ее воспоминания.

— Почему ты мне не веришь?

Он молчал, долго. Пристально разглядывая меня. Я не делала попыток вырваться, наслаждаясь его близостью, пусть и такой болезненной.

— Если это действительно ты — лучшего наказания для тебя не придумать, — наконец произнес он. — Ты бросила меня, сбежав с острова. Настолько противен тебе был союз...

— Нет, Вир, нет! — я закрыла ладошкой ему рот, не давая договорить. — Это все Китар! Это он подстроил, ради своей дочери.

— Кьерры не могут лгать старейшинам. Тайра сказала, что ты была против союза, а Китар подтвердил, что ты вернула слезу и улетела на одном из грифонов. — скинул мою руку Вир.

— Я спасала свою жизнь!

— Я искал тебя. А когда нашел — ты была вполне счастлива, улыбалась своему капитану, целовалась с ним в кустах.

О да, я хорошо помнила его чувства в тот момент. Меня тогда чуть не стошнило от омерзения к самой себе.

— Все было не так. Дейнар поймал меня на побережье и собирался продать, убив перед этим моего грифона.

— Надо же как складно получается, — не поверил мне Вирнан.

— Раз ты был там, тогда должен был видеть, что Дейнар избил и изнасиловал меня той ночью, бросив умирать на поляне, как ненужный хлам.

— Сцены ваших поцелуев мне вполне хватило. Я вернулся в город сразу после этого. Не хватало ещё смотреть, как вы сношаетесь.

Последние слова ударили сильнее хлесткой пощечины. Я дернулась, но задавила в себе зарождающуюся обиду.

— Что же мы наделали, Вир, — робко коснулась я его щеки, чувствуя как ослабло давление кинжала под ребра.

— В любом случае, уже слишком поздно, — увернулся от моей ласки Вирнан. — Моя девочка умерла спустя четыре дня, после той ночи на поляне. А ты всего лишь ожившая кукла с ее воспоминаниями. Ты — не она.

— Я живая! Я не умерла!

— Глупая, — почти ласково протянул он. — Жрицами не становятся живые... Передай привет своей создательнице.

Лезвие ритуального оружия с силой вонзилось под ребра. Но я не чувствовала эту боль, не чувствовала уходящей жизненной силы: смотрела в родные глаза, сейчас затянутые тьмой, и не могла поверить, что умру от его рук

— Ты даже не будешь сопротивляться? — усмехнулся он, проворачивая в ране кинжал. — В прошлый раз мы так здорово повеселились. Рыжий нахал еще живой? Какая трагедия, невиновный умрет от рук сумасшедшей жрицы. Ульне этого не простят.

Вир ерничал, а я сжимала в руках Гретхен, усилием воли заставляя себя не ответить.

— Где твое сердце, Вир? Где сострадание к ближнему? Или Рэн тоже тебя предал?

— Я выжег сердце, пытаясь выжить без тебя... тебя прежней. Отдал душу тьме, в обмен на возможность отомстить.

— Тогда отомсти себе и Дейнару. Это вы сделали Ингу такой, — я закрыла глаза и расслабилась, выпуская Гретхен из рук. Жизнь больше не имела смысла. Зачем? Если Вир никогда не станет прежним, а я и так уже, по его словам, мертва.

Выпавший из ослабевших рук кинжал со звоном приземлился на каменную мостовую.

Сила стремительно утекала. Ноги уже отказывались держать. Обмякнув, я повалилась вперед, на Вира.

— Э нет, так просто ты не уйдешь в ее чертоги, — подхватил он меня, вынимая оружие из раны и запечатывая ее заклинанием. — Я буду убивать тебя медленно. Ну же, открой глаза!

В голове шумело, мысли путались, по телу разливалась приятная слабость.

— Ты всегда был непоследовательным и нелогичным, Вирнан, — слабо улыбнулась я, чувствуя, как он подхватывает меня на руки.

— Заткнись, — зло выплюнул он, а потом, добавил, немного помолчав: — Я все равно тебя убью, но не сегодня.

— С чего вдруг такая милость?

— Ты у нее в любимчиках, а значит она попытается тебя спасти, и мы сможем по торговаться.

— Почему ты так ненавидишь Ульну? — сквозь сон задала я интересующий меня вопрос. Мерные покачивания и ощущение тепла его рук убаюкивали.

Вир молчал. Долго. И когда я уже решила, что ответа не дожидаться, он все же заговорил:

— Пару лет назад Ульна забрала мою мать и нерожденную сестру, а одна из ее марионеток убила моего отца. Боги послали Ингу, а вместе с ней и желание жить дальше... Но мою девочку она тоже забрала...

— Никто меня не забирал, вот же глупый упрямец! — я возмутилась и стукнула его по плечу. — И вообще, а как же Арвиан? Разве ради него не стоило жить?

— Арвиан был первым, кто взял с меня клятву отомстить. Я отдал душу и хранителей за возможность уничтожать творения Ульны, так что, не надейся... Мы теперь служим разным богам.

— Ты отдал Ледо и Кайта? — я завозилась и попыталась слезть. Ругаться, когда тебя несут не очень удобно.

— Хватит вопросов, любопытная жрица. Я и так рассказал тебе слишком много. — Вирнан подкинул меня, перехватывая поудобнее и дальнейший путь мы проделали молча. Под ошарашенными взглядами студентов он донес меня до самой комнаты, легко открыв запертую дверь, и сгрузил меня на кровать.

— Поправляйся жрица, скоро мы продолжим наше общение.

— Я больше не буду с тобой сражаться, Вир. Хочешь — добей сейчас.

— Будешь, — улыбнулся он. — Когда рыжий сдохнет и ты поймешь, что он погиб по твоей вине, то сама придешь ко мне, а я буду ждать.

— Вир, ты знаешь как снять метку? — я, преодолевая слабость, приподнялась на кровати.

— До встречи, Игерд. Передавай привет Ульне. — хищно улыбнулся Вирнан, впервые назвав меня по имени. — Ей понравится смерть невиновного от рук ее марионетки.

По его взгляду и гадостной усмешке я поняла, что знает, но так просто не скажет.

— Ты прав, Видар, если Рэн умрет, я убью тебя, — откинулась я на подушку, прожигая его гневным взглядом.

Вир расхохотался, послал мне воздушный поцелуй и вышел из комнаты.

Глава 8

Отлежавшись несколько минут, после ухода Вира, я, кое-как перемотав кровотокающую

рану, поползла к Ренару. Поскольку на обезболивание Вир пожадничал, а сама я не умела, приходилось терпеть и медленно идти вдоль стенки, зажимая бок.

После третьего стука, дверь открыл удивленный Тебур, сказав, что Ренара еще вчера снова увезли в целительский корпус, поскольку ему стало хуже. А я ведь заметила, что рыжей больше не делал попыток пообщаться, но не придавала этому значения.

Я не спала всю ночь, а едва прозвучал сигнал побудки, помчалась к больничному зданию.

Ему снова выделили отдельную палату.

Худенький и невысокий, совсем как подросток, он стоял у окна, что-то задумчиво рассматривая.

— Здравствуй, Рыжик...

Он дернулся при звуках моего голоса и зачем-то повернулся ко мне спиной.

— Уходи, Исса. Ты невовремя.

— Ну же, Рэн, перестань дуться, — я дотронулась до его плеча.

— Исса, не надо. Уходи.

— Посмотри на меня, Рэн. Или я разверну тебя силой.

— Не надо мне угрожать, Снежинка. Я этого не люблю, — Ренар повернулся ко мне, и я увидела, что темный рисунок захватил почти всю левую половину его лица.

— Рэн... — я коснулась рисунка на скуле, не зная, что еще сказать.

— Полнолуния не будет. Я не дотяну до оборота, — он криво усмехнулся, посмотрев мне в глаза.

— Ренар... Мне так жаль... Это я во всем виновата.

— Перестань, Снежинка. Я ни о чем не жалею. — Рэн снова тепло улыбнулся. — Иди ко мне.

Я прижалась к парню, сдавленно зашипев, когда он задел рану на боку.

— Это еще что? Ты ранена? Опять Видар? — тут же все понял он, пытаюсь отстраниться.

— Все хорошо, Рыжик, мы просто побеседовали, — я обняла его за шею, прижимаясь теснее.

— Если выживу — убью его сам, — пробормотал Рэн, зарываясь мне в волосы.

— Мы убьем его вместе, — я улыбнулась, целуя Ренара в висок, покрытый темной вязью рисунка.

Глаза горели огнем, словно в них сыпанули горсть песка, смешанного со стеклом. Единственный светлый человечек, тепло относящийся ко мне вот-вот умрет. А виноват в этом Вир. Или же все-таки я?

И тут меня осенило, стоило только вспомнить вчерашнюю стычку с темным.

— Рэн, я знаю кто сможет помочь! Будет у тебя полнолуние, Рыжий, — я чмокнула удивленного парня в нос и улыбнулась, чувствуя, как начинает таять холод, поселившийся в душе.

Оставив слегка повеселевшего Ренара одного, я побрела на поиски магистра Тареса.

— Что произошло? — маг сразу заметил мою скованную походку.

— Издержки работы стража, — я криво улыбнулась, пытаюсь отшутиться.

— Опять Видар Одэнсорт? Что не поделили в этот раз?

— Ничего, просто побеседовали, прояснили ситуацию.

— Мы кажется договорились, что трупов на территории не будет, даже если они

заслуженные. Свои жертвы собирай за пределами академии.

— Хорошо. Я помню условия моего обучения, — покорно согласилась. — Я к вам с просьбой. Я знаю как помочь Мёрке, но мне нужен допуск в город, к Храму.

— А ты дойдешь до города? Судя по твоей ауре, состояние у тебя не очень, — усомнился в моей дееспособности Тарес. — Видар таким мудреным заклинанием наградил, или еще где нарвалась?

— Угу, Видар, — я кивнула, мрачно уставившись в пол.

— Будет тебе пропуск, — вздохнул маг, доставая печать и пластинку. — Но прежде, чем бежать к своему святилищу, зайти в лечебный корпус, спроси видо Сверта, он подлечит, иначе через пару часов совсем накроет.

Тот самый целитель Сверт, оказавшийся некромантом, долго качал головой, поражаясь изобретательности смышленного студента, но заклинание все же снял. А вот рана так и осталась болеть: увечья, полученные от ритуального оружия, заживают только естественным путем.

Получив свою порцию нравоучений и обезболивающего, я отправилась к храму.

Но вредная богиня так и не явилась зов, оставляя наедине с проблемами. Но зато я поняла, что Вир был у Рэна, иначе откуда бы он узнал, что рыжему стало хуже и он умирает, а значит, он наверняка может помочь.

Виру, как одаренный студент, жил в общежитии для старшекурсников. Его комнату мне показали сразу.

— Что ты хочешь за помощь Ренару? — перешла я сразу к делу, стоило Виру открыть дверь.

Босой, растрепанный, в одних штанах он выглядел настолько притягательно, что я чуть не забыла зачем пришла.

— Здравствуй, жрица, — расплылся он в улыбке, пропуская меня в комнату. — Как твое здоровье? Вижу, ты побывала у целителей.

— Спасибо, чудесно, твоими усилиями, — скривилась я в ответной ухмылке, но вовремя опомнилась. — Вир, помоги спасти Рэна.

— С чего такая забота? Боишься за свою благодетельницу? Или за себя? Тебе ведь не простят такую ошибку.

— Что ты хочешь за помощь? — я начинала злиться.

— И что, прям на все согласна? — продолжал ерничать Вир. — С чего бы это?

Сделав пару глубоких вдохов, собираясь с мыслями и принимая решение, я посмотрела ему в глаза и пафосно произнесла:

— Если тебе нужна моя жизнь в обмен на его — я согласна. Если нужна моя мучительная смерть — я вытерплю. Но Рэн не заслужил такого. Ты же понимаешь, что он пытался помочь и спасти нас обоих?

— Ты слишком живая для мертвой куклы. И слишком сострадательна. Твари Ульны не жертвуют собой ради других. Что ты такое, жрица? — он снова подошел ко мне вплотную, пристально разглядывая.

— Я — Страж. Должна была им стать. Если спасешь Рэна, я позволю запереть меня в лаборатории и изучать сколько тебе угодно, — прошептала я, утопая в его глазах, сейчас зеленых, без той ужасной тьмы.

— Свартфайн, — ругнулся он, ударяя кулаком стену позади меня. — Это лисье отродье умудрилось даже мертвую жрицу окрутить. Что вы все в нем находите?

— Я смотрю он уже переходил тебе дорогу? Девушку увел? — не удержалась от насмешки. — Ты таким образом от конкурента избавляешься?

— Да что за... — начал было Вирнан, но оборвал фразу. Глаза его полыхнули гневом. Он схватил меня за волосы, вынуждая запрокинуть голову и впился в губы грубым, жестким поцелуем, наваливаясь всем телом, причиняя боль.

Он целовал больно, жестоко, унижая, заставляя подчиниться и ответить.

— Ах, — не удержалась я от стона, когда его кулак впечатался в рану. Не переставая целовать, он ударил еще раз, выбивая воздух, вышибая слезы.

Я пыталась вырваться, колотя его по груди и спине, оставляя на нем глубокие царапины.

— Что, жрица, я целую не так сладко, как он? — хрипло шептал он перемежая слова с поцелуями. — Быстро же ты меня забыла. Еще вчера уверяла в вечной любви, а сегодня готова отдать свою никчемную жизнь за другого, продажная тварь...

Я держалась до последнего, уговаривая себя терпеть, но гнев оказался сильнее.

Укусив его со всей силы за губу, я позволила магии стечь к рукам, но ладонь оказалась пуста. Гретхен не было.

— Что-то потеряла, жрица? — ухмыльнулся Вир, правильно истолковав мое замешательство и сплевывая на пол кровь из прокушенной губы. — Без своего оружия ты не такая храбрая, да?

Вир снова силой запрокинул мне голову и поцеловал. Этот поцелуй с нотками горечи и солоноватым привкусом крови был каким-то болезненно-нежным, почти настоящим.

— Что ты чувствуешь, жрица? — резко отстранившись, жарко прошептал он мне в ухо, продолжая удерживать меня в захвате. — Скажи мне...

Я попыталась прислушаться, чувствуя, как гнев сменяется удивлением, вытесняя боль и тоску:

— Его убивает не моя магия... твоя...

— А ты не так глупа, — довольно улыбнулся он, наблюдая за моей реакцией.

— Словами сказать нельзя было? Обязательно этот цирк устраивать? — я поморщилась, хватаясь за окровавленный бок и чувствуя, как волнами накатывает слабость, а тошнота подступает к горлу.

— И отказать себе в удовольствии видеть твои страдания? Как я мог? — Вир отошел на шаг в сторону и теперь, чуть наклонив голову набок, наблюдал за мной. Я не шевелилась, ожидая его дальнейших действий. Не дождавшись гневных возмущений с моей стороны, он все же пояснил: — Так было надо. Ты должна была понять как. А словами вышло бы дольше.

Настала моя очередь подходить к нему вплотную:

— Извинения приняты. Спасибо, — выдохнула я, поднимаясь на носочки и целуя его в щеку, а следом, не удержавшись, куснула за подзажившую мочку уха. — И да, раньше ты целовался лучше.

— Ты... Тварь...

Он попытался схватить меня за руку, но я вывернулась и выскользнула за дверь.

— Исса! — догнал меня в коридоре его голос, заставивший вздрогнуть и споткнуться. — Ты сама озвучила условия! Я тебя за язык не тянул.

Держась за вновь разодранную рану, я снова ползла по коридору под любопытные взгляды окружающих. Путь до комнаты был долгим, а еще ведь кинжал надо найти, и к Ренару успеть, и на занятиях появиться. Прогульщиков здесь не любят.

— Эй, тебя где так ушатало, ледяная королева? — меня ласково приобняли за плечи, а перед лицом возникла мордашка Кириана.

— И тебе привет. Чего хотел?

Я позволила себя поддержать, с наслаждением опираясь на подставленное плечо.

— Хотел узнать почему на занятия не пришла. В группе сегодня весь день обсуждают, что тебя едва живую вчера один из темных притащил. Меня вот отправили проверить, не померла ли ты часом. А ты, смотрю, ничего, бодрая.

— А им самим, видимо лень дойти пару шагов до комнаты...

— Опасаются. Слышал я про одного из студентов, сунувшегося к тебе. Говорят, он не жилец теперь.

— Давай сменим тему, или я и тебя чем-нибудь одарю.

— Ой, боюсь, боюсь, — расплылся Кириан в клыкастой ухмылке, поднимая вверх руки. Но видя, как опасно я пошатнулась, тут же подхватил меня, прижимая чуть сильнее, чем следовало.

— Полегче, дурень, — сдавленно зашипела я, дернувшись от боли.

— Так мы долго до комнаты добираться будем, — хмыкнул Кириан и подхватил меня на руки. — Вот так быстрее будет.

— Кириан,пусти. Что подумает комендант? Вчера один притащил, сегодня второй.

— Он подумает, что ты неправильная жрица, у которой слишком много поклонников. Перестань, Герда, когда это жриц Ульны заботило, что о них думают другие?

— Ты прав — никогда, — я расслабилась на руках Кириана и прикрыла глаза.

Я слышала как шушукались в коридоре студенты, наблюдавшие за торжественным внесением моего тела в комнату, чувствовала их взгляды, но мне было все равно, пока та самая рыжая Илна — я узнала ее по голосу — не закричала вслед:

— Остановись, жрица! Погубишь, всех погубишь! Мало тебе одной души? Во вкус вошла?

— Что ты ко мне привязалась? — обреченно спросила я, сползая с рук Кириана.

— Я все вижу, жрица! Помни! — обличительно ткнула в меня пальцем Илна. Я рефлексивно перехватила ее руку, убирая от своего лица. Илна вдруг захрипела, как припадочная, запрокинув голову и судорожно сжимая мою ладонь, а потом уставилась чуждым стеклянным взглядом и просипела не своим голосом: — С огненным солнцем уйдет темная бездна. Но непокорная вода сумеет противостоять равнодушному льду. И поглотит лед темное пламя, стечет тот талым ручьем к ногам Его, но только вместе они сохранят общую душу.

Произнеся последние слова, она обмякла, падая в подставленные руки рядом стоявшего парнишки, который тут же подхватил ее и унес в комнату.

— Ого, да у вас тут спонтанные пифии водятся, — поцокал Кириан, глядя вслед рыжей. — Только они умеют так завуалированно говорить гадости.

— Пойдем уже, я тебе и без пифии гадостей наговорить могу.

— Мда, мрачновато и бедновато у тебя тут, — задумчиво протянул Кириан, разглядывая обстановку моей комнаты.

— Зато с потолка не капает и спать вполне тепло и удобно, — пожала я плечами. Меня в комнате все устраивало.

— Показывай рану! — скомандовал Кир, помогая мне улечься на узкую кровать.

— Это еще зачем?

— Ну уж явно не чтобы поприставать. Просто хочу немного обезболить, чтобы ты поспала и завтра смогла явиться на занятия. Завтра практикум и контрольная у Тареса, помнишь?

— И зачем мне вся эта учеба? — тоскливо простонала я накрываясь подушкой. — Все ради чего?

— Странно, но тот же вопрос я хотел задать тебе, — ухмыльнулся Кириан, помогая расстегивать пуговицы блузки.

— Кир, почему ты мне помогаешь? — приподнялась я на локтях, наблюдая за действиями парня.

Прохладные пальцы ааш-ту, легонько касающиеся кожи над пропитавшейся кровью повязкой, дрогнули.

— Лучше Кириан. Кир — это для родственников. У ааш-ту сложная система обращений, где для каждого статуса свое имя...

— Не уходи от вопроса.

— Среди ааш-ту не бывает детей Ульны, мы поклоняемся другим богам. Но то, что я слышал о жрицах, не совпадает с тем, что вижу сейчас...

— Короче, тебе тоже любопытно — что я такое.

— Ну еще ты очень красивая... и фигурка у тебя ничего,

— Если ты сейчас скажешь, что решил пополнить ряды моих поклонников, я тебя точно прокляну. Мне двоих вполне хватает, — я кинула в него подушкой и тут же согнулась от боли.

— Я всегда могу стать единственным, — Кир клацнул зубами у меня перед носом и хитро улыбнулся

— Лечи уже, паяц. Или иди домой. Я спать хочу, — я вяло оттолкнула Кира от себя, но он не растерялся и, перехватив мою руку, поцеловал в середину ладони, вызвав толпу мурашек, пробежавших вдоль позвоночника

— Сса... — кончиками пальцев другой руки я коснулась его шеи, оставляя на ней руну. Кириан замер нелепым истуканом, глупо хлопая глазами.

— Ну я же предупреждала, — злорадно ухмыльнулась в ответ. — Стой теперь, жди когда действие закончится.

Но не прошло и пары мгновений, как Кириан освободился и стряхнул с себя оцепенение, чем не мало удивил меня. Я рассчитывала минут на пятнадцать.

— Я ведь могу и так... — мстительно ухмыльнулся он и коснулся ладонями моего оголенного живота. По венам словно газировку пустили, воздух вышибло из легких, я судорожно заскребла пальцами простынь не в силах вымолвить и слова. — А могу и так...

Наваждение схлынуло так же внезапно, как и пришло. Его пальцы нежно гладили кожу, освобожденную от повязки. От этих прикосновений кругами расходилось тепло, постепенно охватывая меня все больше, и вот уже тело горело, требуя продолжения ласки, дыхание сбилось, хотелось стонать и выгибаться навстречу этим рукам, устроившим такую сладкую пытку.

— Такая холодная снаружи и такая горячая внутри... — хрипло прошептал Кириан, облизнув пересохшие губы и замирая в сантиметре от моих, резко обрывая ласку. — Я же говорил, что могу стать единственным... Тсс, молчи, не надо так гневно сверкать глазами, иначе усну.

Кириан легко коснулся поцелуем моих губ, оставляя на них привкус мятного леденца и

тут же отстранился.

— Я тебя убью... — гневно выдохнула я, едва наваждение спало. — Что это было?

— Никогда не позволяй ааш-ту касаться себя — открытых участков кожи, особенно если ты ранена, — как ни в чем не бывало продолжил Кириан, вода прохладными ладонями вокруг раны. — А теперь полежи смирно. Будет немножечко неприятно.

Бок прострелило острой болью, заставив сдавленно зашипеть ругательства, но через пару мгновений все прошло, осталось только легкое онемение.

— Ну вот. Надолго, конечно не хватит, у тебя иной обмен, но до обеда, думаю, дотянешь, а там к целителям сходишь, они по-своему обезболят. Ну все, мне пора, ледяная королева. До завтра.

— Кириан... спасибо, — остановила я синеволосого ааш-ту в дверях. — И да, я тебе это еще припомню.

— Не сомневаюсь, — широко улыбнулся он, закрывая за собой дверь. — Буду ждать.

Я откинулась на подушки, прикрыв глаза и прокручивая в голове события последних двух дней. Какое-то дурацкое дежавю.

— Доброе утро, Герда! Открывай! — затарабанили в дверь с утра пораньше, едва прозвучал сигнал будки.

— Входи Тея, открыто, — я сползла с кровати навстречу подруге. Бок почти не болел, но при резких движениях все равно было некомфортно.

— А я тут с завтраком к тебе. — Тея внесла огромный поднос с едой и воодрузила его на стол. — Погоди, за чайником сбегая и все расскажу.

Я успела привести себя в порядок, одеться и накрыть на стол, а подруги все не было.

— Ой, что расскажу! — ураганом ворвалась Тея, возбужденно сверкая глазами и размахивая дымящимся чайником. — Представляешь, ночью у одареннейшей один из темных крыльцо разгромил, а потом устроил такое буйство, что трое преподавателей справиться не могли. А сегодня в Академию делегация от ааш-ту нагрянула, говорят одного из ихних здесь вчера потрепал кто-то знатно.

«Он видел! — разум быстро сложил два и два, а на лицо сама собой выползла мстительная улыбка. — Не так у тебе и все равно, Видар...»

— И где теперь оба? — как можно равнодушнее спросила я, теребя сережку, висевшую на цепочке.

— Ааш-ту своего забрали, а темный заперт где-то, до выяснения обстоятельств, а что? — отмахнулась Тея. — Погоди, так это они из-за тебя что ли? Это те двое, что тебя на руках по общаге таскали?

Тея оказалась сообразительной девушкой.

— Давай не будем развивать эту тему. Может это другой темный, — предупредила я ее. Подруга скептически хмыкнула, но промолчала. Дальнейший завтрак прошел под разговоры на отвлеченные темы и хитрое поглядывание Теи.

Глава 9

Как я и думала, Кириана на занятиях не оказалось, и все только и делали, что косились на меня, но хоть с расспросами не приставали, и на том спасибо.

Зато Тарес в конце пары велел явиться к нему на кафедру после занятий, для частного разговора.

— Я жду объяснений, — с порога начал он, стоило мне войти в кабинет.

— А я-то тут причем? Меня там вообще вчера не было, — равнодушно пожала плечами, усаживаясь поудобнее на стуле с высокой спинкой и демонстративно разглядывая корешки книг в громоздком шкафу у противоположной стены. В просторной преподавательской мы сейчас были одни, можно было позволить некоторые вольности.

— Не заставляй меня пожалеть о ходатайстве на твоё обучение.

— Не вопрос. Я могу забрать документы и отправиться в Эмйорд, думаю, там тоже заинтересуются жрицей-иномирянкой, к тому же там уже учатся двое из моих сестер по вере, все же легче будет.

— И когда мной манипулируют, я тоже не люблю, — недобро протянул Тарес.

— Тогда не пытайтесь на меня давить. Я сама не знаю, что вчера произошло. Как они, кстати?

— Который из двух тебя интересуется больше? — хитро прищурился Тарес

— Больше всего меня интересуется состояние Мёрке.

— Ну что ты за жрица такая? Сразу троих лбами сталкиваешь. И ведь не самые простые маги...

Я пожала плечами и выжидательно посмотрела на Тареса:

— Эдо уехал к своим, а Оденсорт у целителей. Ему тоже перепало. Магия ааш-ту не так проста.

— Я могу его увидеть? Их отчислят?

— Не подумай, что я лезу в твою личную жизнь, — Тарес подхватил соседний стул и сел рядом, — но почему ты так за него цепляешься? Оденсорт ведь неоднократно выражал свою неприязнь...

— Он — моя последняя ниточка к прошлой жизни, — я все же решила довериться магистру, поверив интуиции. — Оборву ее, и не станет меня прежней. А я все еще не оставляю надежду вернуться и вернуть его. Раньше он был другим...

— Я помню, — задумчиво протянул Тарес, почесывая шрам. — Он был в моей группе, поступал когда-то вместе с Мёрке. Они даже дружили. Очень одаренный и перспективный парень... только направленность сменил, проскочил экстерном курс и перевелся к некромантам.

— Вир — некромант? Неожиданно...

— Да, если закончит обучение, станет одним из сильнейших темных нашего времени... И все-таки, я не понимаю, как такое возможно? Жрицы не хранят воспоминаний о прошлой жизни — это одно из условий Ульны.

— Откуда вы так много о ней знаете, это ведь закрытый культ?

— Я сам когда-то чуть не стал одним из ее сыновей...

Я удивленно распахнула глаза, вслушиваясь в слова магистра.

— Вы смогли вернуться?

— Нет. Я смог остаться. А теперь занимаюсь изучением других жриц, и очень хочу послушать о том, как одна из них, будучи, по умолчанию, сама не способной на любовь, за такое короткое время сумела зажечь пламя страсти в сердцах двух темпераментных молодых юнцов.

— Трех... — робко подала я голос. Магистр вопросительно выгнул бровь, ожидая пояснений. — Мёрке еще... он тоже...

Тарес присвистнул и продолжил прожигать во мне взглядом дыру.

— И перестаньте внушать мне чувство раскаяния, я не собираюсь смаковать в подробностях свою жизнь. — возмутилась я.

— Кажется, все будет гораздо интереснее, чем я думал, — ничуть не смутился Тарес, снимая внушенные эмоции. — Ладно, об этом потом. Расскажи лучше, что придумала с Мёрке, как спасти его собралась?

— Все очень просто: я наградила, я и заберу. Вот только кинжал найду...

— Жрица, потерявшая ритуальный кинжал? Это же немыслимо. Ты ломаешь все мои устоявшиеся познания о жрицах, Исгерд! — схватился за голову Тарес.

— Ну, во-первых, я не совсем жрица, помните? А во-вторых: неужели никто не теряет?

— Ну жрицы — точно нет. У них же часть души там. Как можно потерять собственную душу?

— Можно. Вам ли не знать?

Маг не ответил, переводя тему:

— Поторопись Исгерд, Ренару осталось не так много времени, максимум дня четыре. Сомневаюсь, что дотянет до полнолуния, — в дверь постучали, и Тарес поспешил свернуть разговор. — Но прежде, чем заниматься спасением, сообщите, пожалуйста, мне или дежурным целителям, чтобы мы, в случае чего, могли подстраховаться, и не разгребали потом последствия самоуверенных студентов-самоучек.

Я кивнула и выскользнула за дверь, мимо одного из младших преподавателей, мявшегoся у порога со стопкой документов.

Ноги сами принесли к целительскому крылу. А вот у двух соседних палат я застыла в нерешительности: к кому идти первому. Но, увы, пройти не дали ни к одному: вокруг сновали доктора, целители, лекарки, суетливо носились сиделки, не обращая внимания на меня. Несколько озабоченных медиков выскочило из палаты Ренара, и почти тут же следом прибежали еще четверо. Меня деликатно выставили вон, даже не дав узнать, что произошло.

В комнату идти не хотелось, поэтому я пошла за советом к подруге.

— Тея, я потеряла кинжала, а без него Рыжего не спасти. А Ренар там умирает... — скороговоркой выпалила я, стоило только открыться двери.

— И тебе привет, давно не виделись, — вздохнула подруга, пропуская меня внутрь. Соседка Теи недобро зыркнула на меня и, демонстративно окатив презрительным взглядом, неторопливо вышла из комнаты. — Рассказывай уже...

Коротко пересказав ситуацию прошедших дней, включая и то, о чем умолчала за завтраком, я стала ждать вердикта подруги.

— М-да. Сложная у тебя ситуевина... Предлагаю вечером еще раз попытаться сходить к ребятам, узнать как у них дела, а уж от этого отталкиваться.

— Да кто ж меня вечером пустит-то?

— Есть у меня там знакомые, не переживай, — хитро прищурилась Тея. — Пока лучше думай, как кинжал свой искать, и что будешь делать, если уже кто-то другой нашел.

Но о кинжале не думалось. В голову лезли мысли о поцелуе с Вирнаном, о прикосновениях Кириана, о Рэне, страдающем сейчас в палате, о чем угодно, но только не о нужном.

Вернулась соседка подруги, и мне пришлось уйти, дождавшись напоследок заверения Теи, что все будет хорошо.

В больницу мы проникли когда уже стемнело, прокравшись, как воришки, мимо

бдящего ока дежурного лекаря.

Ренар лежал все в той же палате, но уже опутанный какими-то трубками. Магический купол и сигнальное заклинание слабо мерцали в полумраке. Рисунок расплзся по всему телу, придавая парню сходство с мрачной восковой куклой. Ввалившиеся щеки, бледные бескровные губы, пергаментная кожа... Ничего не осталось от того улыбающегося обаятельного рыжика, что встретился мне недавно.

— Рэн... ты только не уходи, пожалуйста, — тихо прошептала я, проникая под купол и касаясь сухой холодной ладони, аккуратно лежавшей вдоль тела поверх одеяла. — До полнолуния всего неделя. Ты сможешь...

Пальцы чуть дрогнули в ответ на мое прикосновение. С огромным трудом Рэн открыл глаза и посмотрел на меня мутным взглядом, полным боли и тоски.

— Ссс... — из его горла вырвался слабый вздох.

Я погладила его по щеке, коснувшись одной из рун, переползшей к уху...

Тьма... Живая, горячая, алчущая ворочалась под его кожей, пожирая живьем, причиняя страдания, заставляя гореть в мучениях, томиться от нестерпимой жажды, мечтать о смерти... Еще чуть-чуть и все закончится: тьма победит, задушит бушующий в сердце огонь, заменит холодным мраком бездны.

Он прощался. Прощался со мной, неотрывно глядя в глаза, преодолевая боль. Эта ночь для него последняя. Он понял это так же хорошо, как и я.

— Э нет, я не дам тебе так просто уйти, — отстранилась я от Ренара, пытаюсь собраться с мыслями и придумать что делать. Без кинжала магия не отзывалась.

— Ульна, милая, сейчас самое время помочь своей неразумной дочери! — отчаянно воскликнула я, заламывая руки.

— Не приходит твоя богиня к живым, пора бы уже запомнить, — надсадно проскрипел знакомый голос и в приоткрывшуюся дверь, хромая и придерживая перебинтованную руку, вполз Вирнан... Или уже Видар? — Вот оттопырится сейчас твой дружок, тогда и будешь звать...

— Вир! Он умирает!

— Я чувствую... от него за милю несет смертью, спать невозможно.

— Я... я не знаю как помочь... я потеряла кинжал, и магия не отвечается.

— Беру свои слова назад, Исса. Ты безнадежно глупа, — Вир проковылял к стулу, на котором я недавно сидела и обессиленно на него рухнул, хватая Ренара за руку. — Держи, непутевая... И поторопись, долго я его здесь не удержу. В этот раз тьма сильнее.

Звякнув, к моим ногам приземлилась Гретхен. Схватив кинжал, я надсекла ладонь, позволяя горячим каплям свободно стекать на белый пол. Вот только магии, послушно стекающей к рукам не было.

— Вир... магии нет... — я с надеждой уставилась на темного, шепчущего что-то над бледным Ренаром. На лбу у него появились мелкие бисеринки пота, а по цвету лица Вир сейчас ничем не отличался от рыжего.

— О Темные, скажи мне кто, что я буду помогать жрице... — вздохнул он отпуская Рэна и поворачиваясь ко мне. — Вспомни, бестолковая, что ты чувствуешь, когда вкладываешь магию в кинжал.

— Я... Я... Точно. Вир, ты гений! Ударь меня!

— Если я встану и займусь тобой, рухнет купол и сюда сбежится куча паникующих врачей. Так что, дальше ты как-нибудь сама, жрица. Я и так сделал слишком много.

— Напомни, потом поцеловать тебя и сказать спасибо, — улыбнулась я и, видя, как скривился Вир, не удержалась от смешка.

Я заметалась по комнате, оставляя повсюду кровавую дорожку и пытаюсь придумать, как быть дальше.

— Да твою ж... Ин... Исса, поторопись, или у тебя будет два трупа. Этот рыжий сейчас утащит меня за собой, — недовольно рыкнул Вир.

Он вдруг резко вскинул руку и метнул в меня свой кинжал. Я обиженно зашипела, дернувшись от боли в раненом плече. Лезвие стилета воткнулось точно под ключицей. Еще бы на сантиметр вниз и все закончилось плачевно.

— Второй будет сразу в сердце, — предупредил Вир, отпуская Ренара и вытаскивая еще один стилет. — Есть у меня предположение, что твоя смерть поможет снять проклятие. Проверим?

Он демонстративно поиграл лезвием и прицелился.

Я собралась ответить колкостью, но в этот момент Рэн вдруг изогнулся и застонал. Отвлекаясь на рыжего, пропустила тот момент, когда Вир кинул второй стилет: я почти успела увернуться — лезвие вонзилось в бедро.

— Исса, я не шучу!

Да кто позволяет больным с собой оружие таскать?

Обида пополам со злостью окатила волной, выжигая все остальные чувства, и тут же привычно пронеслась по венам холодом магия, возвращая почти позабытую ненависть. Гретхен снова удобно легла в ладонь.

Прикрыв на мгновение глаза, позволила себе насладиться плещущим по венам даром, а затем, ухмыльнувшись, выдернула из бедра стилет Вирнана, откидывая его в сторону. Подойдя к парням, резко полоснула сначала по руке Рэна, а затем и по ладони Вира, едва не поддавшись искушению всадить в Видара кинжал так же, как только что сделал он. Я демонстративно облизала окровавленное лезвие, слизывая красные солоноватые капли, наслаждаясь привкусом магии темного.

— Мы потом поиграем в эти игры, детка! Сначала Рыжий! — осадил меня Вирнан, поняв, что я хочу сделать.

С трудом отведя взгляд от его темных глаз, я посмотрела на бледное тело Ренара, лежащее на больничной койке. Жизнь парня утекала, но сейчас я знала, что делать.

— Сса... Гьерд... Лнаа... Ирв... Ирри... Ран... — плела я темную сетку рун, обмакивая пальцы в кровь обеих парней.

Нацедив в ладонь крови Рэна, я сделала глоток, вплетая его магию к магии Вира и своей.

Вскипела жидкой лавой в венах огненная магия, выжигая арктический холод, уничтожая темную пустоту, забился окрыленный надеждой спящий под сердцем огонек, обнимая мертвые угли отгоревшей души. Зажглась алым руническая вязь, напитанная чужой силой до предела. Не выдержав, я заорала от боли, одновременно стряхивая руны на Ренара.

Огненная вязь оплела Рыжего, сжигая темный рисунок, оставляя после себя чистую кожу. Я держала плетение сколько могла, пока позволяли силы, не переставая скулить от боли, выворачивающей тело.

Осыпался черными лохмотьями рисунок проклятья, застывая на полу горсткой серого пепла, очнулся Рэн, откинулся обессиленно на стуле Вир, заматывая полотенцем ладонь и с

интересом наблюдая за мной. А я все не могла справиться с бушующей в крови лавой чужой магии, чувствуя, как плавятся вены, испаряется холод собственного дара, а вместе с ним сгораю в этом пламени и я, застыв неподвижной обугленной куклой.

Первым неладное заподозрил Вир, недоуменно наблюдая за мной, замеревшей посреди комнаты в неестественной позе, выгнувшись дугой. Он и Рэн одновременно дернулись ко мне, но тут же отскочили назад, тревожно переглядываясь.

Я чувствовала их беспокойство, страх. Даже ненавидящий меня Вир сейчас снял свою маску и с застывшей в глазах тревогой внимательно наблюдал за мной.

Пытаясь отстраниться от боли, сосредоточилась на этих эмоциях, прикрыв глаза, отгораживаясь от мира.

Тоненькая-тоненькая нить протянулась ко мне, ткнулась игривым котенком под сердце, успокаивая, обещая помочь. Легкая дымка коснулась ладони, вселяя уверенность, забирая страх. Не в силах больше терпеть, я отпустила боль.

Первым рухнул Ренар, хватаясь за сердце, вторым покатился Вир, зажимая виски. Дышать сразу стало легче, боль отступила, я обессиленно опустилась на больничный пол, дарящий желанную прохладу, но вид катающихся по полу парней настораживал.

— Ну что за... — догадалась я и вздохнула перед тем, как снова прыгнуть в омут боли, который эти двое сейчас оттягивали на себя.

Одну ногу под себя, во второе колено упереться лбом, крепко зажать в обеих ладонях лезвие Гретхен, вволю купая ее в собственной крови

— Уна. Ссар. Гьер. Ран. Ирри. — вколачиваю руны, сквозь плотно сомкнутые зубы, обрываю протянувшиеся ниточки, поднимаю ледяную броню, закрываю глаза, чтоб не видеть их осуждения, растворяюсь в чуждой, смертельной для меня магии.

Жрица Ульны ошиблась... Но Ренар будет жить, жизнь невинного сохранена.

Под ледяным коконом бушует темное пламя, силясь прорваться наружу. Но пока я могу удерживать щит, оставаясь бесчувственной льдинкой, пламя останется во мне, не причиняя вреда другим.

— Ты сделал на нее привязку! — первым очухался Вир, кидаясь к Ренару. — Идиот, ты хоть понимаешь, что будет, если я ее убью? Ты же сдохнешь следом!

Удерживая рвущийся скользкий щит заклинания, я равнодушно наблюдала за завязавшейся потасовкой между парнями.

— А сам-то? Или скажешь, не твоя связка колыхалась рядом с моей? Может, это у тебя такой изощренный способ самоубийства? — вполне живой и бодрый Ренар вцепился в соперника, не собираясь уступить.

— У меня остаточная, я просто чуть укрепил. А ты? Когда только успел? Ты ведь совсем ничего о ней не знаешь, не боишься, что утянет за собой? — бесновался Вир, встряхивая мелкого Ренара.

— Ты же не побоялся. И мне-то не ври, что остаточная. Вместе сейчас отдачу ловили, — ухмыльнулся Рэн.

— Я так и знал, что ты что-нибудь задумаешь, — в палату, вслед за виноватой Теей и парой недовольных целителей вошел Тарес. — Что здесь происходит?

— Уже ничего, — равнодушно просипела я, краем сознания отмечая механическую чуждость собственного голоса. — Невинный спасен.

— Землистого храна тебе в зад, — ругнулся Тарес, присмотревшись ко мне

внимательней, а затем начал отдавать указания присутствующим, и те, как ни странно слушались его: — Тея — на выход, или накажу на две декады. Один за Свертом, скажете это срочно, один — за регенерирующим щитом. Быстро!

Целители, переглянувшись, тут же испарились, следом исчезла Тея. Удивленно замерли Ренар и Видар, напряженно вглядываясь мне в лицо.

— Готовьте накопители, живо! Мёрке, родовой давай, обычный не возьмет! — рыкнул на парней Тарес.

Пока удивленные парни исполняли приказ, Тарес присел передо мной, накрывая мои руки, все еще сжимающие кинжал, своими теплыми шершавыми ладонями и ласково заговорил:

— Глупая, глупая девчонка, что же ты натворила. Ни одна жрица не сумеет справиться с даром огненного оборотного ицури, а ты еще и удержать пытаешься... Ну же милая, отпусти... Давай вернем владельцам их магию... — Тарес, ни на секунду не замолкая и не разрывая зрительного контакта, все говорил и говорил, ласково глядя мои руки, вынуждая отпустить кинжал. — Давай девочка, выныривай, не смей уходить. Они ведь тебя теперь не отпустят, следом пойдут...

Звякнуло лезвие напившейся вволю Гретхен, закружило снова темное пламя, сминая хрупкий ледяной барьер.

— Давай милая, ты сможешь... Как только я скажу, сливай все в накопители. Не держи в себе — сгоришь, — Тарес пододвинул к моим ладоням два амулета, в одном из которых я узнала радужную слезу, на том самом шнурке, что когда-то сплела собственноручно.

Маг, зайдя мне за спину и крепко ухватив за плечи, что-то забормотал. Я почувствовала, как от его пальцев по телу потекла незнакомая энергия, чуждая, но не опасная. Сосредоточившись, закусив до крови губу, я медленно стягивала весь бушующий во мне чужеродный дар к ладоням.

— Давай! — резко крикнул Тарес, подталкивая меня к накопителям.

На автомате выдохнув две руны-связки, я схватила амулеты, вливая в них излишек магии.

Рэн и Вир снова охнули, синхронно схватившись за головы и опускаясь на колени.

У Рыжего пошла носом кровь, Вир закусил запястье, видимо, пытаясь сдержать крик.

— Держи, не отнимай, потерпят охламоны, — скомандовал Тарес, не давая мне отстраниться и убрать руки. Казалось, мгновение превратилось в вечность. Силы стремительно утекали, сменяясь воздушной легкостью первого чистого снега. Я очнулась от голоса магистра, и ласкового прикосновения к своему лицу: — Все жрица, отпускай. Ты справилась.

Растаяла ледяная броня, легкая тревога кольнула сердце.

— Живы? Оба? — прошептала я, чувствуя как меня уносит на волнах надвигающегося беспомощности.

— Оба, — улыбнулся Тарес, подхватывая меня и передавая в руки подоспевших целителей.

— С возвращением! Как самочувствие? — радостно приветствовал меня магистр, стоило мне открыть глаза

— Н-нормально... А что? — ответила чуть заикаясь и с трудом садясь на кровати.

Я снова в больнице.

— Поговорить хочу, пока ты правдоподобную легенду придумать не успела. Вот скажи, чем ты думала, когда к ицури полезла? Чему тебя вообще учили? И я глупец. Надо было тебя запереть в кабинете и не выпускать, пока не расскажешь о своих идеях по спасению рыжего охламона.

— Как он? — вклинилась я в монолог Тареса. — А Видар?

— А что ему будет? Вон, лежит, охраняет. — Тарес кивнул на выход позади себя. — А Оденсорт в соседней палате отлеживается.

Пошатываясь от слабости, я заглянула в приоткрытую дверь. На куцей больничной кушетке свернувшись клубком спал огненно-рыжий лис размером с крупную собаку.

— Ренар? — удивленно обернулась я к Таресу

— Он самый. И заметь, за несколько дней до полнолуния. Ты накачала его под завязку.

— Ицури... оборотный... — растерянно пробормотала я, возвращаясь на кровать.

— Ага, то есть про магические особенности разных рас ты все же знала? — ехидно укол меня Тарес. — Вижу, и с даром своим освоилась, вон как лихо руны плела.

— А? Дар? Да... освоилась... знала... — все еще пребывая в растерянности, невпопад отвечала я. В голове два кусочка рассыпанной мозаики никак не хотели укладываться в общую картину. — Но я не знала, что он ицури. Рэн не говорил...

— Зато теперь я понимаю, почему среди жриц такая высокая смертность в первые годы после выпуска из вашей школы... Вас же ничему не учат, кроме как убивать жертву самым изощренным способом.

— Ну почему же, учат. Только мне было неинтересно.

— Вижу, диалога у нас с тобой пока не получится... — магистр поднялся со стула и собрался уходить. — Ладно, отдыхай. Целители дали тебе освобождение от практических занятий на декаду. Лекции можешь посещать. И постарайся за это время никуда не вляпаться снова. Просто помни, что дети Ульны — это всего лишь узкоспециализированная категория магов, натасканная именно на людей, и любой сильный маг другой расы пусть и с трудом, но тебя одолеет.

— Нас учили немного иначе, но в целом, смысл был тот же, — я выдавила из себя улыбку.

Он только покачал головой и вышел. Почти сразу же вернулся:

— Ах, да, чуть не забыл. В целях безопасности, с разрешения совета магистров, ты и Оденсорт лишаетесь возможности использовать ритуальное оружие на неопределенное время, Кинжалы ваши мы забрали.

— Но Магистр Тарес! Мне нельзя без кинжала, вы же знаете — он часть меня! — я спрыгнула с постели и, пошатываясь от слабости, побежала за магом.

— Это пока не обсуждается. Условие совета, для дальнейшего вашего обучения. Не согласна — милости просим за ворота Академии, — в глазах мага проскользнули колющие льдинки. — Мне ваша выходка, между прочим, чуть должности не стоила.

— Но...

— Без «но». Поправляйся, Игерд. Позже мы обсудим разрешение на использование ритуального оружия в стенах академии.

Магистр ушел. И стоило скрыться широкой спине мага, как ко мне тут же подскочил лис и радостно запрыгал вокруг.

— Ренар, я сама тебя убью, как только обернешься, — отпихнула я лисью морду. — Так меня подставить. Почему ты не сказал?

Лис покаянно опустил мордочку к полу и прикрыл лапами глаза.

— Ладно уж, подлиза, вставай. Пойдем проверим Виру, скажем ему спасибо.

Лис зарычал, преграждая мне путь и демонстрируя мелкие острые зубы.

— Прекрати. Это благодаря ему, между прочим, ты все еще жив, и даже вполне здоров, — прикрикнула я на него, и, больше не обращая внимание на гневное порывивание, двинулась вдоль коридора, заглядывая во все палаты.

Видар лежал в одной из последних, в самом конце коридора. Вернее, он гневно мерил палату шагами, и стоило мне просочиться в дверь, тут же подскочил, прижимая меня к стене.

— Опять ты во всем виновата! Из-за тебя меня лишили стилета! — тут же накинулся он на меня, полыхая тьмой в глазах.

Лис вздыбил загривок и зарычал, но Виру достаточно было просто взглянуть на рыжего и тот послушно заткнулся и уселся рядом, виновато опустив голову.

— Прости. И спасибо. — я с трудом, но выдержала взгляд.

— Я обязательно тебя убью. — медленно, четко выговаривая слова, произнес он. — От тебя одни неприятности. Убирайся прочь. Мне не нужна твоя благодарность.

— Я уйду, если ответишь на два вопроса: Почему ты не сказал, что Рэн — ищур, да еще и оборотный? Ты ведь знал, что его магия сожжет меня.

— А это бы что-то изменило? Ты бы не стала его спасать? — вопросом на вопрос ответил Вир, отступая и выпуская меня из плена его рук.

— Нет, но я хотя бы знала чего ожидать...

— И испугалась.

— Дети Ульны не ведают страха, — разозлилась я, задетая его словами.

— Ага, а еще они не испытывают эмоции, не боятся умирать, и не жертвуют собой ради других, — ехидно усмехнулся Вир.

— Ты бы позволил мне сгореть? — тихо-тихо спросила я, подходя вплотную и заглядывая в глаза.

— Это второй вопрос? — снова ушел от ответа Вир, но взгляд не отвел. — Ты ведь уже знаешь ответ.

— Хочу услышать это от тебя...

— Да. Мой ответ — да. А теперь уходи.

— Как жаль, что я разучилась ненавидеть, сейчас это было бы кстати... — я постаралась улыбнуться, но у меня это плохо получилось.

Выпрямив спину и задрав голову, я деревянной походкой вернулась в палату. Растянувшись на кровати и уткнувшись в теплый лисий мех, попыталась уснуть, выгнав из головы все посторонние мысли, но внезапно вернувшиеся эмоции не дали этого сделать.

Глава 10.

Из больничного плена меня выпустили через два дня. Ренара изгнали наутро. Вир все еще оставался в палате под надзором.

Мало того, что отобрали кинжал, так Тарес, как куратор группы, назначил еще и наказание на целую декаду — исправительные работы в качестве универсального помощника.

После занятий я шла на кафедру, исполнять мелкие поручения преподавателей, а потом — в библиотеку, писать заданный магистром Таресом доклад. Но одиночество в библиотеке

мне скрашивал Кириан, тоже отбывающий наказание. Куда запропастился Ренар я не знала, но он не показывался мне на глаза вот уже четыре дня.

— Сегодня двойное полнолуние, — невзначай бросил сидящий рядом Кириан, отрываясь от толстого книжного талмуда. — Твоего темного выпустили из больницы.

— И как это связано? — я воспользовалась возможностью отвлечься от изучения длинной и нудной статьи.

— Ну как же. Оба, и огненный и темный, сегодня на пике силы, а ты их еще, по твоим словам, магией под завязку накачала... Не боишься?

— Чего? Что они меня убивать придут? — не поняла я вопроса.

— Нет. Что между собой сцепятся, в борьбе за внимание любимой девушки.

— Скажешь тоже, — фыркнула я, снова утыкаясь в книгу. — Не думаю, что Тарес и другие преподаватели этого не предусмотрели. К тому же, когда один из них пытается тебя убить или покалечить — это сложно назвать любовью.

— Тогда с чего он так пристально следит за всеми парнями, с которыми ты общаешься?

— Да откуда же мне знать? — я всплеснула руками, и демонстративно отвернулась к книге, давая понять Кириану, что не желаю продолжать разговор на эту тему, а сама, непроизвольно закусив пирсинг в губе — ту самую сережку-колечко, вырванную из уха Вира, задумалась.

Пирсинг я сделала недавно, после последнего разговора с Виrom, поддавшись какому-то наитию, не без помощи одной из помощниц целителя и посетившей меня Теи. И теперь, всякий раз, как вспоминала о Вире, закусывала сережку, пробуждая слабую, но вполне отрезвляющую боль в подзажившей ранке.

— Герда, перестань ее так теревить, ты не даешь мне сосредоточиться, — отвлек меня хриплый голос Кириана.

— А? Что? — выплыла я из своих размышлений.

— Оставь свою серьгу в покое, пожалуйста. Отвлекает.

Я хитро улыбнулась и облизала губы, намеренно чуть задержавшись на пирсинге.

— Провоцируешь? — глаза ааш-ту полыхнули синим огнем, он весь напрягся, словно приготовился к прыжку.

— Нет. Проверяю свои возможности, — я откинулась на спинку стула, переставая дразнить парня.

— Осторожней, я могу сыграть в ту же игру, — выдохнул он мне в лицо, резко наклонившись, а потом так же резко отстранился и встал из-за стола. — Я закончил на сегодня. Ты идешь?

Я мотнула головой и вернулась к чтению. Сейчас уход Кириана был очень кстати: мне надо проверить кое-какую информацию, и лишнее внимание ни к чему.

Библиотекарь вручила мне небольшую стопку книг по некромантам и оборотным ищуре, и я снова отправилась за свой стол в читальном зале. До закрытия библиотеки еще три часа, до выхода первой луны — шесть. Должна успеть.

Я опаздывала. А еще ведь надо найти Тею — думаю, подруга не откажется поучаствовать в небольшом приключении, и Вира. Кириан, словно предчувствуя что-то, настиг меня у дверей общежития:

— Далеко собралась, ледяная королева?

— Мне срочно надо в город, а я наказана, — повинилась я ааш-ту, гадая, почему тот еще

не ушел домой. Студенты его расы не жили в общежитиях академии, специально для них при посольстве у дворца был построен дом.

— Что мне будет, если покажу лазейку? — хитро прищурился Кириан, отводя меня в сторону.

— Почему никто здесь не помогает бескорыстно? — изобразила я печаль. — Что ты хочешь, корыстное чудовище?

— Поцелуй, — предвкушающе расплылся в улыбке Кир. — Сегодня, лучше если прямо сейчас.

— Да пожалуйста, — пожала я плечами. — Но оплата после того, как выберусь за ворота.

Кириан удивленно округлил глаза. Наверное, он думал, что я буду отнекиваться и торговаться? А почему нет? Парень он симпатичный, я ему нравлюсь. Может, стоит попробовать?

То что он назвал лазейкой — едва ли можно было этим назвать. Но за территорию я все же выбралась. Кир, свободно вышедший через центральные ворота, уже ждал меня у условленного места. За Теей я зайти так и не успела. Ну ладно, сама справлюсь.

— Идем, целовать буду, — потянула я парня за воротник форменной рубашки. — Только без своих магических штучек.

— Обещаю, всё сугубо добровольно, — развел он руки и улыбнулся.

Я быстро ткнулась в губы парня, намереваясь тут же отстраниться, но хитрый Кириан не дал мне этого сделать, Одной рукой он схватил меня за талию, другую положил на затылок, не давая прервать поцелуй. Его губы были холодными и чуть солоноватыми, словно он только что вернулся с морского побережья. Сначала я ничего не чувствовала, просто механически отвечая на поцелуй, но потом по телу пробежала искорка тепла, превращаясь в огонь разгорающегося желания. Прикосновения и поцелуи превратились в сладкую пытку, хотелось все больше и больше. Почти тут же я почувствовала, как заворочался под сердцем рыжий огонек, слегка отрезвляя, а в висок кольнуло чье-то ментальное заклинание. Засосало под ложечкой, и в собственном теле вдруг сразу стало неуютно, сработала чья-то привязка.

Не соврал Вир, есть-таки привязка, у обоих есть, но сейчас мне это на руку.

С трудом сосредоточившись, вспомнила все, что недавно читала про ааш-ту, мысленно возведя зеркальные барьеры, отражавшие магию, которую нахальный Кириан все же применил ко мне, и одновременно с этим активировала одну из рун оцепенения.

— Ну мы же договаривались? — вместе с несильной пощечиной я вlepила и руну. — Не люблю, когда мной манипулируют.

— Прости, не удержался. Ты такая горячая, если тебя слегка завести, — ничуть не смутился Кириан, замирая неподвижной фигуркой.

— Постой тут, подумай над своим поведением, — послала я ему воздушный поцелуй. — Я учла прошлые ошибки и немного подготовилась.

— Герда! Не делай этого! Сними заклинание! — Кириан разозлился.

— Спокойно, Кир. Через несколько мгновений оно само спадет. Увидимся на лекциях.

Шутливо помахав, я побежала в сторону обитатели Ульны. Если верить всему, что успела прочитать о боге, которому теперь служил Видар, храм — единственное убежище на эту ночь, где я буду в безопасности. Но мне ведь не только успеть укрыться нужно.

В Нёттере, городе «тысячи магов», городе, где учится большой процент некромантов, не

хоронят мертвых, их сжигают в очищающем пламени, и лишь затем предают земле, воде или развеивают по ветру. Впрочем, так делают везде в этом мире. И найти погост с могилами не так просто.

Между третьим и четвертым охранными кругами, на задворках кварталов бедняков, сразу за стенами городской тюрьмы притаилось маленькое кладбище с похороненными на нем преступниками и безымянными бродягами, ведь для очищающего огня важно имя, с которым уходит человек. Вот туда, в этот опасный район, я и держала путь. Важно было успеть в тот короткий промежуток времени между заходом солнца и восходом второй луны.

Где мог быть рыжий ицури в полнолуние я так и не нашла. Об этой расе мало писали в книгах, лишь скудную общеизвестную информацию, что давали еще во время учебы при храме Ульны. А вот про кьерров и вовсе ничего не было, словно кто-то старательно удалил все упоминания о них, даже в сказках и легендах.

Зато Видар оказался именно там, где я и предполагала.

Чуть поодаль, за кладбищем, притаилась маленькая статуя безликой богини с жертвенной чашей у ног. Это Аманда. Покровительница наемных убийц и Темных Карателей — особого класса некромантов, кто признал ее своей богиней и принял темный дар с ее рук.

С одной стороны, жаль, что мои догадки подтвердились, и он теперь адепт Аманды — родной сестры и главного врага Ульны, ведь мы теперь действительно по разные стороны баррикад. С другой — я знаю чего ожидать и чего опасаться.

Вир чертил пентаграмму у ног статуи, чуть поодаль еще трое жаждущих божественной силы творили похожие. У каждого в руках был жертвенный зверек, чьей кровью и выводились ритуальные символы, и только Вир рисовал своей собственной, зажав в руке тонкое лезвие.

Кинжал был другим, это я почувствовала и у видела сразу. Оба наших стилета надежно заперты где-то в стенах академии, и сколько я не рыскала по ней, как не подмазывалась к Таресу, узнать где кинжалы так и не удалось.

Если сейчас не получится, то одному из нас все же придется умереть. Ни Ульна, ни Аманда не пойдут на уступки ради своих детей — слишком сильна вражда. А адептов можно и новых найти.

Четверо на одну. Помоги мне, Ульна...

Сделав пару глубоких вдохов, сконцентрировавшись на своей силе и вспомнив все, что успела узнать за дни наказания, я направилась к Виру.

Он почувствовал меня сразу, это было заметно по напряженной спине и чуть дрогнувшей руке, выводящей идеально ровные линии.

Поняв, что таиться больше нет смысла, я достала кинжал, одолженный у Кириана, и не скрываясь, высоко задрав подбородок, прошла мимо трех ошеломленных некромантов к Видару.

— Какие гости, — улыбнулся Вир, распахивая руки в приветственном жесте. — Вижу, в Нёттере на одного насильника стало меньше.

— Что поделать, если моя капризная богиня откликается лишь на голос мертвых. Пришлось, — приняла я игру Вира, — Я смотрю, и твоя не прочь испить сладкий коктейль из боли и страданий жертвы.

Я кивнула на внимательно прислушивающихся к нашему разговору некромантов.

— Ты сумасшедшая, Исса, — Видар, словно бы невзначай, сделал пару шагов и оказался

между мной и остальными. — Ты соображаешь, куда ты пришла, и что сейчас будет?

— Вполне. Сейчас, пока не взошла вторая луна, да еще и без своего кинжала ты слаб и уязвим, и я могу с тобой справиться.

— Не ты ли грозилась больше не поднимать против меня оружие, принося себя в жертву?

— Знаешь, Вир, я тут подумала и поняла, что очень хочу жить, даже если без тебя... Ведь у меня теперь есть Ренар и Кириан.

Ох, как полыхнули его глаза, при этих словах. Ревнует, еще как ревнует. Я удовлетворенно улыбнулась и закусилась сережку в губе. Его гнев мне сейчас на руку.

— Что с ней цацкаешься? Хватай и тащи к чаше. Аманда оценит такой роскошный подарок, — вклинился один из стоявших позади меня некромантов. Развязно поигрывая длинным кинжалом с волнообразным лезвием, он почти вплотную подошел ко мне и, предвкушая легкую победу, широко улыбнулся, обнажив желтоватые зубы, заточенные под острым углом.

— Ты сначала поймай, — нахально скалилась я, приготовившись сражаться. Я позорно упустила тот факт, что поклонников у Аманды, жаждущих темной силы, может быть много, и теперь придется расплачиваться.

— Легко, — к нам подошли остальные два, окружая меня.

— Что ж, за ошибки иногда приходится платить, — я опустила руки и склонила голову, замирая в позе покорности. Отчетливо чувствовалась неприкрытая радость от легкой победы, идущая от незнакомых мне некромантов. От Вира же фонило недоумением и любопытством. Он-то наверняка понял, что я что-то задумала. — ...Но не сегодня...

Резко оттолкнувшись от земли, я прыгнула к Видару, в прыжке выхватив кинжал из его рук и используя парня как трамплин. Перекувыркнувшись, я приземлилась в сантиметре от пентаграммы... Захватив песка вместе с кровью Вира и нарушив стройность и замкнутость алых линий, в два прыжка достигла жертвенной чаши у ног статуи. Несколько обескураженные некроманты замерли, с любопытством наблюдая за моими действиями. Они явно не ожидали, что я сама ломанусь к жертвеннику.

Скинув окровавленную землю в чашу и привычно надрезав ладонь, я вместе с собственной кровью выпустила и заранее заготовленное плетение. Теперь бы успеть зачитать вторую заготовку, и Вир станет безопасен для меня.

Всю театральность момента испортили очухавшиеся некроманты, кинувшиеся ко мне. Но сейчас, в этот короткий безлунный промежуток, я была сильнее. Я легко откинула их одной из заготовленных рун, продолжая наполнять чашу кровью и плести вторую часть заклинания. И вот тут в игру вступил понявший все Видар. Видимо, он тоже читал об этом.

Он легко откинул меня от чаши, не дав вплести всего две руны, и отскочил назад, не позволяя зацепить себя собственным кинжалом. Некроманты тоже достаточно быстро справились с руной-ловушкой и теперь нападающих стало четверо. Один из них метнул в меня стилет, но я успела увернуться. Второй развернул смертельное заклинание, прицеливаясь к броску.

Понимая, что другого шанса может и не быть, я снова кинулась к чаше, скороговоркой выпалив оставшиеся руны.

А потом произошло странное: Вир снова поймал меня, отпрыгивая вместе со мной, при этом не дав попасть под смертельное заклинание второго некроманта, но зато сам же наградил меня чем-то весьма болезненным. И одновременно с этим, в центре вировской

пентаграммы возник огненный демон-ицури, сейчас нисколько не напоминавший того мягкого пушистого лиса, с которым я валялась в обнимку на больничной кровати: он увеличился в размерах раза в четыре, три длинных хвоста раздраженно били по объятым пламенем бокам, две пары ушей дергались как у недовольной кошки, прислушивающейся к окружающему враждебному миру, оскаленная пасть демонстрировала два ряда огромных клыков, а в желтых звериных глазах полыхал огонь безумной ярости.

После маневра Видара, некроманты почему-то утратили ко мне интерес, сосредоточившись на ицури. Тот, легко раскидав темных, направился ко мне и Видару, неотрывно следившему за приближением оборотня. Воспользовавшись тем, что Вир отвлекся, я вывернулась из захвата и дотянулась до края жертвенника, вонзив отнятый у темного кинжал в центр наполненной кровью чаши.

Не было ни грохота, ни вспышек, оповещающих о свершившемся действии, только вышедшая первая луна ненадолго скрылась за тучей, погружая поляну у статуи во тьму. Только огненный ицури полыхал ярким факелом, освещая нас троих.

Рыкнув на Вира, он легко цапнул меня за рукав, оттаскивая от темного, и повернулся боком, отрезая от всех и предлагая взобраться. На огненных лисах мне кататься еще не доводилось.

И только я хотела спросить, как он себе представляет мою поездку на объятый пламенем лисьей спине, как вдруг огонь прекратился, превратившись в обычный мех. Летевшие в ицури заклинания со стороны очухавшихся некромантов отскакивали от лиса как резиновые мячики, не причиняя вреда. Только Вир с неодобрением наблюдал за моей попыткой взобраться на спину оборотню, не пытаясь помешать и остановить нас.

Ренар снова пару раз рыкнул, неотрывно глядя на Вира и угрожающе скаля клыки, а затем огромными прыжками помчался прочь, в сторону храма Ульны.

— Скажи, когда Ульна забирала у тебя эмоции, она не могла оставить взамен хоть немного ума и сообразительности? — первое, что спросил Рэн, перекидываясь в человека у порога храма.

— А..э... А разве ты не должен до конца полнолуния в лисьем облике...? Ты же циклический? — растерялась я, видя как свободно перекидывается Ренар.

— Был, пока с тобой не познакомился. Не меняй тему.

— Опять я виновата, — я притворно грустно вздохнула и уселась на одну из скамеек. В это время в храме было пустынно, редкие жрицы и просящие благодати Ульны давно разбрелись по своим жилищам. — Что опять не так?

— Залезть в храм к темным на пике их силы, за мгновения до появления богини... Чем ты думала? Зачем ты туда полезла?

— Затем, что Аманда не сможет к ним явиться и одарить своей милостью, а значит, до следующего полнолуния Видар и остальные адепты будут не сильнее обычных бытовиков.

— Ты хоть представляешь, как я испугался? — Рен вздохнул и подошел ко мне вплотную, заглядывая в глаза. — Понимаешь, что могла там и остаться?

— Могла. Но я на тебя рассчитывала. Тебе ведь очень хотелось знать, с кем я сегодня целовалась?

— Снежинка, так нельзя. Это больно. Даже ему, хоть он и скрывает. Ты уже определись.

— Ага, так больно, что он меня меткой смертника наградил? — я помахала ладошкой с алой печатью, ярким пятном горевшей на моей коже. — Я-то думала, чего они ко мне

интерес так резко утратили... А он меня в личные жертвы выбрал...

— Снежинка? — Ренар непонимающе смотрел на меня.

— Метка смертника накладывается жрицей на конкретную, выбранную ей жертву, кого она собирается убить лично, — заученно забубнила я. — Как правило, такой избранник становится табу для остальных. В смертники обычно выбирают тех, кому собираются отомстить. Например, свою я берегу для одного капитана, который и сделал меня такой. До этого я считала, что подобные метки — это только наша фишка, а оказалось, другие тоже могут ...

— Получается, он тебя спас? Теперь ведь никто, кроме Видара, убить тебя не может... А он не будет.

— Не может. Вернее может, но метка тогда перейдет на убийцу... Есть еще один нюанс: в живых всегда остается только один, так что, убить меня он все же попытается, иначе сам умрет в страшных муках.

— И сколько у вас времени? Можно же попросить Вира снять метку, он поставил, он и снимет.

— Увы. Она уже активна. Но, учитывая, что я сорвала ритуал и Вир теперь не сильнее меня, еще неизвестно, кто из нас выживет.

— И ты вот так спокойно об этом говоришь? — вдруг взорвался Ренар, заметавшись по залу. Его голос тихим шепелявым эхом отражался от стен. — Один из вас должен умереть, а тебя это нисколько не волнует?

— Спокойно, Рыжик, до следующего двойного полнолуния еще четыре месяца — это почти маленькая жизнь, — я подошла к раздраженному парню и ласково коснулась ладонью непослушных рыжих вихров, убирая со лба спадающие на глаза прядки волос. — Я что-нибудь придумаю.

Рэн, внимательно наблюдавший за моими действиями, расценил это как сигнал к действию: горячие руки легли мне на спину, сжимая в объятьях, согревая своим прикосновением.

— Не называй меня Рыжиком, — выдохнул он, накрывая мои губы обжигающим поцелуем.

Ворох холодных бездушных снежинок осыпался к ногам под натиском разгорающегося пламени страсти. Я плавилась в горячих объятиях, пила жаркие поцелуи, стремясь раствориться в огне эмоций и отогреть застывшую душу.

Его руки лаская блуждали по моему телу, заставляя выгибаться навстречу прикосновениям, впитывать желанную нежность.

Его губы оставляли пылающие дорожки поцелуев, спускаясь все ниже к вырезу блузки, и снова возвращаясь к моим губам, шепча признания, дразня, и обещая, пробуждая уснувшее сердце, вынуждая предательский орган биться в ускоренном темпе, в ритме бушующей в венах страсти — одной на двоих.

Его желание тысячевольтными разрядами било по обострившемуся чувствам, словно ток по оголенным нервам, сводя с ума, лишая контроля, зажигая внутри новое, ни с чем несравнимое чувство.

Одежда стала досадной преградой. Хотелось прижаться к Ренару, ощутить его каждой клеточкой своего тела.

— Рэ-эн, — тихо простонала я, комкая его рубашку, не зная то ли оттолкнуть, то ли притянуть и умолять, чтобы не останавливался.

Ренар тихо рыкнул, и, слегка куснув за шею, подхватил меня под ягодицы и усадил на стоявший рядом алтарь.

Его поцелуи становились настойчивее, а ласки все более требовательными, сводя с ума все сильнее. Еще немного, и мы уже не сможем остановиться.

Он шумно вдохнул сквозь сжатые зубы, когда я, запустив руки ему под рубашку, пробежалась холодными пальцами вдоль позвоночника и коснулась ладонями живота, медленно двигаясь вверх, к груди...

— Bravo. Bravo. Еще чуть-чуть и он возьмет тебя прямо здесь, на жертвенном алтаре, — раздались у входа редкие одиночные хлопки.

Сдавленно пискнув, я одернула задрывшуюся блузку и спрятала лицо на плече Ренара, пытаюсь унять бешено колотящееся сердце.

Рэн сначала напрягся, но затем, видимо разглядев говорящего, снова расслабился, успокаивающе поглаживая меня по спине и с трудом возвращая осмысленность взгляду.

— Ну же, ребятки, не стесняйтесь, продолжайте. Порадуйте меня таким потрясающим зрелищем, — продолжал насмехаться невидимый собеседник.

— Все хорошо, родная, он не может сюда войти, — ласково прошептал Рэн, обнимая и целуя в висок. — Надо просто подождать.

— Зато я могу сидеть здесь, у порога и наблюдать как вы предаетесь разврату у ног божественной статуи. Как она тебя пропустила Рыжий? Или ты сумел растопить даже сердце каменного идола? Я всегда поражался твоей любвеобильности, Ренар

— Не слушай его, Снежинка. Ему просто больно, и он пытается ответить тем же тебе, — успокаивающе шептал Рэн.

— Вир, — тихо выдохнула я, узнавая ночного посетителя.

— Он самый. Пойдем, жрица. Должок за тобой. Или ты думаешь, что заблокировав источник, сумеешь спасти свою шкуру? Ты ведь сама дала обещание, помнишь? Жизнь рыжего в обмен на твою.

Я вздрогнула, вспоминая с каким отчаянием просила когда-то Виру о помощи. Неприятный холодок пробежал вдоль позвоночника. Все зря. Как я могла забыть?

— Что ты ему пообещала? — встряхнув меня за плечи, сипло произнес Рэн.

— Я должна была тебя спасти, — утопая в янтарно-желтых глазах, с нежностью прошептала в ответ. — Прости. Я должна идти.

С некоторым трудом высвободившись из теплого плена рук, я, одергивая на ходу одежду и поправляя волосы, направилась к выходу.

— Зачем? — опередил меня Рэн, вихрем подскакивая к Виру. — Ты ведь знал!

— Тогда еще нет. Но это ничего не меняет, — Вир сделал шаг в сторону, легко уклоняясь от выпада Ренара.

Ну что опять за недомолвки, — поморщилась я, подходя к парням, а вслух произнесла:

— Ну вот она я. Только что с привязками делать будешь? Не для этого ведь Рэна спасали. А связь-то теперь крепкая, обоюдная, — нахально подмигнув Виру и демонстративно коснувшись пирсинга, добавила: — Неплохой тройничок получился, правда? Вот только к разным богам пойдем после смерти...

— Неплохой, согласился Вир, покосившись на Ренара. — Да и мы с Рыжиком в расчете. А вот с привязками — засада. Но ведь время еще есть. Придумаем. Ты же не думаешь, что я

совершу самоубийство ради вас?

— Снять метку никак? — Рэн благоразумно оттащил меня подальше от Видара, снова заключая в плен теплых рук.

— А зачем? — иронично выгнул бровь Вир.

— Затем, что ты уйдешь вслед за ней, и меня следом утащите... Впрочем, я и сопротивляться не буду. — Рэн поцеловал меня в макушку, обнимая крепче, чем заслужил еще один неприязненный взгляд Вири.

— Однажды я уже обрывал связь, оборву и сейчас, тем более, что в этот раз она была без ритуальной фразы, совсем слабенькая... случайно получилась...

— Зато скреплена поцелуем и кровью, — мрачно выдал Рэн.

Я в диалог не вмешивалась — откинувшись на Рэна, наблюдала за их перепалкой.

Дурацкая какая-то ситуация получалась. Вир, спокойно сейчас разговаривающий с Рэном, и вроде бы совсем не собирающийся меня убивать, эти их странные привязки, смысл которой, даже прожив столько времени в этом мире, я плохо понимала.

А вот кстати, про привязки:

— Когда ты успел создать связь? И почему я тебя не чувствую? С Виром мы проходили весьма болезненный ритуал... — повернулась я к Рэну.

Видар мстительно улыбнулся и уселся прямо на полу, у входа.

— Bravo, Исса. Иногда ты задаешь нужные вопросы, — захлопал он, устраиваясь поудобнее.

— Тебе не пора уйти? — злобно зыркнул на темного Рэн. — Кажется, тебя заждались твои братья по секте...

— И пропустить такое шоу? Или дать тебе шанс закончить начатое? — вопросом на вопрос ответил Вир, все еще продолжая злорадствовать. — К тому же, благодаря нашей общей подруге, мне сейчас лучше все же быть рядом с вами...

— Ты уж определись как-то, — вздохнул Ренар, бросив загадочную фразу, а затем переключился на меня: — Понимаешь, Снежинка, у ицури все немного по-другому. Не как у... Вири. Я... мы... мы чувствуем свою пару и... Давай я расскажу тебе об этом в другой раз, в более подходящей обстановке?

— Ну что же ты, у нас впереди целая ночь, самое время обменяться секретиками. Не хочешь ты, давай я расскажу, — вклинился Вир. Рэн не успел его остановить: — Короче, у ицури все просто: он увидел тебя где-то, его вштырило от твоего запаха, потом он развел тебя на поцелуй, формируя первую эмоциональную петлю, если ему при этом еще и крови твоей обломилось — вообще замечательно. И чем сильнее его от тебя прет, тем сильнее его привязка. И да, он прав, если ты умрешь, а умереть тебя придется, ты потянешь его за собой — особенность связи ицури... Не живут они без пары. Не все. Некоторые все же выживают.

— Зачем? — одними губами спросила я у наблюдающего за моей реакцией Ренара.

— Не стоит так переживать, — по-своему истолковал мой вопрос Вир. — Можешь не бояться, что сдохнешь, если вдруг твой дружок умрет. До тех пор, пока ты не ответишь на его чувства и вы не переспите, связь односторонняя... Хотя, погоди, ты сказала обоюдная? Вы что...?

— А что на счет твоей связи? Стоит ли ей бояться за свою жизнь, если ты сейчас внезапно умрешь? — вдруг вспыхнул Рэн, снова кидаясь на Видара, зажигая в руках два огненных шара.

— Рэн, перестань! — кинулась я к нему, пытаюсь остановить, но он легко отодвинул

меня, подходя вплотную к сопернику.

— Остынь, Рыжий. — Вир даже не пошевелился, когда Рэн поднес к его лицу сгусток пламени. — Я сейчас, конечно, слабее тебя, но... ты хорошо подумал, что будет если убьешь меня? Давай хотя бы не в этом храме... Выйдем? Проверишь, что будет. Или опять струсил?

Вир сделал несколько шагов назад, выходя на улицу, и приглашающе поманил Ренара.

— Рэн, пожалуйста, остановись! — кинулась я к парню, начавшему трансформацию. — Рэн! Не надо! Он моя последняя ниточка...

Но Ренар сейчас меня словно не слышал, целиком сосредоточившись на насмешливо улыбающемся Вире, откровенно провоцирующим лиса. Весь объятый пламенем, Рэн полыхал как факел, держа в руке такой же огненный меч.

От первого выпада Вир увернулся, второй распорол ткань рубашки на боку.

— Рэн, пожалуйста, остановись. Я... Я люблю его... — в порыве отчаяния крикнула я то, что совсем не собиралась говорить.

Вспыхнуло и опало пламя, словно его залили водой. Передо мной стоял обескураженный и растерянный Рэн. Одарив меня полным боли и звериной тоски взглядом, он, перекинувшись в лиса, скрылся в ночной темноте.

— Дура, — устало вздохнул Вир, усаживаясь на ступеньках храма. Это я уже и без него поняла. — Зайди внутрь.

— Зачем? — я тихонько присела рядом. — Ты ведь меня все равно не убьешь, я уже поняла.

— На тебе моя метка, помнишь? — усмехнулся он, что-то разглядывая в темноте. С чего ты взяла, что не убью? Вот с Рыжим идиотом разберусь только... Хотя, я уже думаю, проще убить вас сразу обоих...

— Ты пытаешься обмануть самого себя. Если бы хотел — давно бы убил, без запугивания...

— Ты права, сегодня я убивать тебя не буду, хоть и зол ужасно. Но они могут, — Вир кивнул на стоящих неподалеку трех некромантов, что я видела недавно на кладбище. — Убив тебя до восхода, они разрушат наложенное заклинание. Ты здорово сегодня подгадила всем нам, оставив без милости Аманды...

Я послушно зашла в храм, Вир снова растянулся на пороге. Молчание затягивалось.

— Вир, неужели убил бы, если бы не было связки с Рэном?

— Тебе нравится боль? Зачем раз за разом задавать одни и те же вопросы, зная ответы? Я же уже говорил, мы служим разным богам.

И снова молчание затянулось. Я подтащила небольшую скамейку поближе и расположилась рядом с парнем.

— Знаешь, когда я шла в Нёттере, уже у самой границы, однажды утром я проснулась с внешностью Инги. А потом снова стала Искерд. И теперь так ей и остаюсь... — решила я поделиться с Виром. — И знаешь что самое интересное? Она тебя не помнит, ничего не чувствует. Ей все равно кто ты, и что с тобой. А я помню... и чувствую...

— Какая забавная сказочка. Сама придумала? — не поверил Вир.

— Я говорю правду!

— Исса, не надо. Я же говорю, я выжиг свое сердце, меня таким не проймешь. И чтобы ты знала: жрицы не возвращаются к прежнему облику и прежней жизни. Они мертвые, навсегда застывшие куклы.

— Как же они тогда умирают, если уже мертвые?

— Они возвращаются в чертоги Ульны, к берегам ее рек... Ты очень глупая жрица, Исса.

— Сам дурак, — обиделась я, отвернувшись и принимаясь от вынужденного безделья разглядывать уже изрядно потускневшую печать: алая пентаграмма и тонкая вязь едва заметных рун по краю, складывающихся в неуловимо знакомую надпись. Еще чуть-чуть и метка совсем исчезнет, чтобы появиться перед самым полнолунием. Ну или гораздо раньше, если Вир надумает сдержать слово и убить меня.

Я задремала, проснувшись от тихого шороха. Вскинувшись, спросонья долго разглядывала с недоумением одну из послушниц, склонившуюся надо мной. Бледное лицо, застывший взгляд без единой эмоции, ни капли любопытства. Действительно — кукла.

Вира не было. Первые лучи солнца позолотили порог на котором он провел эту ночь, охраняя меня от своих собратьев.

И все-таки, его сердце живее, чем он думает. Я радостно улыбнулась, чем слегка озадачила послушницу, и, легко соскочив со скамейки, понеслась к академии — отбывать заслуженное наказание.

Глава 11

Рэн меня избегал. Нам не давали поговорить, если мы случайно пересекались в коридоре, он уходил в сторону, если я попадалась навстречу.

Он старательно отгораживался от меня. И под сердцем, там, где недавно жил щекотный огонек, поселилось грызущее чувство вины.

Зато Вир вдруг стал ненормально активным, чуть ли не преследуя меня на каждом шагу, устраивая разные пакости и постоянно маяча в поле зрения. Из-за этого мне приходилось передвигаться по территории либо в обществе Кириана, либо — Теи.

Даже отбывая совместное наказание за самовольный уход с территории, Рэн старался держаться особняком, при этом всю вину он взял на себя и чуть не был исключен.

Я не выдержала к концу третьей декады. Подловив момент, когда Иши и Тебур ушли из комнаты, а отирающаяся подле Рэна воспрявшая духом Илна отвлеклась, я проскользнула в его комнату.

— Здравствуй, Ренар, — я тихо прикрыла незапертую дверь и прислонилась к ней спиной. — Так и будешь бегать?

Он вздрогнул при звуках моего голоса, и подскочив с кровати поспешно схватил рубашку. Но я уже успела заметить.

— Рэ-э-эн... опять... — тихо простонала я, в два прыжка подскочив к нему и вырывав из рук рубашку. — Зачем?

На его груди, у сердца, едва виднелась бледная метка, точно такая же, что горела на моей ладони в прошлое двойное полнолуние. Вот только рядом расположились еще четыре руны — руны наших имен.

Глупый-глупый лис, — я едва касаясь кожи, обвела пальцем руны. — Зачем ты опять во все это ввязался? Может быть, Илна станет для тебя лучшей парой?

— Уходи, Исса, я не желаю это с тобой обсуждать, — Рэн накинул рубашку, но застегиваться не стал.

— Прощый раз тебя ничему не научил? Зачем ты опять полез? — повысила я на него

голос. Разговор уходил в другую сторону.

— Я никуда не лез. Это связь, и она крепнет, — огрызнулся он в ответ, отходя к окну. — Поскольку я сильнее, то со временем буду оттягивать на себя все пойманные тобой проклятья и увечья... Жаль, что времени осталось не так много.

— Прости меня, я такая дура, — я тихонько подошла и обняла его со спины, положив ладони на грудь, туда, где билось горячее сердце. Он вздрогнул, но не отстранился, лишь накрыл мои руки своими. — Рыжик, я очень-очень боюсь тебя потерять. Ты для меня больше, чем друг. Но и он тоже часть моей жизни и моего сердца, понимаешь? Я не могу его потерять. И тебя не могу... Я запуталась, Рэн...

Я сбивчиво шептала, уткнувшись ему в ухо, торопясь побыстрее сказать все, что накопилось:

— Все говорят, что жрицы не умеют любить, у них нет сердца, а мне порой кажется, что у меня их целых два... с тех пор, как встретила тебя... Мне просто нужно немного времени. Мы обязательно что-нибудь придумаем, правда?

— Правда, — Рэн развернулся, перехватывая мои ладони и грустно улыбнулся. — Обязательно придумаем.

Он нежно, едва ощутимо поцеловал меня в ладошку, разбудив толпу мурашек, ураганом пронесшихся вдоль позвоночника. Я судорожно вздохнула, от такой неожиданной ласки.

Заметив мою реакцию на его прикосновения, он удивленно замер. Если бы я могла — я бы покраснела от смущения. Пытаясь спрятаться от его пытливого взгляда, я уткнулась ему в надплечье.

— Решечка, милый, я тут тебе принесла кое-что... — ураганом ворвалась в комнату рыжая Илна, застав нас в весьма компрометирующей позе.

Рэн даже не попытался меня оттолкнуть, а я и не собиралась отпрыгивать, слишком уютно мне было рядом с ним.

— Опять ты! Отстань уже от него. Что ты ему голову морочишь? Ни себе ни людям! — бесновалась Илна, крича то на меня, то на Рэна, обличительно тыкая в него пальцем. — А ты? Совсем тряпка? Она поманила, ты и побежал? Ну хоть немножечко твердость прояви, выстави ее вон! Бегаешь за ней, как ручная собачонка, тьфу, противно. То же мне, пример для подражания младшим лисам.

— Илна, я сейчас тебя выставлю! — разозлился Рэн, выпуская меня из объятий. — За языком следи!

— Если не я — кто тебе скажет? Над тобой смеются уже все, тряпка влюбленная, ходишь, слюни по ней пускаешь, прощаешь ей все. Но это не она тебя после полнолуния откачивала, не она сидела рядом, а я, пока твоя... твоя... стелилась перед этими... перед темным. И что в итоге?

— Все Илна, хватит. Мы с тобой после побеседуем, — Рэн схватил девчонку и поволок выходу.

— Нет, погоди. Лучше я уйду. А вы поговорите — вам это нужно, — я коснулась плеча Рэна.

Илна, победно улыгнувшись, гордо прошествовала к кровати Рэна и по-хозяйски устроилась на ней, скинув тапки и забравшись с ногами.

— Увидимся... Решечка, — поддела я Рэна, с едва сдерживаемой улыбкой наблюдая, как он заливается краской смущения, густо краснея.

А у комнаты меня уже ждал Вир, словно почувствовавший, где и с кем я сейчас была.

— Ну как, поманила мальчика, он и растаял? Снова доверчиво заглядывает в глаза и обещает, что все будет хорошо? — язвительно усмехнулся Видар, подпирая дверь в мою комнату.

— Изыди... Я не в настроении слушать твои гадости.

Вир просочился в комнату, стоило мне только открыть дверь.

— А с чего ты взяла, что мне интересно твое настроение? — Он скептически осмотрел скудную обстановку и развалился на кровати, сложив ноги в массивных ботинках на стоящий рядом стул.

— Какой же ты стал... другой, — устало вздохнула я, присаживаясь на краешек стола. — Зачем пришел?

— А благодаря кому? — усмехнулся он, проигнорировав мой вопрос. — Впрочем, мне нравится. Прежний Вир был тряпкой, как твой Рыжий, и обязательно бы растаял и все простил...

— Да-да, боюсь-боюсь, и по-прежнему верю, что ты меня обязательно убьешь, — съерничала я, состроив гримасу. — Хватит уже стращать. Что с меткой делать будем? Тебе ведь не хуже меня известно, что снять ее, не прогневав богов и не умерев самому — невозможно.

— Я не собираюсь ее снимать. Хотя Рыжего немного жаль, да. Неплохим другом когда-то был...

— Тогда зачем ты пришел? Убить меня раньше срока все равно не можешь, тебе нужны обе луны, и Сол и Муна, чтобы получить благословение Аманды... Что тебе от меня сейчас надо? А вот, кстати, что ты будешь делать, если вдруг я неожиданно умру сама, без ритуала?

— Я все-таки некромант. Думаю, что найду способ вернуть и убить снова. Не могу же я лишиться себя такой маленькой радости, как собственноручно вогнать кинжал в твое гнилое сердце.

— Ой как страшно. То есть, если я сейчас шагну с окна вниз, или вскрыю себе вены — ты побежишь меня спасать?

— Вскрывай! Аманда очень любит самоубийц. Ты будешь лакомым подарком для нее — первая жрица-самоубийца, — расплылся в улыбке Видар, еще и кинжал свой мне кинул. — Можешь вскрыться и с окна для надежности шагнуть.

— Ну, тогда, пожалуй, прогуляюсь в выходные по кварталам третьего круга, вблизи гильдии убийц.

— Исса, ты на самом деле такая дура, или пытаешься из меня дурака сделать? — Вир развалился на кровати, закинув руки за голову и уставился в потолок. — Мы ведь оба знаем, как умирают жрицы.

— Вир, в последний раз спрашиваю: зачем ты пришел?

— Да так, убедиться кое в чем...

— Убедился? Теперь проваливай! — разозлилась я, спрыгнув со стола и направляясь к двери.

Вир ловко поймал меня за руку и резко дернул на себя. Не удержавшись, я рухнула на кровать. Он ловко перевернулся, подминая меня под себя и фиксируя мои руки в захвате.

— Пусти! — разозлившись, я попыталась сбросить Вира с себя, прожигая его гневным взглядом.

— Прав ааш-ту, горячая ты штучка, жрица, — осклабился Видар, склоняясь ко мне.

Он коснулся губами шеи, оставляя на коже горящий огнем след, куснул за мочку уха, а

затем, победно улыбнувшись, поцеловал в губы, слегка прикусив пирсинг и оттянув его. Я пыталась сопротивляться, но таяла под натиском его грубых ласк и таких родных поцелуев, целуя в ответ.

— Кого же ты выберешь, маленькая двуличная шлюха? — жарко шептал он, неожиданно оборвав ласку. — А выбирать тебе придется. Ты же понимаешь, что спасти сможешь только одного. Так кому подарить свое продажное сердце? Мне или ему?

— Мне кажется, ответ очевиден, — зашипела я сквозь зубы, снова пытаюсь вырваться.

— Неужели сможешь убить меня? — Он целовал, перемежая поцелуи с вопросами, не давая мне сосредоточиться. — Ведь спасти Рыжего можно только так... А как же клятвы и признания в любви, Исса? Все было пустое, любимая?

Последнее слово он выплюнул так, словно оно было грязным ругательством.

— Неужели после этого сможешь спокойно жить, плодить маленьких лисят? Неужели даже вспоминать обо мне не будешь, родная?

Вир снова поцеловал меня и целовал до тех пор, пока я не сдалась и не ответила.

Ненавидя и проклиная себя за малодушие, я отвечала на поцелуи, млея от его близости, прикосновений, неожиданной ласки и редких нежных слов.

— Хватит Вир, остановись, — нашла я в себе силы оборвать сладкую пытку, пока все не зашло слишком далеко. — Пожалуйста.

Как ни странно, но это подействовало. Видар легко поднялся с кровати, выпуская меня из плена и делая вид, что ничего не произошло.

— Уходи... пожалуйста, — с тоской в голосе попросила я, одергивая и поправляя платье.

— Глупая жрица, что же ты натворила, что сделала с нами, — прошептал он, с неожиданной нежностью поцеловав меня напоследок и погладив по щеке. — Выбирать тебе, Исса...

Глухо хлопнула дверь, оставляя меня в одиночестве.

И теперь уже я бегала от них, пропадая с Кирианом в библиотеках. Я все же рассказала Киру и Тее о предстоящем выборе в следующее двойное полнолуние, до которого оставалось совсем немного времени и теперь мы вместе искали выход. Гретхен мне, кстати, вернули, спустя месяц, как и Виру его кинжал.

Близился день X, а мы так ничего и не нашли, поэтому я, скрепя сердце, пошла на исповедь к Таресу, надеясь получить взамен помощь. Помощь мы получили, как и доступ к закрытому сектору библиотеки и непосредственное участие самого магистра, но чего мне это стоило...

За три дня до полнолуния пропал Вир.

И если он не найдется, то это будет означать, что он сделал выбор за нас, предпочтя умереть.

Я носилась по городу, в поисках дурного темного, не собираясь отпускать его так просто, за мной хвостом ходил Рыжий, делая вид, что он всего лишь сопровождающий нерадивой студентки.

Первое время Рэн еще пытался меня образумить, убедить, говоря, что это выбор Вира, и он дает нам шанс жить дальше. Но странное чувство тревоги не давало мне остановиться. Насколько я успела изучить Вирнана, так просто он бы не сдался.

А потом, вместе с проявившейся печатью, появилась боль. Тупая, ноющая,

выматывающая, лишаящая сил... Рыжему приходилось несладко. Он оттягивал большую часть ощущений на себя, но все равно продолжал таскаться за мной.

В последний день Тарес запретил мне покидать территорию Академии, сообщив о небывалом оживлении и большом потоке стекающихся в город адептов Аманды. Но я, естественно, не послушалась, за час до заката вдруг очень остро почувствовав все эмоции Виры, которые оборвались так же внезапно, как и появились, оставив после себя щемящее чувство пустоты и предрешенности. Выскользнув через лазейку, показанную Кирианом, я, доверившись интуиции, отправилась на поиски.

Обострившиеся чувства вели меня за пределы города, в сторону линии гор, к границе леса.

Их было около полусотни — адептов-некромантов, облаченных в ритуальные балахоны, с кинжалами, легко испарывающими звериные жертвы. На расчищенной поляне, вблизи небольшой пещеры расположился плоский камень, сейчас играющий роль алтаря, и статуя Аманды в человеческий рост — как они всё сюда только дотащили? А в центре у алтаря стоял Вир, затянутый как всегда в черное, с абсолютно равнодушным лицом он чертил центральные символы, готовясь к ритуалу.

Я дернулась подойти поближе, но кто-то ловко сбил меня с ног, прижав к земле.

— Куда, дурная, собралась? Совсем рассудка лишилась? — гневно зашипел Рэн, сползая с меня. — Ты видела сколько их там? Даже ойкнуть не успеешь, как они тебя на этом алтаре и вознесут во славу их чокнутой покровительнице.

— Рэн, только, пожалуйста, не лезь ни во что. Я справлюсь, — поймала я парня за руку, заглядывая ему в глаза и запоздало жалея, что не сумела запереть его в стенах академии. Надо было попросить Тареса его закрыть. Хотя... Кто может остановить огненного демона в двойное полнолуние — в пик наивысшей силы?

Но ответить Рэн не успел: нас обоих скрутило невыносимой болью, вынуждая упасть на землю, царапать скрюченными руками холодную землю, силясь сделать вдох.

— А вот и наша гостья пожаловала. Я уже заждался. Думал не услышишь зов, бросишь бедненького Виру подышать в одиночестве, — услышала я знакомый голос, и на поляну вышел Видар в сопровождении нескольких некромантов. — О, да еще и не одна. Душка Ами сегодня будет счастлива. Не часто к ней на алтарь попадают жрицы, а уж ицури так и вовсе впервые, наверное.

Я смотрела в эти пустые, ничего не выражающие глаза, абсолютно холодные, как в нашу первую встречу, и ничего не понимала.

— Вейсо, сопроводите наших гостей к алтарю, думаю, там им будет интереснее.

— Как же так, Вир? Ты ведь сказал, что выбирать буду я... — растерянно пробормотала я, заглядывая в равнодушные, покрытые тьмой глаза бывшего друга.

— Ты озвучила свой выбор, маленькая жрица, я с ним не согласился. Мы оба хотим жить. Но... Две жертвы лучше, чем одна. В этот раз выбор не в твою пользу.

Я попыталась сопротивляться, успев вырубить двоих и не даваясь в руки некромантам, но на помощь Виру подоспели еще адепты, и в этот раз численный перевес оказался на их стороне, к тому же, Вир приставил нож к горлу не ожидавшего такой подлости Рэна, и мне пришлось сдаться.

Меня разложили на алтаре, предварительно отобрав кинжал, и зафиксировали руки. Рэна связали и усадили рядом.

— Вир, что происходит? Зачем все это? Что ты собираешься сделать? — пыталась я

достучаться до Вирнана, с ужасом разглядывая разворачивающееся вокруг меня действие. — Метку снимают не так, для этого не нужны пентаграмма, алтарь и такое количество народа.

— А разве ты еще не поняла? — ухмыльнулся он. — Это была не простая метка. И принеся вас в жертву я смогу возродить Аманду, получив у нее взамен прощение. Магии твоего огненного демона хватит еще и не на такое. А ты послужишь катализатором.

— Ты чертов сукин сын, — прошипела я, сложив наконец-то кусочки картины. — Когда? Когда ты продал меня ей?

Вир поставил мне вовсе не метку смертника. Это печать самой Аманды. Она выбрала меня в жертвы, а Вир стал исполнителем. Все было иллюзией. От меня никогда ничего не зависело, и мы с Рэном в любом случае должны умереть.

— Когда подкинул тебе идею о ритуале и подсунил в библиотеку книгу, — не стал скрывать Вир. Я рад, что получилось так быстро, думал, намекать и подталкивать придется дольше...

— Ты... там... ты все это специально, да? И в комнате, и храме? — мой хрупкий, словно карточный домик, мир в очередной раз рассыпался на куски.

— Мне просто повезло, что ты сохранила эмоции, и удалось надавить на жалость. Здорово ведь, правда, — ослабился он, блеснув клыками. — Сегодня я стану равным Аманде, а та, кто однажды спасла меня, подарив возможность жить дальше и не чувствовать — наконец-то обретет свободу.

— Она ведь не первая, да Вир, — глухо проговорил Рэн, уткнувшись в колени. И я не первый. Та девочка-жрица, что училась в нашей Академии, внезапно пропавшая после твоего возвращения...

— И она, и те две из Хийтолы, и три послушницы из храма... и даже молоденький парнишка-страж, совсем юный и глупый... и даже моя мать... Но, увы, мертвые куклы, мертвы на алтаре, их не так просто заставить идти на жертвы, а без эмоций жрицы бесполезны. Их ничего не держит, они умирают сгорая... — охотно поделился Вир. — Но сегодня все обязательно получится.

— Вир, ты чудовище...

— Не чудовищней тебя, родная. Твои ручки ведь тоже не совсем чисты. Скольких ты убила, пока обуздала свою суть?

— Я сожалею, что когда-то назвал тебя другом и спас тебе жизнь, — снова влез в разговор Рэн.

— Ничего, мы в расчете. Я вернул должок с лихвой, — отмахнулся от Рэна Видар и посмотрел на небо, где медленно выползала Сол. Еще немного и ее догонит сестра — Муна, закроет собой на тот короткий миг, что выжидает Вир.

— Это не он, ты разве не чувствуешь? — зашептала Рэн, стоило людям в балахонах отойти подальше. — Его накачали чем-то. Вир пахнет по-другому.

Я отвлеклась от попытки высвободиться и пригляделась к Видару: рваные, дерганые движения, резкая походка, так не вязавшаяся с его плавной, кошачьей поступью, пустой, ничего не выражающий взгляд, смотрящий куда-то сквозь меня. Этот парень не был Видаром, которого я знала.

— И что ты предлагаешь? — так же тихо зашептала в ответ, не в силах даже голову повернуть.

— Уже, видимо, ничего. Ты видела сколько их? А я даже обернуться не могу, — Рэн грустно потряс опутывающими его веревками. — Эти заразы все предусмотрели, веревки

пропитали.

Мы ненадолго замолчали, обдумывая каждый свое.

— Знаешь, я ни о чем не жалею. Если бы знал, что так будет — все равно бы подошел к тебе в тот вечер... Я люблю тебя, Снежинка. С первой минуты, как увидел... — тихо зашептал Ренар, неотрывно наблюдая за приближающимся к нам Видаром.

— Я... я... — горло схватило спазмом. Я так и не смогла произнести тех нужных ему слов.

— Я сейчас расплачусь от умиления. Огненный влюбленный ищущий, последний из оборотных, сейчас сложит голову, отдав жизнь за бесчувственную жрицу.

Вир ловко вспорол рукава моей блузки, делая нужные ему надрезы на коже, выпуская кровь, скатывающуюся по специальному желобку в подставленную чашу, ту самую, из которой все еще торчал вогнанный моей рукой кинжал.

Закончив вырезать на мне необходимые символы, он закатал рукава и сделал надрез на ладони, выпуская в чашу и свою кровь.

На небе зажглась оранжевая Муна, медленно подбираясь к Сол, и практически сразу же некроманты, вставшие по краю кровавой пентаграммы, центром которой был алтарь со статуей, затянули унылый речитатив, сливая энергию в начерченные на земле символы.

Взметнулся огненный круг, отделяя нас стеной от окружающего мира, завывли сильнее некроманты, едва Сол и Муна соприкоснулись на небосклоне.

Вир, занятый вырезанием рун на моих ладонях, неожиданно отлетел в сторону к границе круга. Рэн, тяжело поднимаясь на ноги, тут же завалился на меня, но быстро выпрямился и двинулся на обидчика.

— Рыжий, ты серьезно? — расхохотался Вир, снова подходя к алтарю, насмешливо покачивая сорванным с Рэна родовым амулетом, под завязку наполненным магией. — Ты сейчас слаб как новорожденный щенок.

— Я все равно попытаюсь, — выдавил сквозь сжатые зубы Рэн и снова бросился на темного, ловко боднув Виру в живот. Но был снова отброшен легким движением руки. В этот раз Рэн приземлился больно ударившись об угол камня. Из рассечённой брови по лицу заструилась кровь. Утеревшись связанными запястьями, Рэн снова ринулся в бой, в очередной раз метя Виру в живот. Мне же оставалось только обессиленно наблюдать за избиванием Рыжика. А Видар именно избивал, раз за разом отбрасывая Рэна на камень чтобы я смогла насладиться видом израненного друга. Но стоило диску одной луны почти закрыть собой другую, как Вир тут же прекратил свою забаву, вырубив одним ударом Рэна и оставив его валяться неподвижным кулем.

— Рэн! Нет! — затрепыхалась я, силясь вырваться. Одна из веревок почти поддалась, а в бок неожиданно ткнулось что-то острое и холодное.

— Пора, милая. Передавай привет моей матери, — Видар замахнулся кинжалом, намереваясь вогнать его мне в сердце.

Лезвие лишь слегка царапнуло кожу, не причиняя вреда. Я наконец вырвала одну руку, с удивлением обнаружив под собой Гретхен, теплой кошкой ткнувшейся в ладонь.

И еще успела заметить, как медленно оседает на землю Ренар зажимая окровавленную шею.

— Рэн!!! Нет!!! — истошно завопила я, чувствуя, как вены опалает боль потери, смешанная с ненавистью, а следом за ними струится такой привычный холод дара. Почему, ну почему я не могу им управлять просто так, тогда бы Рэна еще можно было спасти...

Легким движением острого кинжала я перерезала связывающие меня пути, спрыгнув на землю и заняв оборонительную позицию.

Вир не спешил нападать. Он тоже замер, выжидая. Время, когда Сол и Муна перекрывают друг друга непродолжительно, а ему нужно успеть именно в этот момент, или потом метка связывающая нас заберет его, лишит дарованной силы.

Ненависть внутри меня бушевала, набирая силу, выжигая с таким трудом разбуженные эмоции, превращая меня снова в застывшую куклу.

— Ненавижу тебя, Вирнан, — прошипела я, прежде чем кинуться на темного.

Вир отступал трижды, давая задеть себя, уворачиваясь в последний момент. И когда Сол уже готова была расстаться с Муной до следующего полнолуния, Вир вдруг сделал ложный атакующий выпад, на который я купилась. Стянув всю бурлившую во мне магию к кончикам пальцев, вложив ее в лезвие Гретхен, уже познавшей вкус крови Вирнана, я ударила в ответ... чтобы тут же отпрянуть назад, с ужасом наблюдая, как оседает к моим ногам тело Вира, с торчащей из груди рукоятью Гретхен, с легкостью вошедшей и пронзившей самое сердце.

Ушла из глаз тьма, замерцала родная, любимая зелень, смягчились черты лица, заиграла на губах робкая улыбка.

— Нет, Вир! Нет! — упала я перед ним на колени, подхватывая обмякшее тело. — Не оставляй меня, пожалуйста.

— Прости за Рэна, я не хотел... — едва слышно прошептал он непослушными губами.

Вокруг бесновались некроманты, занятые удержанием круга, не в силах разорвать цепочку и отомстить ненавистной жрице.

— Поцелуй меня, Исса... — прохрипел Вир. — И прости, если сможешь...

Глянув искоса на некромантов, завершающих свое песнопение, я склонилась к Виру и прижалась к его губам в последнем поцелуе, почувствовав, как проваливаюсь...

Глава 12

... -Мама? — по-детски нескладный подросток с удивлением разглядывал хрупкую беловолосую женщину с глазами, холодными как лед, сейчас равнодушно сжимающую кинжал, упирающийся в горло его отца. — Это ты? Что происходит?

— Здравствуй, Вирнан, — холодно поздоровалась женщина, не отвлекаясь от мужчины, который закрывал собой молоденькую женщину и маленького ребенка.

— Ирне, убери нож, я все объясню, — попытался отвести кинжал от своего лица крупный мужчина. — Не трогай ее, я один виноват.

— Поздно, милый, мне уже неинтересно. Объяснять надо было раньше, когда я еще жила.

Легким движением, ни на секунду не разрывая зрительный контакт с женщиной, она метнула кинжал, вонзившийся в горло темноволосой женщины. Та захрипела и обмякла, закатив глаза. Маленький мальчишка, сжимающий худенькой ручонкой ладонь матери, испуганно заорал.

Вирнан, выпавший из поле зрения матери, потихоньку подкрадывался к ней со спины, намереваясь помешать.

— Я все вижу, Вир. Стой, где стоишь, — резко, не оборачиваясь бросила мать, метнув в сына обездвиживающее заклинание.

Вир замер, не в силах пошевелиться, испуганно хлопая глазами и с ужасом наблюдая за

разворачивающимся действием.

Вот Ирве, некогда первая красавица, любимая жена и мать, с долей брезгливости выдернула из мертвой женщины кинжал и замахнулась на беззвучно рыдающего ребенка, закрывшего от страха глаза ладошками.

Вот Варриан, еще вчера любимый и любящий муж, заботливый отец, заслонил малыша, принимая удар на себя, падая к ногам бывшей жены.

Вот Ирве склоняется к мальчишке, вынуждая убрать руки и посмотреть на нее...

Боль, страх, отчаяние... И первое превращение, слишком раннее для подростка.

— Оставь его, мама! Что они тебе сделали? — маленький, нескладный кьерр, покрытый еще совсем прозрачными чешуйками, храбро встал перед матерью, гневно сжимая кулаки.

— Они посмели меня убить... Твой отец и эта его... Меня и мою дочь... Убили своим предательством. А я убью их... Отойди, Вир.

— Мама... Нет. Мальчик ни в чем не виноват. Пощади, он ведь совсем кроха.

— Возможно ты и прав. Дети Ульны умеют ждать. У нас впереди вечность. Я дам ему время. До совершеннолетия. А потом я приду и за ним. Его род не должен существовать. Ты — единственный потомок своего отца, запомни это.

Тряхнув белоснежными волосами, Ирве скрылась в вечерних сумерках.

— Отец! — Вир с громким всхлипом подскочил к еще живому мужчине.

— Надо же... ты все-таки смог обернуться... А я вот не смог, не защитил... — с тихой грустью произнес отец, пытаясь коснуться лица сына.

Вир, рыдая, прижался щекой к крупной ладони мужчины.

— Прости, сын, я виноват... Арвиан — это условие Совета старейшин, откуп за возможность жить с тобой и твоей матерью... Прошу, позаботься о нем. Он твой брат, — мужчина хрипел и цеплялся за сына, с надеждой заглядывая в глаза. — Пообещай, что позаботишься... Пообещай...

— Я... я обещаю, — размазывая по лицу слезы, сдавленно пообещал Вирнан.

— Спасибо, — с облегчением выдохнул Варриан, обмякая. — И помни, я всегда любил твою мать... всегда... даже сейчас...

Еще раз вздохнув, мужчина затих уже навсегда.

— Мама! Папа! — маленький черноволосый мальчуган кидался то к одному, то к другому, пытаясь растормошить и совершенно не понимая, что происходит. — Проснись, мама.

— Пойдем, мелкий. Они уже не проснутся. А нам надо уходить...

... — Посторонись, сын человеческой шлюхи, ты недостойн жить в нашей деревне. Скажи спасибо своему мелкому братцу, только благодаря ему ты здесь находишься!

— Эй, полукровка! Как тебе живется, зная, что твоя чокнутая мамаша перерезала всю вашу семейку?

— Полукровка! Сын чокнутой человеческой шлюхи! Так твоему отцу и надо! Болезненный тычок и черноволосый подросток летит в лужу.

Легко вспыхивая, обрастая чешуйками брони, он кидается в гущу обидчиков.

— Не трогайте его! — мальчишка лет десяти с ненавистью врывается в толпу забивающую подростка. Растолкав всех, он накрывает брата собой, защищая от ударов.

Вошедшие в раж подростки, остервенело бьют обоих...

— Когда-нибудь я найду Ирве и отомщу за каждый наш день унижения, брат. —

сплевывая кровь из разбитых губ, обещает мальчишка, когда толпа, насытившись и устав, расходится.

— Когда-нибудь, совсем скоро, Арви, я сделаю это сам...

— Пообещай. Пообещай, Вир, что отомстишь за нас, за отца, за мою маму...

— Обещаю, Арви...

... — Арви! Арви! Совет признал меня равным! Я обошел всех по силе и получил от богов сразу двух хранителей! Представляешь? Даже у Вождя нет сразу двух, а ведь он самый сильный! — радостный Вирнан ворвался в маленький домик, где жил с братом вдвоем. — Теперь я смогу жениться на любой девушке из деревни, никто не посмеет мне отказать... И я выберу самую красивую!... Может даже Ясану, дочь вождя. И она не посмеет мне отказать. Я теперь равный! ...

... — Арвиан, брат, сегодня волны подарили мне незнакомку... Кажется, я выбрал самую красивую. Но, она человек...

— Вирнан, ты с ума сошел? Совет не позволит тебе, вспомни, кем была твоя мать и чем все закончилось! А как же дочь Китара, ты же обещал ей семью? И совет не разрешит занять тебе одно из кресел, если ты выберешь человечку. Вспомни, Вир, как долго мы доказывали, что достойны быть равными.

— Поздно. Я уже выбрал, Арви... Она... Ты поймешь, когда увидишь. Ее зовут Инга...

...

— Доброе утро, Вирнан, сын Варриана. Ты стал завидным парнем, достойным любой кьерры. Каждая будет счастлива обрести такого мужа.

— Здравствуй Стейра. Благодарю, я уже выбрал, — Вирнан в приподнятом настроении торопился на площадь. Сегодня он при совете официально сделает Инге предложение и назовет своей невестой. Она не откажет ему. Он видел, он чувствовал, он знал.

— Ей предназначен тот, в чьих венах бушует темное пламя, лишь оно способно удержать ее холодную душу. В тебе же — лишь отголоски тьмы. Не удержишь. Сломаешь. Отпусти.

— Спасибо, Стейра, за рекомендацию, но я уже решил. Позволь хотя бы попробовать.

— Попробуй. Иная ушла поутру на скалу Откровений. Поторопись, еще можешь успеть...

Он развернулся и побежал к выходу, но у самых ворот столкнулся с Китаром, одним из патрульных.

— Вирнан, стой. Я должен тебе кое-что сказать. Инга только что сбежала с острова на грифоне. Она может рассказать о нас на материке, нужно срочно ее остановить.

— Ты лжешь, Кит. Инга не могла улететь, — отмахнулся от кьерра Вирнан. — Грифоны не подпускают к себе никого, кроме ааш-ту, и сами выбирают наездников. Как могла человеческая девчонка вот так запросто улететь на грифоне, если даже нам приходится каждый год договариваться о перевозке с этими строптивыми птичками?

— Кьерры не лгут! Вот, она отдала мне это сама, — разозленный Китар сунул под нос парню ладонь с лежащей на ней Радужной Слезой — жемчужиной, что Вирнан подарил Инге. — Сказала, что она человек и не готова связать себя узами с кьеррами, что хочет свободы.

Зажав в руке медальон, он несясь через всю деревню к домику Тайры, надеясь, что все

это окажется шуткой.

— Тайра, где Инга? — запыхавшийся вломился он в дом кьерры, заглядывая по очереди во все комнаты.

— Она ушла, Вир. Еще на рассвете. Мы... Мы вчера поговорили с ней, а утром она ушла...

— Что, что ты ей сказала, глупая старуха? — затряс он в бессильной злости женщину.

— Руки убери, щенок, — оскалилась Тайра в ответ. — Ничего я ей не говорила. Только правду, о твоём предложении сегодня на совете. А она вдруг начала выпытывать у меня: можно ли не выходить замуж, говорить что-то о свободе...

Ушла... маленький полевой букет так и остался лежать на пороге, растоптанный мужским ботинком. Глухая обида kloкотала в груди...

... “Вир, где ты, мне так плохо... Помоги!” — он ловит отголосок почти позабытых эмоций. Так долго пытался почувствовать, найти, узнать, бился сквозь возведенную стену, слушая лишь тишину. Почти отчаялся и вот...

Смена ипостаси происходит сама собой, но он почти не замечает направленных на него взглядов. Кто-то хватается за шкурку и тянет в темный угол, подальше от любопытных. Ренар. Мальчишка-однорупник. Уже не знакомый, но еще не друг.

— Вирнан, я не знаю, что у тебя случилось, но держи себя в руках. Целее будешь.

— Ты знаешь кто я... — не спрашивает, констатирует Вир, усилием воли возвращая привычный облик. Такое с ним впервые. Кьерры умеют хранить свои тайны.

— Народ ицури еще помнит четвертую расу, исчезнувшую бесследно в смутные дни. Мы надежно храним секреты ушедших братьев.

— Меньше пафоса. Достаточно просто кивнуть, — сбрасывает он руку с плеча. — Продолжай хранить дальше, или на одного любопытного ицури станет меньше.

Он шел, искал, ведомый тоненькой, едва ощутимой ниточкой ее эмоций. Ошибался, сбивался и снова искал, прибываясь к караванам, наемникам, идя с попугачиком или бредя один... И наконец нашел. Почувствовал, но подойти ближе не рискнул — слишком много свидетелей, слишком неравные силы.

Он почувствовал ее приближение. Ну же. Еще шаг, еще чуть-чуть, и он сможет похитить ее, забрать, увести в безопасное место, спрятать от целого мира

— Замерзнешь, маленькая вейта, — хриплый мужской голос. Теплая куртка с чужого плеча ложится на маленькие хрупкие плечи, чужие руки натягивают капюшон на шелк светлых волос. И чужое лицо склоняется так низко-низко, что ошибиться в намерении невозможно. Она молчит. Не сопротивляется, значит знает, не против. Чужие губы сейчас ласкают его девочку, чужие руки обнимают ее нежное тело, касаются гладкой кожи...

Злость, брезгливость, ярость, ненависть, горечь, тоска, боль, отвращение... Эмоции накатывали как волны в бушующем океане, усиливаясь, нарастая, грозя раздавить.

Тайра была права. И Стейра. И даже Кит. Ей не нужен кьерр. Она счастлива со своим человеком.

Бежать. Бежать как можно дальше. Закрыться, оборвать все связи, не чувствовать, забыть, вырвать с корнем из сердца...

Люди такие одинаковые.

Бежать. Бежать пока хватает сил. Бежать, пока не остановится ненужное больше сердце. Бежать, чтобы забыть, чтобы не чувствовать.

И вдруг боль. Яростная, беспощадная, выворачивающая душу, выжигающая сердце. Боль и тишина. Его девочки больше нет...

Найти. Найти и убедиться. Вернуться к поляне, почувствовать отголоски ее души. И умереть самому. Застыть навечно тьмой. Смысла больше нет... Любимые покинули навсегда.

... — Ты слишком рано перешел Грань, и напрасно штурмуешь мои чертоги. Я верну тебе возможность жить и не чувствовать, наделю силой...

— Мне не нужна жизнь. В ней нет смысла. Я хочу покой.

— Ты сможешь отомстить.

— Я не хочу. Зачем?

— У тебя есть брат. Когда-нибудь за ним придут, отнимут последнее... А ведь ты можешь его спасти... Сможешь наказать Её обидчиков.

— Я согласен. Можешь забрать мою душу.

— Зачем мне мертвая душа? Я попрошу другое... Готов ли ты отказаться от прошлой жизни, и всего, что в ней было, проснуться обновленным?

— Готов.

— Меня зовут Аманда... Отныне я твоя покровительница...

... Четвертая жрица окропила алтарь своей кровью во славу Аманды. Больше дочерей в Нёттере не осталось. Следует посетить Хийтолу, там скоро выпуск новых жриц, но вредный и подозрительный ректор наложил запрет на выезд из города. Надо разобраться с причиной запрета.

— Вирнан, это же я... Инга...

Мертвое сердце робко толкнулось о ребра, огненным фениксом возродилась надежда. Она! Живая!

Нет. Не она. Всего лишь одна из ненавистных жриц, решившая с ним поиграть. Но ее слова, они ранят хуже самых острых лезвий. И эти глаза. Эти губы. Нет. Нет. Не может быть. Будь ты проклята Ульна! Как ты посмела ее отобрать у меня?

Уйти. Уйти и не слышать, сохранить девчонке жизнь, вопреки требованиям Аманды. Но ведь она предала. Убить. Убить, без сомнения и сожаления, как ту жрицу, что когда-то была его матерью.

— Ты опоздала с разговором на целый год. Мне все равно, кто такая Инга, и что с ней стало. Прощай, маленькая жрица, и постарайся больше не попадаться мне на глаза. В следующий раз я не буду таким добрым.

Уйти, уйти, чтоб не видеть этих глаз.

Мимо проносится Рыжий. И чувствуются отголоски запретной магии, сладкой патокой растекаясь по языку.

Все-таки не она. Очередная безумная кукла, слетевшая с катушек, а значит можно убить...

Сильная. Отчаянная. Другая. И все-таки не она. Убить. Стереть из памяти. Отомстить за боль и предательство...

— Что же с тобой стало, Вирнан? Где тот мальчишка, что целовал меня у дома Тайры? Где тот, кому я собиралась ответить «да»?

Нет. Нет. Она не может быть ею. Нет. Только не она!

— Замолчи! Ты — не она, не можешь быть ею. Ты просто украли ее воспоминания.

— Почему ты мне не веришь?

Она предала, бросила, ушла. Она такая же как мать, холодная мертвая и бездушная. Не смотри. Не слушай. Убей! Убей ее. Ты должен.

— Если это действительно ты — лучшего наказания для тебя не придумать. Ты бросила меня, сбежав с острова. Настолько противен тебе был союз... В любом случае, уже слишком поздно...

Убить. Убить. Не чувствовать. Это она виновата в том, что он стал таким. Она предала.

Лезвие кинжала вонзается раз за разом в податливую плоть. Уходит свет из серых глаз.

А в груди снова просыпается старуха-тоска.

Нет. Нет. Только не она. Неужели все так, как она говорила? Что же мы наделали...

Боги, помогите сделать правильный выбор, защитить девчонку от всех.

Но ведь должен убить. Такова плата за дар.

“Живая. Мертвая, но живая. Горячая, дурная, сладкая. Моя. Но что, если просто игра? Способ отомстить?”

Ворочается в груди обугленное сердце, тлеют угли прежних чувств, крепнет вновь возродившаяся связь.

Как? Как спасти дурную и не вызвать подозрений? Как защитить от Аманды и от Ульны, что не задумываясь бросят ее на жернова взаимной ненависти? Умершую однажды девчонку со все еще живым сердцем. Девчонку, что однажды подарила надежду и желание жить.

... Как пройти мимо и не коснуться, удержать сжигающую, разъедающую нутро кислотой ревность, когда она улыбается своему ааш-ту, когда обнимается с рыжим? Как не подать вида, не навлечь гнев богинь?

Не выдерживая, срывать, мешая ласку с болью, пытаюсь доказать себе, что все еще ненавидит, обещать себе, что это прикосновение в последний раз, убеждать, что это уже не она, вспоминать бездушную марионетку, в которую превратилась его мать, хладнокровно зарезавшая собственного мужа в диком желании отомстить. И все безуспешно... Она не такая. Но чертов Рыжий ей станет лучшей парой. В нем бушует такое нужное ей пламя, способное растопить замерзшее сердце, вернуть прежнюю. Зачем ей пустой некромант с тьмой вместо сердца?

Надо только придумать способ ее спасти...

— Глупая жрица, что же ты натворила, что сделала с нами...

С огромным трудом я вынырнула из воспоминаний Вира, теперь зная, что он задумал и злясь, за то, что решил все за меня.

— Давай, Исса. Ты сможешь... Только ты, родная... — тихо прошипел Вир, прикрывая глаза.

— Пообещай, что однажды вернешься, — нависла я над ним, не обращая внимание на оживающих некромантов, медленно выходящих из плена ритуала. — Пообещай, или я лягу и умру здесь, рядом с тобой и Рэном, и все будет напрасно! Ну! Обещай, что не оставишь меня!

— Обещаю, — на грани слышимости выдавил он устало. — А теперь — давай!

Он так резко это сказал, что я невольно вздрогнула.

— До встречи, — помедлив еще секунду, я, произнеся финальную фразу-связку, что подсказал мне Вир, и закусив до крови губу, чтобы не закричать, с силой вогнала кинжал в грудь кьерра, завершая ритуал. А затем, вытянув энергию уходящей души, как учила Ульна, загнала Гретхен и стилет Вира в чашу, запирая Аманду силой добровольной смерти. С тихим всплеском утонул в чаше с кровью расколотый напополам амулет Рэна, выпуская его магию, усиливая чары...

Закрыло небо черным куполом, хлынул темный, как ночь дождь, раскололся надвое ритуальный сосуд, смачивая ноги статуи богини, замерли потрясенные некроманты, не ожидавшие подобного.

С трудом вытащив свою Гретхен, я кинулась к Рэну, лежавшему в шаге от теперь уже мертвого Вирнана.

— Рэн, милый, пожалуйста... — упала я перед Рыжиком. — Пожалуйста...

Он лежал в луже собственной крови, с трудом дыша, зажимая горло, бледный, но еще живой.

— Рэн, все будет хорошо, вот увидишь. Вир нас спас. Он все это специально устроил: и метку, и ритуал... Он специально пожертвовал собой... Рэн...

Глаза горели огнем, словно в них сыпанули стекла и натянули сверху мутную пленку, мешая разглядеть окружающее.

Неожиданно он дернул меня свободной рукой, привлекая внимание и махнул куда-то мне за спину. Я стремительно обернулась. У рассыпавшейся осколками статуи стояла Аманда собственной персоной, пытаясь преодолеть границы барьера, очерченного кровью из расколотой чаши.

Еще раз дернув меня, он показал на свое сердце и кивнул, видя, что я поняла его правильно.

— Нет, Рэн. Нет! Только не ты. Мне хватило Вира. Если еще и ты уйдешь... Зачем тогда мне жить?

Я искоса наблюдала за засуетившимися некромантами, совершенно забывшими про меня и помогающими своей покровительнице преодолеть черту плена.

Он снова дернул меня за руку и сердито посмотрел.

— Я верну вас, даже если мне придется перешагнуть Грань и спуститься к берегам Ульны, — сквозь зубы выдавила я, понимая, что он прав и второй добровольной жертвы не избежать. Что-то Вир упустил.

Мимо уха просвистело первое заклинание. Вот и вспомнили про меня очухавшиеся адепты. Медлить больше нельзя, или жертва Вирнана будет напрасной...

На секунду прижавшись к его губам в прощальном поцелуе, попыталась высказать этим прикосновением все то, что так и не решилась произнести раньше. Резко, пока не передумала, полоснула кинжалом по ладони Рэна, и тут же коснулась своей, переплетая пальцы, смешивая кровь, зашептала снова заклинание, пробуждая дар.

Потянулась тонкой струйкой к Гретхен жертвенная сила, заструилась по телу магия огненного ищуря, снова выжигая меня до тла... Но боль от потери была сильнее.

Я опоздала всего на мгновение.

С трудом преодолев пробитый барьер, вытянув со своих адептов данную им силу, она устремилась ко мне, легко перешагивая через неподвижные тела в черных балахонах.

— Какую интересную игрушку создала Ула, — склонив голову набок и расплывшись в

безумной улыбке, разглядывала меня женщина. — Неужели равная?

На первый взгляд в ней не было ничего божественного. Совершенно обычный человек, лишь одаренный чуть больше, чем остальные.

— Ты забрала двух близких мне друзей... — боль лишила чувства самосохранения. Преклоняться и общаться согласно статусу совершенно не хотелось.

— Они могли бы выжить, отдай тебя добровольно. Но да, от Видара не ожидала. Он был сильным и перспективным, одним из сильнейших... а променял все ради девчонки и друга, предал собственную богиню, наглец... Но хитер, этого не отнимешь. Я до последнего не верила, что он это все специально. Впрочем, как видишь, все зря... Силы вы меня лишили, но с тобой я справлюсь и без этого, маленькая марионетка... Жрица с эмоциями. Ну надо же... Скажи, ты очень расстроишься, если я уничтожу все, что так дорого тебе: твоих друзей, знакомых, привычный тебе мирок?

— Вы... Что вам от меня надо? Зачем вот это все? — я махнула рукой, окидывая взмахом печальную картину, разбрызгивая капли крови.

— Мне нужна ты. С самого начала — только ты, девочка, сумевшая удержать силу и не потерять при этом себя. А твой Видар пронюхал, и попытался спасти.

— Я принадлежу Ульне, а жрицы не меняют покровителей.

— Нет, не принадлежишь. Ты просто так думаешь.

На секунду я растерялась от таких уверенных слов. Аманда, почувствовав мое сомнение, продолжила заманивать в свои сети красивыми обещающими речами.

— Твоя сила уникальна. Ты способна забрать магию любого, пропустить через себя, и обернуть против него самого, усилив в десятки раз. Но не Ула подарила тебе эту способность. Ты уже пришла с ней. Если пойдешь со мной — я смогу увеличить твою силу в десятки и сотни раз.

— А что взамен?

— Ты поможешь мне попасть в пантеон. Когда-то меня изгнали, пришло время поквитаться с обидчиками. Ты только представь — равной тебе никого не будет. Любой правитель будет с тобой считаться, склоняя почтительно голову, ища твоей благосклонности. Ты станешь моим гласом и волей, когда я взойду на вершину. Весь мир будет у твоих ног.

— Верни мне прежнего Вирнана и Рэна, и я подумаю, а свои королевства можешь оставить себе.

— Увы, твой мальчишка обхитрил меня даже здесь. Он сейчас на пути к другим берегам. Его уже не достать. Да и ищуре уходят к своим богам, я не властна над его жизнью.

— Тогда мой ответ — нет!

— Подумай хорошенько, — вдруг ощерилась Аманда. — я могу убеждать по-другому.

Она сделала быстрое, смазанное движение, в один миг оказавшись у Рэна и отшвырнув меня в сторону. Я лишь успела заметить, как она с силой вонзает пальцы с длинными ногтями в живот рыжему и рывком вытаскивает руку. Тот выгнулся и обмяк. Оборвалась нитка силы, что я потихоньку тащила с огненного, боясь переборщить.

— Кто следующий? Она? Как ее, Тея, да? Или прекрасный синеволосяй красавчик Кириан? — Аманда щелкнула пальцами, и в центре огненной пентаграммы неожиданно возникли два силуэта.

Еще одно смазанное движение, и Тея падает у моих ног, а Аманда сжимает в руках еще теплое сердце моей подруги, вырванное из груди.

— Нет! Тея...

— Думай жрица, думай, или твой красавчик станет следующим. Я уничтожу всех, кто тебе дорог, и буду уничтожать до тех пор, пока ты сама ко мне не приползешь, — Аманда сверкнула глазами, чиркнув длинным ногтем по щеке Кириана, оставляя на ней алый след, и медленно провела рукой вниз, от шеи к пупку, вспарывая, ногтями, словно остро заточенными лезвиями рубашку парня. — Ну же! Я жду твой ответ. Соглашайся, или его сердце станет следующим.

— Почему именно сейчас? Почему не раньше, когда я только покинула стены храма? Ведь тогда меня стоило только поманить, и я бы с радостью побежала, — я старалась тянуть время, лихорадочно соображая, что делать дальше. Сила Рэна, разгоралась во мне все сильнее, мешая сосредоточиться, грозя вот-вот вырваться из-под контроля.

— Потому что, до этого ты была бесполезной куклой, одной из многих. Разве ты не почувствовала себя сильнее, когда отведала крови кьерра и ицури? Не задумалась, почему так легко удалось прервать ритуал и перекрыть мне доступ? Вижу, что не задумывалась... Потому что в тебе проснулись чувства, они и сделали тебя сильнее...

— Боль — это тоже чувство, — я постаралась сделать голос максимально равнодушным, перехватив Гретхен в другую руку и делая глубокий надрез на второй ладони, вдоль линии жизни, за запястье, на треть предплечья. — Ты не подумала о том, что причиняя себе боль, я смогу стать сильнее?

— Не-е-ет, — звонко рассмеялась она, прочертив еще один алый след по груди обездвиженного Кириана. — Только стимуляция из вне. Никак иначе. Так что, прекрати себя увечить.

— Боль — это тоже чувство, — упрямо повторила я, опуская раненые ладони вдоль тела, позволяя крови спокойно стекать на землю, и сделала шаг к Аманде, подходя почти вплотную, глядя ей прямо в глаза. — А сейчас мне больно, как никогда...

У меня был лишь один шанс из миллиона. И я все-таки решилась.

Я резко подскочила к Аманде, схватив ее за запястья и оттолкнув бедром Кириана, повалившегося к нашим ногам бесформенным кулем. Богиня оказалась на удивление материальной. И сейчас мы с ней застыли в глупой позе: я не могла выпустить ее руки, чтобы ударить кинжалом, она же не могла в ответ поранить меня своими длинными когтями. И тогда я сделала то, что сама от себя не ожидала. Подавшись вперед я впиалась в ее шею зубами, словно самый настоящий вампир, параллельно, выпустив одну руку и чиркнув лезвием по бледной коже богини.

Солоноваты привкус чужой крови опалил горло, выбил дыхание, едва не лишив сознания. Этот дар мне был явно не по зубам, и справиться с ним и выжить я уже не смогу. Она сильнее ицури.

Плевать. Зато смерть друзей будет отомщена.

Аманда дернулась, откидывая меня. Вот только поздно, Гретхен и я вкусили крови.

Развернулись за спиной пламенные крылья, подернулось все вокруг тьмой. Заплескалась вокруг сила — чужая, смертельная, опасная...

На миг в глазах Аманды проскользнул страх, стряхнув маску показного сумасшествия, приоткрыв лицо обычной испуганной девчонки, столкнувшейся с чем-то неведомым, но почти тут же она снова стала собой — циничной бесстрашной богиней, покровительницей некромантов, перешедших под ее крыло.

— Забрать легко, а удержать трудно? — усмехнулась она, кивая на мои ладони.

Почти перестав что-либо еще чувствовать от нестерпимой боли, я с удивлением уставилась на свои руки, с которых обугленной плотью, вперемешку с кровью, стекала кожа, оставляя вместо пальцев обрубки чудом удерживающихся на месте костей.

Размахнулись, раскрываясь и увеличиваясь крылья, оттягивая тело назад, хриплый крик вырвался из горла, выжигая связки.

Медленно я двинулась к Аманде, роняя окровавленный пепел собственного тела, продолжая вытягивать с нее силу, умоляя себя потерпеть. Она слабела. Слабела с каждой каплей уходящей силы, стремительно старея, теряя былую красоту.

Шаг, еще шаг. Мы обе падаем на колени, замирая друг перед другом, не в силах пошевелиться.

— Зря я не убила твоего мальчишку сразу, — сипит Аманда, харкая кровью. — Но я еще отомщу. Ты не сможешь меня убить, только сгоришь сама.

Сейчас, еще чуть-чуть. Надо потерпеть совсем немного.

Мутными волнами на меня накатывает тьма. Еще мгновение и я совсем отключусь, а Сол все еще рядом с Муной, никак не расстанутся, дают возможность своей Темной дочери подольше побыть среди смертных.

Сейчас или никогда. Больше мне не выдержать.

Подавшись вперед, придавая непослушному телу ускорение, я упала на Аманду, подцепляя брошь с вырезанным символом, которую давно заприметила. Точно такой символ носил Вир на своем плече.

Аманда прыгнула, стремясь отнять дорогую ей вещицу. Но едва она коснулась меня, тут же одернула руку — дар огненного ищурки оказался болезненен даже для богини.

Еще одна попытка. Ей почти удалось выхватить брошь обратно. Я из последних сил удерживала себя вертикально, продолжая вытягивать силу. Но в этот счастливы момент Сол наконец-то выпустила Муну из своих объятий, и два диска лун снова засияли на небосводе, а Аманда исчезла, вернувшись в свои чертоги.

Сжимая брошь обугленными костяшками, я плашмя рухнула на землю. Стоит мне сейчас отключиться — и многократно усиленный дар вырвется на свободу, уничтожая все на своем пути, превратив Нёттере и окружающие его горы в выжженную пустыню.

— Амулет, родная. Амулет Аманды, — зазвенел где-то глубоко внутри меня знакомый голос, прорываясь через боль. — Ты сможешь, Исса...

Окинув напоследок лежащие неподалеку тела Вира и Рэна, отдавшие за меня свои жизни и даже сейчас, словно в насмешку, оказавшиеся рядом, прощаясь, втянула обжигающий воздух и, собрав остатки сил, вогнала кинжал в свою обугленную ладонь, на которой лежала брошь, выдохнув последние четыре руны — руны наших имен, запирая силу, отдавая дар вместе с жизнью, которой никогда не было. Живые не становятся жрицами...

Близился вечер. Промозглый осенний ветер трепал остатки листвы на деревьях, задувал в окна, забирался под одежду, Три всадника, верхом на гайрах подъехали к небольшому постоялому двору. Они заметили его совершенно случайно, когда объезжали город. Табличка у самых ворот гласила, что заведение закрыто на неопределенный срок.

Других гостиниц поблизости не было, а ехать в таверну, стоящую в центре города, обессиленным путникам не хотелось, они слишком устали и проголодались. Всадники провели почти трое суток в седле, и все, чего им сейчас хотелось — это нормальной еды и возможности отдохнуть. Спешившись, двое из них направились в таверну. Третий же, заметив конюшню, направился к ней, дабы позаботиться о животных.

Глава 13

Несколько лет спустя...

Я стояла у стойки. Ночь выдалась трудной, и поспать не удалось. Голова была тяжелой, клонило в сон, да еще и этот жуткий холод.

Тихо звякнул колокольчик над входом, и в помещение вошли двое. На мгновение они остановились, привыкая к полумраку таверны, а затем двинулись по направлению ко мне. Девушки, работавшие в дальнем углу зала, замерли, восхищенно уставившись на вошедших: высокие, подтянутые, красивые, капюшоны теплых курток скрывают лица, в движениях грация, пластичность, четкость. Так ходят хищники.

— Добрый день, — обратился один из них ко мне, сверкнув из под капюшона глазами. — Мне нужны комнаты на несколько дней. Для меня и моих спутников.

— Мы закрыты. Разве вы не видели на дверях табличку о том, что постоялый двор не работает?

— Видел. Но не могли бы вы нам немного еды, у нас закончились припасы.

Я пригляделась. Мои глаза встретились с глазами посетителя. И я почувствовала, что тону. Взгляд незнакомца обволакивал, утягивал на дно, убаюкивал и призывал расслабиться.

И я вспомнила...

— Кириан?

Мужчина, стоявший напротив меня, напрягся. Его спутник, почувствовав перемену обстановки, тут же встал рядом, готовый броситься на любого, совершившего неосторожное действие.

Меня еще раз осмотрели, цепко отмечая детали. Желая облегчить процесс узнавания, я чуть сдвинула платок, скрывавший волосы и часть лица и повернулась к скудному свету свечи, стоявшей рядом.

— Инга!

— Я думала, не вспомнишь, — улыбнулась я, — только здесь я — Леда. Инга осталась там... в прошлом.

Я чуть запнулась, усилием воли подавляя воспоминания и удерживая на лице радушную улыбку. Не сейчас. Я не буду вспоминать о прошлом сейчас.

Кириан расслабился и кивнул стоявшему рядом мужчине. Тот, мельком взглянув на меня, сел за стойку.

Я заметила, что девушки с нездоровым интересом так и продолжали таращиться на моих посетителей.

Дверь снова тихонько звякнула, и в помещение вошел еще один посетитель. Лицо его так же скрывал капюшон. В зале сразу стало тесно и жарко. Я услышала ничем не прикрытый вздох восхищения Раньи.

— Инга...э-э-э... то есть Леда, нам нужны комнаты на несколько дней, — Кириан вновь обратился ко мне, отвлекая от разглядывания нового посетителя.

— Вы голодны? Пойдемте, накормлю вас.

Я попросила Хеб принести ужин на троих и вина, а затем, пригласила Кириана и его спутников следовать за собой. Выйдя из зала и пройдя по коридору, я остановилась у двери. Отстегнув с пояса связку ключей, нашла нужный ключ и открыла дверь.

— Ну вот. Располагайтесь, — кивнула я, пропуская их в комнату. — Здесь вы будете избавлены от нездорового внимания моих работников и сможете нормально поесть.

Комната была небольшой: у окна стол на шесть человек, накрытый скатертью, простые деревянные стулья, у стен два небольших диванчика и два кресла, справа камин и книжный шкаф. Все просто и лаконично. Этот зал был сделан специально для меня. В основном там я обедала со своими гостями или же с особыми клиентами, когда мне хотелось избавиться от назойливого внимания.

Кириан скинул плащ, бросив его на диван. Он ничуть не изменился за это время. Все те же ярко-синие стриженные неровными прядями волосы, бледная, отдающая голубоватым оттенком кожа, хитрые глаза и очаровательная улыбка. Вот только в этот раз одет он был во все черное, что еще больше усиливало бледность кожи.

Его примеру последовали остальные. Внешность их оказалась не менее экзотичной для меня, но вполне обычной для ааш-ту. Высокий и худощавый блондин на вид лет двадцати пяти, так же одетый во все черное, с длинными, до плеч пепельно-серыми волосами и глазами цвета расплавленного серебра оказался очень похож на Кириана.

Третий же ааш-ту стоял чуть позади, повернувшись ко мне спиной, и разглядывал книжный шкаф, стоявший в углу. Все что я смогла рассмотреть — это высокую широкоплечую фигуру и короткие темные, отдающие багровым волосы.

— Рад встрече, сестренка, — улыбнулся Кириан, подходя ко мне и обнимая. — Позволь я представлю тебе своих спутников: это мой младший брат Дариан. — Кириан махнул в сторону блондина. Тот улыбнулся и кивнул мне. — А это наш друг Ардалион.

Темноволосый повернулся ко мне. Красивый. Хищник. Аристократичные черты лица, смуглая кожа, темные брови, глаза цвета спелой вишни с узким вертикальным зрачком, на виске красная татуировка, напоминающая стилизованного дракона. Встретившись с ним взглядом, я впала в ступор. Его взгляд обжигал, от него бросало в жар. Казалось, он видит тебя насквозь, видит все твои страхи и изъяны, видит все твои грехи и слабости. Ардалион улыбнулся. Сверкнули кончики клыков. А у меня закружилась голова. Я не могла отвести взгляд. Он сжигал меня изнутри, затягивая все сильнее. Вот уже для меня не существовало ничего кроме этих вишневых глаз.

Опять эксперименты. Когда-то так же надо мной экспериментировал Кириан. Пока не понял, что я обладаю своего рода хоть и слабым, но все же иммунитетом к подобному гипнозу и могу сопротивляться.

Я так давно не сталкивалась с вредными ааш-ту. Сознание словно раздвоилось. Одна часть меня вопила отдаться во власть обжигающих глаз, вторая же часть спешно вспоминала технику ментального боя и защиту от него. Я постаралась отключиться от всего, воздвигнув вокруг сознания прочную стену. Во взгляде красноглазого промелькнуло удивление. Ага... А как ты на такое реагируешь, экспериментатор? Я сжала руки в кулаки. Ногти впились в ладони, боль отрезвила. Я, сосредоточившись, сделала стену зеркальной. Парень поперхнулся воздухом и шумно выдохнул. Наваждение тут же пропало. Я не удержалась и победно ухмыльнулась, глядя на красноглазого.

— А это, мой друг — Инга, — продолжил Кириан, делая вид, что не заметил нашей молчаливой дуэли взглядами.

— Очень приятно. Только здесь меня называют Леда, — я улыбнулась и покосилась на Ардалиона. — А теперь, если больше никто не будет ставить надо мной эксперименты, предлагаю поесть и поговорить.

Кириан вдруг звонко расхохотался, глядя на удивленного Ардалиона. Дариан вопросительно посмотрел на брата.

— Ах, да, совсем забыл предупредить вас, — все еще смеясь, произнес Кириан, — Ини умеет отражать ментальные атаки, поэтому не советую над ней экспериментировать.

Дариан и Ардалион заинтересованно посмотрели на меня.

В этот момент в комнату постучали. Парни сразу напряглись и настороженно посмотрели на дверь.

Я открыла. Хеб и Ранья, груженные подносами с едой топтались у порога. Загораживая собой проем и мешая рассмотреть своих спутников, я взяла один из подносов, а второй велела поставить на пол.

Девушки с любопытством заглядывали мне за плечо. Очень уж им хотелось узнать, что за путники пожаловали, не часто у нас бывали такие гости. Я нахмурилась. Велев отправляться в зал и работать, закрыла перед их носом дверь. Ко мне тут же подошел Дориан и забрал у меня тяжелый поднос. Я благодарно на него посмотрела и вернулась за вторым, предварительно убедившись, что девочки меня послушались. Друг, поняв меня, подскочил с кресла и забрал второй поднос, ставя его на стол.

— Вы пока ужинайте, а я пойду, проверю, что творится в большом зале.

Когда я вернулась, они уже поели и теперь расположились на диванах и негромко о чем-то разговаривали.

— Извините, что заставила вас так долго ждать, — краем глаза я заметила, как при моем появлении Ардалион схватился за пояс, на котором видимо было оружие, а Дориан напрягся. Но увидев меня, они снова расслабились. — Очень много дел требующих моего присутствия.

Я присела на диван рядом с Кирианом.

— Я готова тебя выслушать, Кир. Зачем ты здесь?

— Ини...

— Леда, — перебила я его. — Инга осталась в прошлой жизни. Теперь есть только Леда. Привыкай.

— Ну хорошо, Леда, — Кириан поморщился. — Мне нужны комнаты на некоторое время. Через несколько дней к нам должен присоединиться еще один наш друг, позволите дождаться его здесь.

Я устало потерла переносицу, думая как помочь другу из прошлого. Спать хотелось очень сильно и мысли текли вяло и неохотно, все время норовя подкинуть фрагменты воспоминаний о прошлой, почти позабытой жизни.

— С тобой все в порядке? — склонился надо мной Кир. — Ты как-то неважно выглядишь.

— Нет, все нормально, — отмахнулась я. — Просто устала. Двое суток на ногах без сна. На мою гостиницу напали неделю назад и попытались поджечь, поэтому, не могу предложить вам роскошные апартаменты.

В комнате ненадолго повисло молчание. Я нарушила его первой:

-. Кстати, почему вы не хотите остановиться в самом Фатире? Почему именно здесь, на окраине, в десятках лье от города?

— Леда, ты знаешь, как люди реагируют на нашу внешность, на нашу принадлежность к Ааш'ту, тем более здесь, на окраине человеческих земель? — Вопросом на вопрос ответил Кириан.

— Ладно, поняла. В центре города вы будете вместо ходячей достопримечательности. Ну что ж. Тогда добро пожаловать в «Белый Грифон» Думаю, пару комнат я все же найду.

Так что, если вас не коробит вид полуразрушенных стен, а слух не оскверняют ведущиеся ремонтные работы, можете оставаться сколько пожелаете. Пойду, приготовлю вам комнаты.

Ааш-ту сидели в одной из отведенных им комнат, разговаривая о своем. Ардалион, задумчиво вертя в руках бокал с вином, смотрел в окно.

— О чем задумался, Ард? — прервал его раздумья Дариан.

— Да об этой хозяйке постоянного двора. Как ее... Леде.

— О-о-о, — улыбнулся заинтересованно Кириан. — и чего надумал?

— Да вот странная она какая-то. С виду вроде обычная человечка, и в то же время какая-то чужая. И такая хрупкая. А глаза... Словно льдинки. Вроде и улыбается приветливо, а взгляд неживой, пустой какой-то, как-будто с мертвецом разговариваешь, или с куклой. И ее лицо, руки... Кто ее так?

— Эх, как вас проняло — то, уважаемый, — подколот его Кириан.

— А кстати, Кир, кто она? — заинтересованно посмотрел на него брат. — Она ведь, кажется не человек?

— С чего это ты взял? — притворно удивился Кир.

— А кто-нибудь обратил внимание на то как она двигается? И ее устойчивость к нашей магии... — спросил Дориан.

— Молодец, братишка, наблюдательный. — Похвалил брата Кир, — На самом деле она самый настоящий и самый обычный человек. Даже и не маг нисколько. А что касается глаз. То тут все просто. Холодный взгляд у нее такой, потому что у нее ледяное сердце.

— Ледяное сердце? — ошарашено проговорил Дориан.

— Ну, это я образно. На самом деле сердце у нее обычное. Просто она как лягушка. Зависит от внешней температуры.

— Это как?

— Каждый раз с наступлением холодов она начинает мерзнуть, кутается в одежды, зажигает камин, но все равно не может согреться, потому что душа замерзла, и холодное сердце не греет. Вы же обратили внимание, что здесь в каждой комнате камин? А летом оттаивает.

— А зачем же она забралась так далеко на север? Не проще ли перебраться поближе к к огненным ицури, у них всегда тепло? — недоуменно смотрел на брата Дариан

— Это какое-то проклятие на ней или она с рождения такая? — Спросил Ардалион.

Кириан задумчиво посмотрел на бокал с вином. Размышляя, стоит ли рассказать друзьям историю Леды-Инги. Затем, придя к выводу, что Ини не обидится, он продолжил:

— Я не знаю всех подробностей, только то, что она рассказала и что видел сам. М-м-м... Помните же ту историю около Нёттере несколько лет назад? Меня тогда нашел Магистр Тарес. И ее — странную человеческую девчонку, изломанной куклой валяющуюся у алтаря. Я не знаю, как она там оказалась, а Ини не говорит. Подозреваю, что ее готовили в жертву... Мы не сразу стали общаться. Сначала она очень долгое время провела в лазарете, потом ее куда-то увез Тарес. На втором курсе учебы в Академии, она пришла в мою группу. Маленькая, но гордая. Наши шарахались от нее, обзывали уродиной, пустышкой. Я не знаю, зачем Тарес взял ее в академию, магических способностей у нее вообще не оказалось, никаких. Я и сам, чего уж скрывать, относился к ней предвзято, даже пару раз высказался о ее красоте. Но потом как-то сблизились. Может, этому поспособствовала общая тайна. Ини однажды рассказала мне про шрамы: ее изнасиловал капитан приграничного отряда,

взявший девочку в плен, когда она только пришла в наш мир. Изнасиловал и бросил умирать. А она выжила.

— Ашгарас тиэнссе... — чуть слышно выругался Ардалион на родном языке.

— Да, я примерно так же высказался. А потом помог найти ей Дейнара... Знаешь, в тот момент, видя как девочка разделяет его на живую, обычным кухонным ножом, стянутым в учебной столовой, при этом блаженно улыбаясь, в тот момент мне стало жутко... особенно когда увидел то, что осталось от бывшего капитана... Я даже об этом Таресу сообщил, как ее личному куратору, тот только покивал, но ничего не предпринял. Проучившись год, Ини все же ушла, никому ничего не сказав, а вот сегодня я случайно ее встретил.

— Подожди, — остановил его Дориан, — ты сказал «когда она появилась в нашем мире»... То есть она...

— Да. Инга гостя, попавшая к нам неизвестно как, поэтому и кажется странной и чужой, — улыбнулся Кир, а затем добавил уже серьезно. — Но это должно остаться строго между нами. Ини не простит мне, если узнает, что я поведал ее тайну.

Устроив парней на ночь, я спустилась в кабинет — надо было поработать со счетами, подсчитать убытки. Зябко пожившись от вечерней прохлады, я закуталась в лежащую на столе шаль, и расположилась поудобней в кресле, поджав под себя замерзшие ноги. Цифры никак не хотели складываться, в голову настойчиво лезли нахлынувшие бурным потоком воспоминания прошлых лет...

— Магистр Тарес, где они? — первое, что произнесла выжившая девочка, едва придя в себя.

— Мне жаль, никто не выжил...

— Нет! Нет! Я не верю! Они обещали выжить... обещали не оставлять меня...

— Успокойся, Ис... Инга... Тебе нельзя нервничать, ты еще слишком нестабильна, — поседевший крупный мужчина с шрамом через глаз пытается удержать маленькое хрупкое девичье тельце.

— Узнали... — разом обмякла она в его руках.

— Узнал. Ты ведь сама мне все рассказала — кем была, кем стала. Таким было условие твоего обучения, помнишь?

— Я бы хотела забыть. И больше не помнить... Ничего не помнить, начать все заново, — девушка отвернулась к стене, смаргивая непрошенные слезы. Теперь она снова умеет плакать.

— Обещаю, я отпущу тебя и помогу забыть, но дай мне время. Ты понимаешь, насколько уникальна? Никто еще не возвращался назад, после посвящения в жрицы. Смерть — это дорога в один конец...

— Сколько? — глухо пробормотала она не поворачиваясь.

— Дай мне год. Или чуть больше...

— Один год. А после уйду, и вы навсегда забудете мое имя и сможете всё забыть мне...

— Хорошо. Я обещаю, но до тех пор — никаких тайн.

— Зачем ты приходишь сюда, Ини? Зачем тревожишь мертвых? — прохладные руки коснулись угловатых женских плеч. — Что ищешь на пепелище?

— Душу и сердце, что оставила здесь однажды...

— Пойдем со мной, и я подарю тебе новые... У тебя будет все, что пожелаешь. Женщины ааш-ту живут в счастье и любви.

— Я не ааш-ту.

— Но ты можешь стать женщиной ааш-ту... моей женщиной...

— Зачем я тебе такая? Над тобой будут смеяться, — девушка откинула волосы с лица, выставляя напоказ шрам, и вытянула вперед искалеченные руки.

— Ини, мне все равно как ты выглядишь, — он торопливо и порывисто прижал ее к себе, словно боялся, что она вот-вот исчезнет, как исчезла однажды та — другая...

— Мне не нужна золотая клетка, Кир. Я хочу свободы и покоя. Я очень устала...

— Все-таки уходишь? — Тарес торопливо поднялся с кресла, едва заметил в дверях худенькую светловолосую девчонку в дорожном костюме.

— Ты узнал все, что нужно. Я больше не нужна тебе. Отпусти.

— Жаль. Я надеялся, что хоть Кириан сумеет удержать тебя, все-таки он часть твоей прошлой жизни

— Они тоже были частью моей жизни, а теперь их нет... Ты обещал мне новую. Без воспоминаний.

— Я помню. — Тарес жестом пригласил девушку присесть, но та отказалась. — И сдержу обещание. Только сразу скажу, я не могу удалить воспоминания полностью. Любой человек из твоей прошлой жизни, любое напоминание могут легко разрушить блок и вернуть все назад, и тогда станет вдвойне больнее. Ты уверена, что справишься?

— Я справлюсь. Больнее, чем сейчас уже не будет...

— Тогда... прощай, Инга?

— Прощай, Тарес. И спасибо.

Дверь тихонько скрипнула и отворилась. В кабинет зашел Ардалион. Красные глаза слабо светились в темноте. Он с интересом рассматривал убранство комнаты. Слева во всю стену огромный книжный шкаф, прямо напротив широкое окно и большой письменный стол. Справа незажженный давно остывший камин и стоявшее перед ним кресло, в котором, свернувшись калачиком, спала хозяйка заведения. В приоткрытую в соседнюю комнату дверь виднелся краешек кровати

Он тихонько подошел и присел рядом на край стола, рассматривая ее. С виду совершенно обычная: светло-русые волосы заплетены в косу, темные, почти черные брови, курносый, чуть широковатый нос, тонкие ассиметричные губы и уродливый шрам. Ее даже нельзя было назвать красавицей. Скорее миловидная. Но было в ней что-то такое, что притягивало к себе. То ли несвойственный людям цвет волос, то ли ее иномирное происхождение, то ли то, что она устояла против его магии...

Он наклонился и убрал с лица выбившуюся из косы прядь. Кожа девчонки оказалась холодной на ощупь. Леда вздрогнула от его прикосновения и что-то пробормотала.

Ардалион подхватил девчонку на руки и перенес на кровать в соседней комнате. Такая худенькая. Почти ничего не весит. Она даже не проснулась, лишь прижалась к нему сильней пробормотав сонно «Тепло-о-о...».

Ардалион аккуратно положил девушку на кровать и накрыл одеялом. Затем он подошел к камину и присел на корточки пристально вглядываясь. Через несколько мгновений вспыхнул яркий огонь, потрескивая заготовленными заранее дровами. Удовлетворенно

улыбнувшись, красноглазый красавчик вышел из комнаты, тихонько прикрыв за собой дверь.

Меня разбудил какой-то шум. Проснувшись, я не сразу сообразила, где нахожусь, а когда, наконец, поняла, что лежу в собственной постели, очень удивилась. За окном светало. Шум повторился и доносился он с кухни. Я поспешила проверить, что за шорохи.

У печи вовсю кашеварила Хеб. Девчонке скоро семнадцать, а на вид больше четырнадцати не дашь — маленькая, худенькая, угловатая, но в тоже время очень сильная и упрямая.

— Доброе утро, Хеб, — поздоровалась я с девчонкой. Та ответила мне радостной улыбкой. — Наши гости уже встали?

— Не знаю, вейта, но я вот решила приготовить завтрак, вдруг уже проснулись.

— Спасибо, Хеб. Я пойду переоденусь, а потом проверю, как там наши гости.

Умывшись и сменив платье, в котором уснула вчера, на свежее, я поднялась к постояльцам. Комнаты оказались пусты.

В поиске гостей, я вышла во дворик. На крыльце, замерев восхищенным сусликом, стояла Ранья, наблюдая за происходящим: на площадке, обнаженные по пояс, блестя капельками пота, тренировались на мечях Дариан и Кириан. Я подошла поближе. Действительно захватывающее зрелище: Ааш-ту по праву называют лучшими воинами. Лучше и сильнее их нет. Позади послышался неприкрытый вздох восхищения, и на плечи мне легли горячи мужские руки.

— Любуешься, малышка? — промурлыкал на ухо знакомый голос, обдавая шею теплом.

Вздвогнув, я сразу же обернулась и увидела Ардалиона: темные красные волосы собраны в тугий хвост, из одежды только штаны. Нагло улыбнувшись и подмигнув мне, он вошел в круг, к сражающимся братьям. А я, смутившись, от того что меня застучали за наблюдением, поспешила направилась в гостиницу, прижимая руки к груди и пытаюсь унять вдруг ожившее сердце. Случайные прикосновения снова породили болезненные воспоминания.

Завтрак остывал на столе. Я уже некоторое время сидела в малом зале на диванчике и пыталась читать книжку, но чтение никак не давалось, мысли упорно возвращались к трем ааш-ту, увиденным во время их тренировки.

— Доброе утро, Леда! — вошел Кириан, ослепительно улыбаясь. И как ему удастся оставаться таким жизнерадостным? — Ты решила позавтракать с нами? Это здорово!

Следом за ним вошли Дариан и Ардалион, свежие и умытые.

— Доброе утро! — поздоровалась я с ними.

Во время завтрака, Ардалион все время пристально меня разглядывал. От этого взгляда мне стало неуютно, и я поежилась.

— Что, опять мерзнешь? Холодное сердце не греет? — не укрылось от внимания Кира мое движение.

— Ну да, — улыбнулась я. — Ты же знаешь, я плохо переношу холод.

— Я могу тебя согреть, только попроси, — обворожительно улыбнулся Ардалион, наклоняясь ко мне, приобнимая за плечи и пододвигая к себе.

— Ард, нет! — только успел выкрикнуть Кириан, приподнимаясь со своего места.

Ардалион послушно отодвинулся. Но за то короткое мгновение, что прижималась к нему, я почувствовала даже сквозь одежду, какой он горячий. Захотелось прижаться к нему снова и погреться, ощутить еще хоть на мгновение чужой огонь...

Я вспомнила другие руки, что когда-то обнимали меня, и другой огонь, что когда-то согревал меня лаская...

— Извините, я покину вас ненадолго... —

Кое-как поднявшись, на негнущихся ногах я вышла из зала. Глаза жгло огнем. Хотелось зареветь, но никак не получалось.

Коридор... Коридор... Крыльцо... Ступени... Ворота... Улица... Дорога... Я неслась не разбирая дороги, надеясь сбежать от возвращающихся воспоминаний.

На улице шел колючий осенний дождь. Быстро выбившись из сил, я остановилась и подставила лицо холодным каплям, вновь пытаюсь заплакать, растопить внутри себя лед и смыть его горячими слезами. Меня колотило от холода, но уходить не хотелось. Я так давно не чувствовала себя живой, что уже и забыла, как это. Глаза по-прежнему оставались сухими. Сколько было в моей жизни подобных ночей, когда я точно так же всхлипывала, кричала, пыталась заплакать, но ничего не получалось. Все замерзло внутри.

— Пойдем, малышка. Здесь холодно. Еще простудишься, — раздался над ухом голос Кириана.

На плечи легла мужская куртка, еще хранящая тепло. Кир, на мгновение прижав к себе, словно боялся, что я исчезну, бережно подхватил меня на руки и понес в сторону таверны.

Я не сопротивлялась, уткнувшись носом в мужское плечо, вдыхая почти позабытый и сейчас такой родной аромат. Кир принес меня в спальню, закутал в одеяло и, взяв на руки начал укачивать как маленького ребенка.

— Зачем ты здесь, Кир? Это ведь Тарес сказал где меня искать?

— Нет. Я же тебе уже говорил, мы случайно наткнулись на твою таверну...

— Врешь...

— Ничуть, — сделал он честные глаза и обезоруживающе улыбнулся.

— Кир, зачем бы тебя сюда не занесло, предупреждаю — я не буду помогать тебе до тех пор, пока не расскажешь зачем ты здесь и как меня нашел.

— Отдыхай, любопытная девчонка. Так и знал, что ты меня раскусишь, — Кириан ласково поцеловал меня в нос. — Я расскажу, но позже. Сейчас тебе лучше немного поспать.

Кириан укачивал меня до тех пор, пока я не уснула.

Глава 14

— Рассказывай, чудовище, зачем ты объявился после стольких лет, — вошла я в комнату Кириана, предварительно убедившись, что он там один.

— Вот так вот сразу, без прелюдий? — попытался оттянуть время Кириан.

— Кир...

— О, зная особенности наших кругов общения и сокращения имен, приятно осознавать, что я все еще Кир...

— Если до заката я не узнаю причину твоего появления — к утру меня здесь не будет. И на этот раз я не стану сообщать куда направлюсь, так Таресу и передашь. — я резко развернулась на каблуках, приготовившись уйти и хлопнуть дверью.

— Нет, Ини, постой. Я расскажу... — Кириан поймал меня за руку и усадил рядом с собой на кровать, крепко обняв и прижав к себе. Я сначала пыталась вырваться, но потом смирилась. Теперь синеволосый ааш-ту мне не казался таким холодным как раньше. Сейчас его присутствие согревало.

— Рассказывай, Кир. У меня еще куча дел на сегодня. — устроилась я поудобней в

обьятьях друга. — Надо восстанавливать таверну, отправить работников — договориться о поставке стройматериалов из города, подсчитать убытки и составить бюджет на следующий месяц. У меня катастрофическая нехватка работников и времени. Я не могу просто так валяться с тобой в обнимку.

Кириан глубоко вздохнул, как перед прыжком в воду и начал:

— Ини, мне очень нужна твоя помощь. Я хочу вернуть Искерд...

Перехватило дыхание. Мир покачнулся и поплыл перед глазами. Меня утягивала тьма, которую я предпочла забыть

Боль. Невыносимая. Адская. Нетерпимая. Боль — тот единственный маяк, что еще удерживал на поверхности океана безумия, не давая утонуть.

— Здравствуй, Искерд. — она пришла как всегда неожиданно. — Я ждала этого момента.

— Верни мне их, Ульна.

— Зачем? Последние ниточки сорваны, жертвы принесены. Теперь мы можем довершить ритуал, и ты станешь полноценной жрицей. Просто произнеси ритуальную фразу, и боль уйдет. Я дам тебе новый дар.

— Мне не нужны твои дары, Ульна. Мне нужны Рэн и Вир.

— Увы. Они принадлежат другим богам и не в моей власти их вернуть. К тому же оба — добровольные жертвы, убитые твоей рукой, твоим кинжалом...

Глаза невыносимо защипало, сердце ухнуло, ткнувшись о ребра в последний раз и застыло. А по щекам покатались слезы, обжигая, рая, оставляя следы.

— Ну надо же... — Ульна улыбнулась и присела к ногам обессиленной девушки, что-то подбирая с земли. — Снова слезы. И снова такие яркие... Как раз к моему подарку...

На ладони Ульны лежали две крупные прозрачные как хрусталь жемчужинки-слезинки, вот только внутри одной алела маленькая искорка, а в другой притаилась тьма. В другой же руке богиня держала кинжал — абсолютную копию Гретхен, только белого цвета, с маленькими выемками на рукояти, словно специально сделанными под жемчужины,

— Я ошиблась, подарив тебе тьму. Твоя сила не в смерти других. Твоя сила в тебе. Она — свет.

— Нет, Ула. Я больше не хочу. Я слишком устала. Просто позволь мне уйти за грань вслед за ними...

— Увы, мой маленький Ледяной Страж, этого я тоже не могу. Ты нужна мне здесь. Я так долго тебя искала.

— Тогда... Я отрекаюсь от тебя, Ульна. Я больше не желаю служить тебе.

— Ты соображаешь, что творишь, глупая девчонка? — рассерженной кошкой зашипела богиня. — Ты помнишь, чью силу сейчас держишь в ладонях? Я ведь заберу все, стоит тебе произнести слово-ключ. Чужой дар убьет моментально, испепелив хрупкую человеческую оболочку. К чему такие жертвы? Отдай мне медальон, прими новый дар и у тебя будет новая жизнь, без боли и воспоминаний.

— Исс... Сса... ГьерД... Уна... — тихим шелестом вплетались руны во фразу отречения.

— Упрямица. Никто еще не сумел вернуться к прежней жизни. Рано или поздно, ты снова придешь ко мне за помощью, предлагая себя взамен.

— Никогда!

— Я заберу у тебя все, и даже то, что всегда принадлежало тебе: твой дар, твое имя. Ты останешься хрупкой изломанной человеческой девчонкой, изуродованной пустышкой с выжженным даром. Ты готова к такой жизни? Готова заплатить такую цену за отречение?

— Отрекаюсь!

— Я, наверное, слишком добра... — натянуто и неестественно улыбнулась Ульна, складывая к ногам девчонки кинжал и жемчужины. — Но все же оставлю тебе шанс на возвращение. Тебе будет нужно просто вложить жемчужины в пазы и назвать свое имя, данное мной когда-то, и Исгерд — маленький Ледяной Страж вернется. Но теперь уже окончательно. Принадлежа мне целиком.

— Нет! Никогда. Убирайся прочь, Ульна. Ты отняла у меня все!

— Помни, стоит тебе произнести свое имя в рунах, Исгерд, и ты снова окажешься в моей власти.

— Меня зовут Инга

— Ты всегда была Исгерд, Инга — просто маска. Ты не выдержишь долго. А я умею ждать, — рассмеялась Ульна и осыпалась, как всегда, ворохом снежинок, оставляя валяться на земле неподвижное тело упрямой девчонки.

— Ини... Леда... Да очнись же наконец, — как сквозь вату донесся до меня голос Кира, а мгновение спустя перед глазами замаячило и его испуганное лицо. — Эй, ты чего? Что с тобой?

— Прости, просто вспомнила прошлое, — я кое-как села, опираясь на спинку кровати и спрятала лицо в ладонях, пытаюсь справиться с нахлынувшими воспоминаниями и хоть немного успокоиться.

— Ини... Инга, ты мне поможешь? Поможешь вернуть Исгерд?

— Замолчи, и никогда больше не произноси ее имя при мне! С чего ты вообще взял, что я могу помочь? — сама от себя не ожидая, я сорвалась на крик.

— Инга, успокойся, — ласково и ободряюще погладил меня по плечам Кириан. — Я понимаю, ты пережила слишком многое на той поляне, тебя собирались принести в жертву, чуть не убили, лишили дара... Но, Ини, я тоже был там, и потерял не меньше. И если ты мне не поможешь, я рискую потерять еще больше.

— Зачем Она тебе? — я наконец-то нашла в себе силы оторвать ладони от лица и посмотреть на Кириана.

— ... Аманда объявилась в окрестностях Нёттере... — после небольшой паузы все же нехотя выдавил Кир. — Ищет Исгерд, убирает всех, кто хоть как-то был связан с жрицей. Помимо меня еще один человек... да, теперь уже человек... в серьезной опасности. Магистр Тарес сказал, что если кто и может вернуть Ледяную, то только ты.

И снова сердце отозвалось тупой болью, заставляя сдавленно охнуть.

— Кир, я больше не вернусь в Нёттере. Даже не проси. Это слишком для меня... И с чего ты взял, что я могу помочь? Я всего лишь жертва. Случайная участница событий.

— Инга, пойми, никто кроме Исгерд не справится с чокнутой и лишенной сил богиней...

— Нет, Кир, даже если бы и могла помочь — в Нёттере я не вернусь.

— Хорошо, ты не хочешь помогать, но тогда скажи, как это сделать, я верну Ледышку сам.

— Боюсь, это уже никому не под силу. Ваша... она... — слова застряли тугим комком,

не желая выходить наружу. — Она ушла туда, откуда не возвращаются. Твоя Ледышка мертва. Ты пришел не по адресу. Я не могу тебе помочь. А сейчас извини, мне надо работать.

Поднявшись с кровати и пряча в складках платья подрагивающие руки, я выбежала из комнаты.

Я так долго бежала от прошлого, бежала на край земли, а оно снова меня настигло. Я бежала от ицури, от ааш-ту, бежала, чтобы никогда не видеть и не вспоминать. Но от себя убежать невозможно. Я запретила себе думать, запретила вспоминать, я выжгла все из своего сердца... А Кириан так легко разломал с таким трудом возведенную стену. Всего лишь несколько слов, и мое равновесие нарушено, мой карточный домик хрупких надежд снова вот-вот рассыплется

Я поспешила спрятаться в своей комнате, но у самых дверей врезалась в красноглазого Ардалиона.

— Куда так торопишься, хозяйка, — перехватил он меня, прижимая к себе.

— Пусти! Пусти меня! — раненной птицей забила в его объятиях. С тех пор, как ушла Исса и вернулась Инга, прикосновения чужих мужчин пугали, порождали отвращение и ужас.

— Тише, тише, колючка, я не обижу, — зашептал он мне в ухо, касаясь пальцами кожи на шее.

По спине, вдоль позвоночника прокатилась волна тепла и спокойствия. Я обмякла в горячих руках ааш-ту, борясь с соблазном прижаться к нему посильнее, уткнуться носом в грудь, наслаждаясь близостью мужского тела и рассказать все-все-все.

«Никогда не позволяй ааш-ту касаться открытых участков кожи, особенно если ты ранена!» — вспомнился совет, который когда-то дал мне Кириан.

«Вот же черти разноцветные!» — ругнулась я про себя, вспоминая основы ментальной защиты, которой когда-то обучал меня Кириан,

Вдохнуть, выстроить блок, выдохнуть, обратить все на противника...

— Ну надо же, Кир не врал, — улыбнулся Ардалион как ни в чем не бывало, отстранясь и выпуская меня из объятий. — Ты действительно устойчива к нашей магии. Я думал в прошлый вечер у тебя вышло случайно.

— Никогда! Слышишь, никогда больше не смей прикасаться ко мне! — вспыхнула я, тыча пальцем в него.

— Неужели я тебе настолько противен? — снова навис надо мной Ардалион, обольстительно улыбаясь. — Я бы на твоём месте не разбрасывался такими запретами... Кто знает, вдруг тебе захочется моей ласки, а я буду связан обещанием?

Его голос, вкрадчивый, обольстительный, полностью уверенный в неотразимости своего хозяина, обволакивал, проникал сквозь поры кожи, лишал воли.

— Как хорошо, что ты не на моем месте, — сумела я из себя выдавить и поспешила спрятаться в комнате, хлопнув напоследок дверью с такой силой, словно мне в спину не красавчик ааш-ту улыбался, а демон преисподней гнался по пятам.

Вечером снова пришел Кириан, долго стоял под дверью, распевая песни, вспоминая студенческие байки, обещая уснуть прямо на пороге, пока я не впустила его в комнату.

— Что ты от меня хочешь, чудовище? — устало облокотилась я на стену, открывая

настежь дверь. — Я уже дала тебе свой ответ...

— Ини..

— Леда. Запомни уже!

— Ини, — проигнорировал Кир мое замечание. — Я и Дариан в бегах. В свою страну мы тоже не можем вернуться по определенным причинам. Но я не хочу бегать всю жизнь. К тому же, рано или поздно, Аманда найдет и тебя, ты же понимаешь?

— Пусть находит. Я пустышка, Кир. Что с меня взять, кроме жалкой никчемной жизни, похожей на существование?

— Я предлагал тебе другую, ты оказалась, — Кириан ласково коснулся пряди волос, выбившейся из косы. — Но мое предложение все еще в силе. Если ты согласишься, мы уедем в Шаттере — столицу ааш-ту — завтра же, и никакая Аманда до нас не доберется.

— Почему ты не можешь уехать один?

— Это личное... — ушел Кириан от ответа. — Ну так что?

— Кир, мы обсуждали это миллион раз, не начинай...

— Хорошо. Я понял тебя. Позволь воспользоваться твоим гостеприимством еще ненадолго: на днях сюда прибудет один из друзей Ардалиона, он поможет нам спрятаться на некоторое время... Ини, я не прошу вернуться в Нёттере, но хотя бы поговори с Таресом. Он тебя ждет...

— Тогда почему сам не приехал или вестника не отправил?

— Он... Он не может. Ты поймешь почему, если поговоришь с ним.

— Что с ним, Кир? — сердце пропустило удар. Я замерла, напряженно ожидая ответа. Если Кириан сейчас скажет, что Тарес пострадал от рук Аманды...

— Успокойся, Ини, магистр — крепкий старик, с ним не так просто сладить, он в порядке. Но, пожалуйста, поговори с ним, Тарес надеется на встречу с тобой... Хотя бы просто поговори...

— Мерзкий старикашка, он знал кого отправлять... — выругалась я, падая в кресло.

— Это значит «да»? — обрадовался Кириан

— Кир, иногда ты ведешь себя как мальчишка...

На следующее утро я отправилась в Фатир, небольшой городок, на окраине которого и располагался мой постоялый двор.

Оставив Хеб командовать закупками провианта, я направилась к Дайну — местному магу, служившему в мэрии Фатира.

Разговор вышел долгим. Сначала мне пришлось рассказывать о налете на «Белый Грифон», вспоминая все подробности, потом выслушивать бесконечные жалобы Дайна на скучность, серость унылой жизни в провинциальном городишке и только потом окольными путями выведывать о новостях из третьей столице.

Кир не соврал. В человеческих землях действительно были объявлены в розыск три ааш-ту, по описанию подозрительно точно похожих на Кириана и его спутников. Вот только причина розыска несколько отличалась от той, что поведал мне Кир.

От Дайна я вышла уже затемно. Верная Хеб дремала на стуле в прихожей, ожидая меня.

Когда мы с ней вернулись в гостиницу — ааш-ту уже не было. Паршивец Кириан быстро смекнул, о чем я могу узнать в городе и поспешил скрыться.

Уведомив Глена — своего управляющего, о предстоящей поездке, я поспешила скрыться в своем кабинете. За эту ночь еще многое предстояло успеть. Кто знает, как долго продлится

мое путешествие в Нёттере и как скоро прошлое отпустит меня...

Наутро я с первыми лучами солнца выехала в Тильн — ближайший крупный к Фатиру город, в котором можно будет нанять грифов.

Оставив коня на платной конюшне, направилась на поиски грифятни, порекомендованной Дайном.

Изрядно поплутав по городу и наконец-то разыскав нужную табличку около невысокого, но длинного здания, негромко постучала дверным молотком. Дверь мне открыл низкорослый мужчина в грязном кожаном фартуке.

— Добрый день, — поздоровалась я. — Мне нужен Вейд.

— Всем нужен Вейд, — проскрипел мужчина, — Ну я Вейд. Что надобно?

— Дайн сказал, что у вас есть грифы. Мне нужен один для перелета до Нёттере.

— Грифы — дорогое удовольствие, уверена, что по карману? — протянул Вейд, скептически осмотрев меня, задержав взгляд на моих стоптанных сапогах и выдавшей виды дорожной куртке.

Я фыркнула и кивнула. Нашел дуру — в одиночное путешествие напяливать на себя дорогие шмотки.

— Ну ладно, если уж Дайн просил, так и быть, сделаю тебе скидку. Пойдем, выберешь какой тебе нужен.

Вейд позвал повозку и вскоре мы добрались до грифятника, в котором находилось всего три грифа — огромные птицы в полтора человеческих роста. Хотя, для такого города как Тильн этого вполне достаточно. Не каждый мог себе позволить полет до нужного города, слишком уж дорогое это было удовольствие. Дороже только грифоны и ящеры. Но грифоны не служат людям и не живут в неволе, крылатые звероптицы сотрудничают только с ааш-ту, и живут только на их землях.

Выбрав себе молодого пестрого грифа, я расплатилась с Вейдом.

— Когда доберешься до Тильна, снимешь с птицы ошейник и отпустишь. Он сам вернется домой. — проинструктировал меня хозяин, когда я взобралась в седло. — Ну удачи.

Вейд издал горловой звук, и гриф взмыл в небо. Я зажмурилась, вцепившись в маленькое кольцо, предназначенное для держания. Сидеть на таком живом транспорте было не очень удобно — специально предназначенное для полета седло оказалось жестким и неудобным, но зато благодаря надежной фиксации, мне не грозила опасность вывалиться во время полета, даже если я усну. Когда солнце начало клониться к горизонту, я решила приземлиться для ночлега. Грифы очень выносливы и способны лететь сутки без отдыха, я же такими талантами не обладала. Расседлав свою птичку, я тоже устроилась спать, подкатившись поближе к живому источнику тепла.

Под утро меня разбудило хриплое карканье грифа и чье-то сдавленное мычание неподалеку. С трудом разлепив глаза и закутавшись по сильнее в одеяло, я, трясаясь от холода, отправилась выяснять причину шума.

В нескольких шагах от прогоревшего за ночь костра, растопырив угрожающе огромные крылья, стоял воинственный гриф. Под его лапой извивался прижатый к земле огромными когтями худенький чумазый паренек.

— благородная вейта, помоги, умоляю, — запищал он чередуя рыдания и мольбы.

— Хм, а когда ты у благородной вейты сумку тащил, что не умолял так помочь? — хмыкнула я, разглядев в руках парнишки лямки своего рюкзака.

— Вейта, я все отдам, только пощади. Я сирота. Есть очень хотелось... — заюлил пацаненок.

— Так надо было подойти к костру и попросить.

— Я уже подошел так однажды, а они меня розгами... — обиженно буркнул воришка и нахохлился, больше не прося помочь и не делая попыток вырваться.

— Вставай уже, маленький воришка, беседовать будем. — вздохнула я и отогнала грифа, помогая пацану подняться с земли.

— Ты что, и бить не будешь? — синие глаза недоверчиво блеснули, с любопытством уставившись на меня.

— А зачем? Тебя этим все равно уже не перевоспитать... Сумку только верни, ценного там все равно ничего нет.

— Я уже проверил, — хмыкнул враз осмелевший пацан, возвращая мне рюкзак.

Я убедилась, что пацан ничего не забрал из рюкзака, и принялась готовить завтрак. Раз уж случился ранний подъем, стоит отправляться дальше.

— Что, и это всё? — пацан не спешил уходить, нахально приблизившись ко мне. — А где нравоучения, попытки вразумить меня и поставить на путь истинный, обещания сдать стражникам?

— Это твоя жизнь, ты сам ее выбрал, — хмыкнула я и принялась сооружать себе бутерброд с сыром. — К чему тебя учить чему-то? Если бы хотел — сам бы все изменил. Большой уже. Сколько тебе, кстати?

— Тринадцать... — хмуро буркнул пацан и отвернулся, громко сглотнув слюну.

Я отломала еще один кусок хлеба, достала вяленую рыбу, бнемного сыра и протянула мальчишке. Он сначала недоверчиво воззрился на мое подношение, выискивая подвох, но потом с жадностью впился в еду, отрывая огромные куски и глотая их почти не жуя.

Пока мальчишка, жадно ел, я успела собраться закрепить седло на грифе.

— Ну бывай, — попрощалась я с пацаном, протягивая остатки хлеба.

— Вейта, возьмите меня с собой, а? — осмелел мальчишка, цепляясь в одно из креплений амуниции.

— Зачем ты мне?

— Вейта, возьмите, а? Я работать на вас буду... Пожалуйста... — канючил пацан, схватившись за мой сапог

— И зачем мне вор? Чтобы ты вынес все из дома в первую же ночь?

— Вейта, ну пожалуйста... я... хотите я вам клятву дам, магическую? Я ... я магичить умею. Клятва подействует...

Я внимательней присмотрелась к мальчишке: к оттопыренным ушам, скрытым длинными спутанными волосами, вздернутым к вискам глазам, неестественно-синего, не встречающегося у людей оттенка, к узкому носу и тонким губам, приоткрывающим ряд мелких острых зубов.

— Ты смесок! — непроизвольно вырвалось у меня

— Ну смесок, и что с того? — мигом озлобился пацан, растеряв все свое уважение ко мне. — Или тебе тоже смески жить мешают, оскверняют твою нежную душу своим существованием. Так и ты не красавица... Тоже взор не радуешь...

— Какой злой щенок... — насмешливо улыбнулась я, ничуть не испугавшись гнева мальчишки. — Назови мне три причины, по которым я должна взять тебя с собой.

— У меня только одна — я сдохну здесь, если не выберусь. Или сам, или прирежет кто-

нибудь, если поймают. А я... я нормально жить хочу, как все, — тоскливо протянул он, отпуская мою ногу. —

— А что ж не живешь? Кто мешает?

— Пилт. Меня в его банду мать за долги продала. Самому от них не вырваться. А ты первая, кто не прогнал. Смесков не любят, сама знаешь...

— А если твой Пилт меня преследовать будет за то, что помогла?

— Не будет. Я тебе клятву дам, магическую. Только помоги выбраться отсюда, а?

Я вздохнула. И что мне так на детей сирых и убогих везет? Сначала Хеб и Ранья, теперь этот безымянный...

— Садись уже, пока нас твои дружки не догнали, — я чуть сдвинулась в седле, гадая как мы сможем улететь вдвоем и выдержит ли нас гриф. Повезло, что оба худые и по весу вполне можем сойти за одного упитанного мужчину.

Мальчишка ловко взобрался в седло и уселся позади меня, робко обнимая за талию.

— Попробуешь выкинуть какой-нибудь фокус — сброшу на землю сразу же, — пригрозила я пацану и дала грифу команду на взлет.

Стоило только нам оторваться от земли, как тут же из ближайших кустов на поляну высыпала стайка парней чуть старше моего найденьша. Они что-то злобно кричали, угрожающе размахивая руками.

— Спасибо, вейта, — благодарно шмыгнул мне в ухо пацан и прижался плотнее.

Третья столица все еще оставалась неприступной крепостью. Мы приземлились у четвертого круга, на одной из площадок вблизи пропускных ворот.

Отвязав ошейник, я отпустила грифа. Он, каркнув мне что-то напоследок, тут же взмыл в небо и скрылся за облаками. А я и Фес — мой найденьш — направились к воротам в город. Стража долго и кропотливо проверяла мои документы, потом так же нудно выясняли цель моего прибытия, наотрез отказываясь пропускать чумазого мальчишку. Все решила звонкая монета, словно невзначай опущенная в карман проверяющего. Выдавив кислую улыбку, стражник все же выдал нам на двоих пропускной лист.

Едва мы преодолели четвертый круг и подобралась к третьему — от которого начинался настоящий город, а не те бедняцкие домишки, Фес попытался нырнуть в толпу и скрыться от меня.

— Не так быстро, щенок, — поймала я его за шкурку. — Захотел стать полноценным гражданином большого города — придется потрудиться. Для начала — надо закончить школу и отработать должок.

Фес недоуменно захлопал своими синими глазищами.

— А ты что думал, я тебя просто так, по доброте душевной на грифе катала и хлеб с тобой последний делила? Нет, милый мой, у меня на тебя планы, и будь добр им соответствовать, иначе верну обратно, откуда забрала. Не ты ли клятвами и обещаниями разбрасывался недавно?

Пацан скуксился, но вырваться перестал.

Вдвоем мы добрались до нужного мне здания. Но пока шли, я трижды ловила Феса за воровством кошелеков, два раза он утянул фрукты с торгового лотка, один раз стащил ненужную ему газету и зачем-то умыкнул цветы с вазы на площади, которые тут же попытался всучить мне.

— Еще раз попытаешься что-то стащить — пойдешь не в школу, а напрямик в

городскую тюрьму, — сурово шикнула я на пацана, подходя к воротам почти позабытой академии.

Душа стенала и страдала. Разум требовал вернуться обратно в свое захолустье и вычеркнуть все случившееся, как страшный сон, а сердце сжималось от боли, прося шагнуть вперед, вернуться хоть на мгновение в прошлое, вспомнить то, что обещала забыть.

— Вейта, мы что, прямо возьмем и так просто войдем в академию? — раздался у самого уха восторженный голос мальчишки, возвращая меня в реальность.

— Обязательно. Не только войдем, а еще и побеседуем кое с кем. Если повезет, то и учиться когда-нибудь здесь будешь.

Глаза мальчишки стали размером с блюдца, и столько восторга и по-детски счастливого удивления читалось в них.

— Добрый вечер, — обратилась я к привратнику, дежурившему у ворот академии. — Мне нужен Магистр Тарес.

— Ого, как замахнулась. — проскрипел старик, оглядывая меня презрительным взглядом. — А Архимага Ксинта не подать? Чего тебе надо от Магистра?

— Личное дело, — продолжала все так же вежливо я. Иногда есть польза от ледяного сердца, теперь меня не так просто разозлить.

— Какое может быть дело у такой простолюдинки как ты? — не отставал привратник, продолжая меня оскорблять. — Милостыню если только просить. Так у нас тут не богадельня, не подают.

Мое терпение пошло на убыль. Расстегнув свою потрепанную куртку, я достала из-за ворота рубашки маленький жетон на обычном шнурке со знаком Академии и инициалами Тареса.

— Вот, вы не могли бы передать это Магистру. Он поймет от кого это.

Привратник взял в руки жетон. Тот мигнул синим и снова стал прежним.

— Ждите здесь. Я доложу, — нехотя проскрипел старик и захлопнул смотровое окошко. М-да. Раньше здесь было не так строго с посещениями. Лютует новый ректор, ох лютует. Перестраховывается.

Обратно привратник вернулся очень быстро. Почти бегом. Выражение лица его поменялось с презрительного на заискивающее.

— Извольте пройти в академию, благородная вейта. Извините, не признал.

Я усмехнувшись, направилась к зданию, поманив за собой мальчишку.

— Инга! — услышала я громогласный возглас, едва переступила порог Академии. И меня тут же сгребли в объятия. — Свет очей моих! Рад тебя видеть!

— Отпусти, Тарес, — засмеялась я, вырываясь из лап друга. — Ты портишь свою репутацию мрачного злюки. Смотри, как на тебя косятся твои студенты.

— Ах, ну да, — захохотал Тарес в ответ, ставя меня на землю. — Пойдем ко мне в кабинет. Наверняка у тебя какое-то дело, раз ты выбралась из своей глуши.

— Тарес, не прикидывайся. Неубедительно играешь. Лучше помоги вот это чудо пристроить, — я выпихнула Феса из-за своей спины. — Вот, прибился по дороге.

— Ну надо же какие интересные экземпляры к тебе прибиваются, — хмыкнул Тарес, цепко осмотрев мальчишку со всех сторон. — Для академии мелковат, а вот в школу одаренных вполне может подойти... Что умеешь, пацан?

— Будь повежливей, с ректором разговариваешь. От него зависит твоя путевка в жизнь, — прошипела я в ухо мальчишке, заметив, что Фес вот-вот скажет какую-нибудь

гадость.

— А... э-ээ... — тут же растерял всю свою показную уверенность Фес. — я, видно, магичить умею и предметы заговаривать... могу показать.⁷

— Ладно, с тобой позже разберемся, — Тарес подозвал околачивающегося неподалеку студента и попросил того накормить Феса и обустроить на ночлег, а сам поманил меня следом за собой.

Поднимаясь по ступеням к кабинету, я разглядывала широкую спину магистра. За это время он ничуть не изменился. Все такой же огромный, широкоплечий. Все так же похож на медведя на задних лапах. Вот только в иссиня-черных волосах и бороде появилось слишком много седины.

— Ну что ж, рассказывай, — сказал Тарес, заходя в кабинет и усаживаясь в кресло перед камином. — Или хочешь отдохнуть с дороги? Я распорядился насчет обеда.

— Это ты рассказывай, к чему весь этот цирк, — я села в кресло напротив.

Тарес молчал, пристально разглядывая меня, отмечая произошедшие изменения, затем встал, налил в бокалы вина и протянул один из них мне.

— Так и будешь молчать? — пригубила я вино.

— Инга, мне без тебя не справиться. Вернее, без Исгерд... Аманда объявилась

— Нет. Даже не проси. она мертва. Окончательно.

— Инга, пойми, я не за себя боюсь, за тех, кто в тебе нуждается.

— А за меня ты не боишься? — вспыхнула я. — Не боишься, что я потом не смогу вернуться? В прошлый раз меня вытянули... Ренар и Вирнан... Кто вытащит в этот раз? Нет, Тарес, извини. Я хочу остаться собой, хочу остаться человеком.

— А как же Кириан?

— Так и знала, что знойный огненный ааш-ту твоих рук дело, старый сводник, — я устало потерла ладонями лицо. — И все-таки, зачем ты меня вытащил? Есть ведь что-то еще? Не хочешь рассказать, почему у тебя пропадают студенты, и насколько правдивые слухи гуляют по человеческим землям?

— Это будет долгий разговор, — мрачно заключил Тарес, залпом допивая остатки вина в бокале. — И нам потребуется что-то гораздо крепче этого компота... Может, сначала все же пообедаем? Я заказал столик в ресторане неподалеку.

— Я не одета для торжественных случаев. Да и настроение совсем не праздничное.

— Когда это тебя волновало? Брось, Инга... Мы несколько лет не виделись.

Я вздохнула и согласилась.

На лестнице Тареса перехватил один из преподавателей, пытаюсь на ходу уладить какой-то жутко важный и срочный вопрос, поэтому к выходу я подошла одна. Феса тоже поблизости не наблюдалось. Наверное, блуждает где-то по академии. Лишь бы не украл чего-нибудь, а то вспыльчивые студиозусы скоры на расправу.

Сновали по огромному холлу суетливые студенты, сжимая в руках стопки книг, тубусы с картами, чучела животных, проносились стайки хихикающих девчонок, пробегали стреляющие любопытными взглядами мальчишки. Жизнь кипела и бурлила.

Что-то с силой толкнуло меня под колени, и в ладонь тут же ткнулся мокрый черный нос. Около меня, повизгивая от восторга, крутился огромный угольно-черный лис. Он то тыкался мне в ладони, то подпрыгивал, норовя лизнуть меня в лицо, то закручивался винтом вокруг моих ног, щекоча длинным пушистым хвостом.

— Привет, дружок, — потрепала я лиса между ушами, словно он был самой обычной

собакой. — Ты чей такой красавец?

Разум тут же с готовностью подкинул воспоминания, разбуженные внезапным вторжением Кириана в мою размеренную жизнь.

Только тот лис был рыжим... А еще у того лиса были горячие руки и нежные мягкие губы...

— Мрак, нет! Иди сюда, несносное животное! — раздался позади меня давно позабытый голос из прошлого.

Сердце, ухнув, пропустило удар. Земля закачалась, а мир поплыл, теряя очертания. Медленно-медленно, как старая механическая кукла, я повернулась, боясь, что стоит только увидеть обладателя голоса, и хрупкая иллюзия рассыплется острыми осколками, больно ранящими неприкрытую ледяной броней душу.

Он не рассыпался, не растаял, не исчез. Так и стоял в двух шагах от меня, с абсолютным равнодушием во взгляде, такой родной и такой чужой. Ни единой искры узнавания, ни грамма интереса, только раздражение. Раздражение на животное, не желающее слушаться и уходить.

— Ренар... — едва слышно прошептала я непослушными губами, протягивая к нему ладонь, стремясь коснуться, убедиться, что он не сон, не видение.

Теплый. Живой. Рядом.

Земля покачнулась и обрушилась на меня темнотой...

Глава 15

— Ты! Как ты мог мне не сказать? Почему молчал, что Рэн жив? Ты ведь говорил, что тела сожгли, могилу показывал, предатель! — бесновалась я, привязанная к кровати в больничном корпусе. — Почему, Тарес? Как давно он здесь? Как давно вы с Киром скрываете его от меня?

— Успокойся, Инга. Именно поэтому и не сказал. Успокойся и выслушай сначала...

Я обмякла, приготовившись слушать оправдания друга и наставника.

— Я солгал, прости. Кроме тебя и Кириана никаких тел не нашли. Вообще никого. Только кровь и остаточный фон ауры. Я не хотел пока говорить, сама же помнишь, в каком состоянии была. Но чем больше времени проходило, тем меньше оставалось шансов на то, что ребята живы. А потом, буквально пару месяцев назад объявился Мёрке, а следом за ним и Аманда...

— Почему? Почему ты не дал мне знать сразу? — перебила я Тареса, нервно кружащего вокруг моей кровати. — А Вирнан... Вир тоже вернулся?

— Инга... Это уже не тот Ренар, которого ты знала. Это просто оболочка... Ренар Мёрке пуст.

— Тарес, я задала вопрос: почему ты не сказал мне сразу? — я снова попыталась вырваться, но магические веревки удерживали крепко. — Я смогу его вернуть!

— Это очень сложный вопрос, Инга... Я боялся. Боялся потерять тебя окончательно. Боялся разрушить тебя призрачной надеждой... — Тарес аккуратно присел на край кровати и погладил меня по руке.

— Вир тоже вернулся?

— Увы... Мы спрашивали Мёрке, но тот все время молчит. Он вообще не помнит прошлой жизни, ни тебя, ни меня, ни Видара с Кирианом, ни свою невесту, рыжую девочку Илну, ни случившегося с ним на поляне. Я же говорю, Ренара Мёрке больше не существует.

Смирись.

— Развяжи меня, предатель... — прошипела я, с яростью вглядываясь в нарочито безмятежно-спокойное лицо друга. Он нервничал и боялся, но не показывал этого.

— Инга, пообещай, что не наделаешь глупостей...

— Аманда охотится за ним, да? Не за Кирианом, не за тобой... за ним... — внезапно осенило меня. — Ты ведь знаешь, что ради Рэна я верну ту, кем была раньше... Знаешь. Поэтому и Кириана подослал, чтобы подготовил меня. Знал, что я обязательно приеду все проверить и убедиться. И нашу встречу в коридоре ты специально подстроил. Она тебе нужней, чем я... с-с... с-с-своло-о-чь... Развяжи...

— Инга, все совсем не так, — начал было Тарес, отводя взгляд. — Я принял твой выбор, дал тебе уйти, хранил твою тайну...

— Но как только появился шанс вернуть ту, другую, ты тут же им воспользовался.

— Та другая — это тоже ты. Просто прими это.

— Та другая мертва. Мертва, понимаешь... Ты правда готов на это? Готов пойти на такое, чтобы вернуть ее?

— Есть шанс, что вместе с ней я верну и Мёрке. Ицури из влиятельного клана, один из последних оборотных... Это откроет передо мной многие двери.

— Продажный карьерист, — гневно выплюнула я, пытаюсь испепелить взглядом бывшего друга. — А как же я? Меня ведь не станет! Неужели ты готов пожертвовать мной ради денежного местечка?

— А как же он? Ренар ведь в связке с ней, помнишь? Вернется Исса — вернется Рен. Подумай об этом, Инга.

— Связи оборваны. Их больше нет. Не пытайся давить на больное, Тарес. — хотелось закрыть глаза, заткнуть уши и оказаться где-нибудь далеко-далеко.

— Решать тебе, Инга. Но без Исгерд ты Ренара не вернешь и не защитишь.

— Какая же ты сволочь, Тарес... А я ведь считала тебя другом.

— Я все еще твой друг, Инга. Когда-нибудь ты это поймешь и однажды скажешь мне спасибо, — Тарес направился к выходу. — Тебя развяжут, как только ты все обдумаешь и немного успокоишься. Я ведь сказал, выбор за тобой.

Через пару часов меня наконец-то развязали, и я первым делом бросилась в общежитие, к Ренару.

Он теперь жил один, в корпусе для старшаков и одаренных.

— Слушаю, — открыл он дверь после первого же стука и равнодушно посмотрел сквозь меня.

Мой Рыжик изменился, словно выцвел, утратив с внутренним огнем все краски. Тусклые волосы, бледная кожа, потухший взгляд.

Зато его лис, повизгивая от счастья, юлой крутился вокруг меня, и как обычная дворняга, все норовил лизнуть в лицо.

— Эм-м... привет. Ты меня не помнишь? Мы учились когда-то вместе. Дружили... — я вдруг растеряла разом все слова, утопая в его глазах, изменивших цвет, ставших из зверино-желтых черными и абсолютно пустыми, безжизненными, мертвыми. И эта пустота затягивала, растворяла в себе.

— Нет. Не помню. Да и мне все равно, — не меняя интонации равнодушно ответил Рэн, и попытался закрыть дверь.

— Твой лис, откуда он у тебя? — я встала в проеме, перегородив выход.

— Я уже отвечал на этот вопрос магистру Таресу и другим магам... Но если тебе интересно: очнулся с ним, в лесу. А что было до этого — не помню. Лиса зовут Мрак и он почти разумный.

Таким голосом разговаривают куклы — глухой, безжизненный, ни капли эмоций, ни единой искры... Ни-че-го. Ренар действительно всего лишь пустая оболочка...

— Привет, Мрак, — я присела на корточки и погладила лиса между ушами. Огромные желтые глазища смотрели на меня с таким обожанием, что мне стало неловко. — Кажется, твой хозяин немножко потерялся, но мы обязательно его вернем, правда же?

Все то время, пока гладила лиса, я искоса наблюдала за Ренаром и его реакцией: ничего. Совсем. Он так и стоял перед дверью, равнодушно рассматривая стену и совершенно не обращая на меня внимания.

— Ну что ж, приятно было повидаться, — протянула я Рэну ладонь, поднимаясь на ноги.

Рыжик, равнодушно пожал руку, абсолютно никак не среагировав на прикосновение. И тогда я решила на маленькую вольность: рывком дернув парня на себя, я стремительно обхватила его за шею и поцеловала. Рэн замер и так и стоял бездушной куклой, все то время, пока я целовала его лицо и умоляла вернуться ко мне. Рядом протяжно выл Мрак, нагнетая обстановку.

— Илна уже пыталась. Не помогло, — флегматично заметил Ренар, когда я наконец-то его отпустила.

— Илну ты не любил, а меня любил.

— Уже и тебя не люблю... Ты закончила, или еще что-нибудь делать будешь? Спать хочется...

— Я верну его, обещаю, — прошептала я напоследок воющему лису, отступая от Ренара.

— Мне нужен гриф, достоверная информация о произошедшем во дворце, аудиенция у Третьего Императора и мои кинжалы... — без стука ворвалась я в кабинет Тареса, минуя сидящую в приемной секретаршу. — Я смотрю, не только ты пытаешься спровоцировать меня на возвращение.

— Я рад, что ты приняла верное решение, Инга, — довольно потер ладони Тарес. — К сожалению, грифа нет, но есть кое-что получше. Уверен, тебе понравится. Я покажу его чуть позже, сначала давай все же поговорим.

Через пару часов, когда я вытянула из Тареса всю информацию о произошедшем за время моего отсутствия и почти перестала на него злиться, мы наконец спустились к конюшням, где меня поджидал обещанный сюрприз.

— Ты точно не можешь дать мне грифа? Я же знаю, что у тебя есть парочка, для особых случаев и особых людей, — в который раз переспросила я магистра. — На лошади будет очень долго.

— Увы, мой друг, свободных грифов нет, — все так же грустно отвечал Тарес, делая виноватое лицо. Но когда мы подошли к конюшням, он широко улыбнулся. — Но у меня есть кое-что получше — Там, в самом дальнем углу. Тебе понравится — подтолкнул меня друг. — Я подожду тебя у входа.

Я осторожно шла вдоль стойл с лошадьми, касаясь перегородок. Заметила даже парочку гайеров, нескольких сильдов, одинокого цлака. А потом...

В самом углу, на свежей подстилке, свернувшись калачиком и накрывшись крылом,

спал белоснежный грифон.

— Никс... — ошарашено пробормотала я, опускаясь на колени перед ним.

Грифон поднял голову и посмотрел на меня. Искра узнавания мелькнула в глазах. Крылатый рывком поднялся и радостно заклекотав боднул меня лобастой башкой. Я чуть не отлетела к противоположному углу стойла, но меня подхватил Тарес.

— Спасибо за него... — прошептала я, прижимаясь к грифону.

— Он появился за пару дней до Мёрке, и нашли его там же, где и ицури. — Тарес подошел и погладил грифона у основания крыла. — Все еще веришь в случайности? Или наконец признаешь, что кто-то очень хитрый хочет твоего возвращения, умело дергая за нужные ниточки. Я всего лишь орудие...

— Ульна, — зло процедила я, сжимая кулаки.

— Возможно. Спорить не буду. Не зря же и грифон твой вдруг так вовремя объявился, хотя ты говорила, что его убили, и Ренар неожиданно выжил, и Аманда активизировалась... и все это в одно время...

— Ну что, малыш, летаем? — вместо ответа погладила я Никса по клюву, заглядывая ему в глаза. Тот, радостно курлыкнув, повернулся боком.

— Может все же воспользуешься седлом и страховочными ремнями? — уточнил Тарес, видя как я карабкаюсь на спину своему «коню»

— Эта птичка неволи не любит. Думаю, он не позволит мне упасть. Долетели же мы через океан как-то, — похлопала я Никса по шее, устраиваясь поудобнее. — Уверен, что меня пропустят к Императору?

— Да. Если сумеешь доказать кто ты такая. Твоя Жемчужина там.

Никс, оттолкнувшись, взмыл в небо, а я еще раз помахала на прощание Таресу и вышедшим проводить нас студентам. Еще бы, не каждый день увидишь белоснежного грифона. Такие почти не встречаются в природе, потому как их обычно забивают сразу, как самых слабых и недееспособных. А еще реже можно увидеть человека, верхом на белоснежном грифоне. Практически никогда.

Высокий черноволосый мужчина вошел в зал, где сидел один из трех правителей Шконзе — человеческих земель.

— Вейта Инга, по рекомендации Магистра Тареса и Ингемара — второго Императора, управителя славного Нёттере. — объявил вошедший.

Вскоре после этого в зал зашла девушка, закутанная в длинный плащ коричневого цвета. Глубокий капюшон скрывал лицо и волосы. Мягкая, уверенная походка, четкий шаг, высоко поднятый подбородок.

Остановившись в паре шагов от правителя, она поклонилась, преклонив колено, но быстро выпрямилась.

— Мое почтение, Рэгнволд, Третий Император Шконзе.

— Зачем прекрасная вейта пожаловала в Хийтолу? — задал он вопрос, проигнорировав приветствие пристально глядя на вошедшую.

Взгляд словно сканировал девушку изнутри. Она почувствовала, что ей вдруг необъяснимо сильно хочется рассказать сидевшему на троне мужчине все-все-все, начиная с самого своего рождения, сознаться во всех своих грехах. Мысленно выдохнув и установив ментальную стену, не раз спасавшую от подобных взглядов, Инга смело взглянула в глаза правителю. Тот едва заметно улыбнулся, понимая, что его маленькую хитрость раскрыли, во

взгляде проскользнуло уважение.

— Мое имя Инга, более известная как Ледяная Жрица. До меня дошли слухи, что у Вас находится вещь, когда-то принадлежавшая мне. Я хочу ее забрать.

— Нужно быть либо очень наглым, либо очень глупым, чтобы назвавшись самой Игерд, заявиться к правителю, во дворце которого совсем недавно произошло ритуальное убийство, да еще и с требованиями. — правитель откинулся на кресле, скептически разглядывая пришлюю. — Мне нужны доказательства, что именно та, кем назвалась и вправе требовать.

Девушка скинула с плеч плащ. Хрупкая фигурка, затянутая во все белое: узкие штаны, короткая куртка, плотно облегающая фигурку, на руках кожаные длинные перчатки без пальцев. Длинные светлые волосы заплетены в косу.

Выпрямившись и гордо вздернув подбородок, она, глядя в глаза правителя, гневно произнесла:

— Я ничего не требую, лишь прошу вернуть то, что принадлежит мне!

— Вот как... — протянул Правитель. — Насколько я знаю, Игерд погибла несколько лет назад. Поэтому, прежде чем вернуть то, что принадлежало ей, я бы все-таки хотел убедиться, что ты и есть Ледяная Жрица.

Девушка начала стягивать перчатки.

— Возможно, эти шрамы вас убедят, — она продемонстрировала Рэгнволду обе ладони, на которых от указательного пальца, вдоль линии жизни, до середины предплечья шли два глубоких багровых шрама. — Они сделаны кинжалом, который сейчас находится у вас.

— Шрамы — еще не доказательство, — протянул лениво Правитель, а затем сделал едва уловимое движение рукой.

К ногам девушки, звякнув, что-то упало.

— Ритуальное оружие не может причинить вред своему хозяину, если хозяин сам того не желает, — насмешливо улыбнулась девушка, поднимая с пола упавший кинжал. — А Гретхен все еще принадлежит мне. В ней часть души. Теперь я могу его забрать и уйти?

— О, не лишайте же меня чуда, — улыбнулся Рэгнволд, — у меня в гостях сама Лаара Игерд и...

— Инга. На самом деле меня зовут Инга, — перебила его девушка. А Жрица погибла полтора года назад на жертвенном алтаре.

— Ну хорошо, лаара Инга. Я прошу тогда разделить трапезу с моей семьей, а завтра, если будет угодно, отправитесь домой. Заодно обменяемся информацией. В моем дворце творятся странные дела.

Двое Ааш'ту сидели за столом, играя в карты. Прошло больше двух недель, как они расстались с Ингой. Девушка почему-то не торопилась их навещать, хотя Кир был уверен, что она объявится через пару дней после их ухода.

Вдруг Дариан отложил карты и насторожился.

— У нас гости, — тихо сказал он и направился к выходу из избушки, доставая на ходу ручной арбалет. Кириан, немного замешкавшись, достал короткий меч. Левую руку он оставил свободной.

Выйдя из хижины, они слышали клекот и звук хлопающих крыльев. На полянку около

хижины приземлился грифон-альбинос. С него легко и грациозно прыгнула девушка, одетая во все белое. Волосы спрятаны под капюшоном. Движения легкие, точные, уверенные. Поцеловав грифона в основание клюва, она направилась к ним.

— Инга?

— Леда?

Два удивленных голоса слились в один.

— Привет. Я тоже рада вас видеть. И очень жажду поговорить. — сказала девушка, заходя в хижину.

— Белый грифон... человеческая девушка... — вслух попытался собраться с мыслями Кир, а потом вдруг его осенило — Инга, ты.....

— Кир, заткнись! — грубо оборвала его девушка, заходя в дом. — Все вопросы потом. Быстро в хижину!

Они, пребывая в легком ступоре, смотрели ей вслед. Так сильно отличалась та Инга, что они встретили в таверне от этой. Небо и земля. Они познакомились с мягкой, немного застенчивой и стеснительной, а сейчас перед ними была решительная, уверенная в себе девушка-воин, умеющая постоять за себя

— А это точно та самая Леда? — решился спросить Дариан. — Что-то она не похожа на ту, которую мы видели недавно.

— Да вроде та, — недоуменно ответил Кир. — Пойдем, послушаем, что она скажет.

Инга стояла в центре комнаты, облокотившись о край стола, и держала в руках какие-то бумаги. Парни зашли и расположились на стульях напротив.

Кириан судорожно сглотнул. Не нравился ему этот взгляд и эта улыбка.

— Ну что ж, братцы кролики, а теперь поговорим, — мрачно улыбнулась знакомая незнакомка. — Расскажи-ка Дариан, младший сын советника Клана Стихий, за каким лядом ты сбежал из Академии? А заодно, поведайте-ка мне, дети клана Стихий, по какому поводу вас ищут имперские слуги, и чем вы не угодили грокханам?

— Откуда ты... — ошарашено выдавил из себя Дариан.

— Оттуда. Друзей много. Поведали, — резко оборвала его девушка, швыряя на стол какие-то бумаги. — Вот. Держите, вас больше не ищут. Завтра на рассвете отправляетесь домой. Отец знает о твоём прибытии, Кир.

— Я не поеду домой! — упрямо заявил Дариан.

— Поедешь, — флегматично ответила она ему. — Ну, если конечно хочешь продолжить обучение в Академии. А Кириан тебя уговорит, а заодно и сопроводит, если хочет остаться представителем Ааш-ту в человеческих землях. И да, по поводу причины и нежелания возвращаться на родину, мы поговорим отдельно, Кир. Я знаю про твоё тайное задание.

— Ты не ответила, откуда ты все узнала? — повторил свой вопрос Дариан.

— На самом деле все очень просто. Потолкавшись на ярмарке и пособирав слухи, я узнала, что народ в Хийтоле взбудоражен громким происшествием во дворце, а имперские воины ищут двух Ааш-ту за якобы совершенное одним из них убийство, причем с покушением на Второго Императора. Поговорив с местным магом, выяснила, что в столицу недавно прибыл знакомый мне ааш-ту с целью заключения торгового договора с Империей Хизар. В честь прибытия посла был дан Бал. А на следующее утро стража обнаружила убитую дочь одного из членов Совета, которую видели танцующей с ааш-ту и с ним же удалившейся с бала. Девушка оказалась не просто убитой, а с помощью ритуального кинжала Ледяной Жрицы — Гретхен. А сам ааш-ту, перед этим так опрометчиво хвастающийся, что

однажды сумеет вернуть Жрицу и демонстрирующий кинжал, исчез из дворца. У Тареса я узнала, что накануне сбежал и один из студентов Академии, приходящийся глупому синеволосому ааш-ту братом. Причем исчезновение студента совпало с похищением той самой Гретхен, хранящейся у магистра... Кир, ты уверен, что ты в бегах потому, что боишься гнева Аманды?

— Очень смешно, — скуксился Кириан.

— А вот, кстати, чуть не забыла. Дариан, не подскажешь, зачем тебе понадобилась Гретхен?

— Я не брал.

— Боги! Дариан, ты ведешь себя как малолетний ребенок! — вздохнула девушка. — перестань врать. Так зачем тебе понадобилась Гретхен?

— Я сказал ребятам в Академии, что смогу вызвать дух Исгерд, — надулся Дариан, — говорят ее душа переселилась в Гретхены после смерти.

— Зачем тебе понадобилась бедная Ледышка?

— Я...Ну... — замялся парень.

— Ага. То есть Белую Гретхен ты тоже нашел? — скептически посмотрела Инга на него.

— Белую Гретхен? — непонимающе уставился на меня Кир.

— Ну да. Для ритуала вызова нужны ведь оба кинжала. — Видя ошарашенный и непонимающий взгляд друга, девушка снова вздохнула: — Изначально была создана Черная Гретхен, но Ледышка не смогла пользоваться ритуальным кинжалом в полную силу, потому что он был создан для боли и смерти и использовался для убийства живых существ. Поэтому же, ваша Ледяная и не смогла пройти обучение до конца и стать настоящей жрицей Ульны. Но существует еще одна Гретхен — Белая, созданная в ночь смерти вашей жрицы. К сожалению, или счастьем, этим кинжалом Ледышка так и не успела воспользоваться.

— Она еще и убийцей была? — ошарашено пробормотал Дариан. Видимо этот кусочек биографии Исгерд ему был незнаком.

— А ты думал, она была вся такая белая и пушистая? — усмехнулась Инга. — О чем это я? Ах, да. О кинжалах... Поскольку они были сделаны на крови, в каждый вложен кусочек души, то и для ритуала вызова духа тебе нужны оба кинжала. Так ты уже нашел Белую Гретхен?

Дариан отрицательно помотал головой. Кириан пребывал в какой-то прострации, задумчиво глядя в окно.

— Держи, — девушка бросила на стол два абсолютно одинаковых ритуальных кинжала в форме женских фигурок, с той лишь разницей, что один из них был матово черный, а другой цвета белого серебра. — Ты это, когда Ледяную Жрицу вызывать будешь, не забудь меня пригласить. Хочу посмотреть, как она тебе уши поотрывает...

Удивленные мордахи обоих ааш-ту стояли той театральщины, что я устроила.

— Но как? Откуда? — удивленно пялился на Гретхены Дариан. Кириан же пытался прожечь во мне взглядом дыру.

— Ну ты пока вызывай, а я пойду Никса на охоту отпущу. — ухмыльнулась я, выходя из избышки.

— Я так и знал, что это ты, — Кириан вышел вслед за мной.

— Давно? Что же меня выдало?

— Всегда знал. С того момента, как увидел в больничном крыле. У вас глаза одинаковые. И глупая тяга к самопожертвованию во имя других. Хотя твое исчезновение меня изрядно смутило. Я даже искал тебя.

— Дурак ты, Кир, — я погладила Никса и сняла с крылатого ошейник, на который свободолюбивый грифон согласился крайне нехотя, но так мне удобнее было удерживаться верхом. Никс курлыкнул и улетел.

— Ты ведь поэтому так старательно ухаживал за мной? Потому что папочка приказал заполучить любыми путями жрицу? И кинжал прихватил для этого же? У тебя своя причина для моего возвращения, именно поэтому и ухватился за предложение Тареса? Но ведь я — не она. Или ты думаешь, что если бы влюбилась без памяти — снова стала бы для тебя жрицей? Поэтому и огненного своего притащил, думал, если на тебя не купилась, на него точно поведусь? — напирала я на Кириана.

— Инга, я ведь уже говорил — среди ааш-ту не бывает жриц. А тут был такой шанс заполучить тебя — жрицу с эмоциями, жрицу, которой можно управлять. Это политика, понимаешь? К тому же, до этого я не знал тебя...

— Ты даже не отпираешься, Кириан, не пытаешься доказать, что это все ложь и клевета, — я с грустью усмехнулась и отошла от Никса подальше, давая ему возможность взлететь.

— Зачем? Мы ведь оба понимаем, что это правда. Ты стала слишком известной, Исса, многие хотят заполучить тебя — Ледяного Стража, бесстрастного карателя, вобравшего в себя мощь богини. Ты сбежала туда, в непролазную глушь на задворках страны, закрылась от мира и не видела какую охоту объявили на пропавшую Ледяную Исгерд сильнейшие мира, особенно после того, как Тарес прославил тебя, опубликовав свою исследовательскую работу по первой «живой» жрице. Ты нравишься мне, и я бы действительно хотел, чтобы у нас все получилось. Но я сын своей страны, политическая пешка.

— Я рада, Кириан, что завтра ты вернешься к своим, и мы расстанемся именно на этой ноте: уже не друзья, но еще и не враги. В Империи Хизар Аманда тебя точно не найдет. У вас сильные боги.

— Позволь мне сначала увидеть Исгерд.

— Для чего? Поверь, той Исгерд, которая вернется, будет все равно и на тебя, и на всех остальных. К тому же, ее время еще не пришло. Для начала мне надо сделать кое что. Отдыхай, Кириан. Завтра за вами прилетят грифоны отца.

— Как ты все это узнала? И как тебе удалось замять историю с убийством? На кинжале и на девчонке мой отпечаток ауры.

— Ты не мог ее убить. Вернее, убить так, как она была убита, потому что это ритуальный кинжал, и воспользоваться им могла либо сама Ледяная, либо одна из жриц Ульны. Поскольку Ледышка официально мертва — оставалось найти жрицу, косящую под нее. Ею, кстати, оказалась бывшая любовница советника, впавшая в немилость. Убив дочь советника, она отомстила таким образом отвергнувшему ее мужчине. Советник, увы, тоже найден мертвым.

— Инга, я должен ее увидеть. Позволь мне остаться.

— Увы, Кириан, я уже поставила в известность твоего отца. Он ждет. Ты еще встретишься с ней, но позже. Тогда и расскажешь, как сильно скучал. Я-то вряд ли запомню. Память у нас, конечно, общая, но эмоции и чувства разные. И нам обеим, увы, все равно...

— Ты жестока.

— Ты тоже не о доброте думал, когда меня соблазнить пытался. Доброй ночи, Кириан. — Я негромко свистнула, подзывая Никса, и вернулась в дом.

— Что Дариан, не получается? — участливо поинтересовалась я у парнишки гипнотизирующего кинжалы. — Прежде, чем вызывать кого-то, поинтересуйся, хочет ли этот кто-то вернуться.

Я забрала Гретхены, пряча их в рукавах, чувствуя, как они ластятся, поют свою песнь, просят свободы, и вышла на улицу, махнув на прощание Кириану и взбираясь на подошедшего грифона.

Глава 16

— Здравствуй, Инга. — вкрадчивый голос раздался за моей спиной. — Я знала, что ты придешь.

— Здравствуй, Ами. Могу я называть тебя так? — я медленно повернулась, натянув на себя ухмылку. — Давно не виделись. Как здоровье?

— Хм... Искерд была посимпатичней, — ослабилась Аманда в ответ, проводя пальцем по своему лицу.

— Ты тоже теперь не красавица, — вернула я колкость, отмечая произошедшие с бывшей богиней изменения. — Мне не мешают шрамы. Зачем искала? Столько лет тишины и вдруг объявилась?

— Искерд забрала у меня одну очень важную вещь. Отдай.

— Ты же знаешь, что не могу.

— Ты — нет, а Страж — вполне. И поскольку Ула нашла способ вернуть свою игрушку, я бы хотела получить брошь. Этот мальчик... Рэн, кажется... Он сильно тебе дорог?

— Тронешь его — и я тебя убью!

— Уже боюсь. Верни мой амулет, и я оставлю тебя в покое, и даже замолвлю за вас словечко перед Улой.

— Он столько времени не был тебе нужен, почему именно сейчас?

— Потому что именно сейчас я получила возможность вернуться. Амулет, Инга, и я оставлю мальчишку и всех твоих близких в покое.

— Будьте вы обе прокляты!

— Мы и так прокляты, даже больше, чем ты думаешь, Страж. — горько усмехнулась Аманда. — Приятно было повидаться, жрица, но мне пора. Я буду приглядывать, чтобы ты не натворила глупостей.

Аманда, поднялась с камня, бывшего когда-то алтарем и исчезла в зарослях шиповника, буйно разросшегося здесь за последнее время.

Я осталась стоять у ног разбитой статуи. Тяжело было прийти сюда, на пепелище, после стольких лет, но я все же нашла в себе силы.

Поляна заросла травой, дикий шиповник завоевывал все большую территорию, надежно скрывая следы прошлого, вот только память так просто не сотрешь...

Я помню все, до мельчайших деталей... Вот здесь упал Вир, а вот тут остался Рэн, здесь погибла Тея... а здесь умерла я...

Кусты зашуршали, отвлекая от воспоминаний, и на поляну вывалился Мрак. Лис тут же уселся у моих ног и протяжно завыл.

— Эй, ты же не волк, чего воешь? — погладила я его, присаживаясь на корточки. —

Или ты тоже тоскуешь по ушедшим? Чувствуешь смерть? Где твой хозяин?

Мрак фыркнул, положил мне морду на колени, вытаращив свои желтые глазищи, и снова заскулил.

Немного погодя на поляну вышел и Ренар. Остановившись от меня в двух шагах, он тоскливым взглядом обвел поляну и вздохнул.

— Ты помнишь, что здесь произошло? — подошла я к Рэну, робко касаясь его плеча.

— Нет. Не помню. — обернулся Ренар, делая шаг назад и отстраняясь. — Но Мрак постоянно сюда удирает. Он тоскует, а я чувствую его эмоции.

— Рэн, всё так странно... ты здесь, рядом, живой, но так далеко. И я не знаю, как тебя вернуть и не потеряться самой... — Я снова встала рядом с ним, наблюдая за Мраком, уткнувшимся в алтарный камень и что-то сосредоточенно там вынюхивающим. — Если бы только я была уверена, что возвращение Ледяной вернет тебя, я бы пошла на это не задумываясь... но, вдруг все напрасно?

— Не попробуешь — не узнаешь, — неожиданно улыбнулся Ренар.

— Т-ты так думаешь? — растерялась я от этой внезапной эмоции.

— Нет, но так обычно говорят, — Ренар стер с лица улыбку и снова стал серьезным. — Тарес сказал, мне надо чаще общаться и проявлять эмоции, тогда я смогу вспомнить и почувствовать. Я просто пытаюсь следовать рекомендациями, хотя не понимаю, зачем мне это. Всё вполне хорошо и так...

— Ох, Ренар, если бы я могла все вернуть... — я взяла его за руку, заглянула в темные глаза, пытаюсь найти в них хоть намек на прежнего Рыжика, не удержавшись, коснулась ладонью лица, убирая со лба непослушную прядь волос. — Ты... Ты был идеальным. Я... любила тебя.

— А сейчас?

— И сейчас.

— Тогда ты обязательно сможешь, просто верь в себя, — Рэн накрыл мою ладонь своей, но взгляд его остался пустым и чужим. — Извини, нам пора. Мои надзиратели не одобряют, когда мы с Мраком сбегает, говорят, это опасно. Еще увидимся.

Похлопав меня по руке и улыбнувшись пластмассовой улыбкой, Ренар свистом подозвал лиса и скрылся в кустах, из которых недавно вышел, а я опустилась на траву и уткнулась лбом в колени.

— Всё слышала? Знала, что он сюда придет? — спросила я, не поднимая головы.

— Он каждый день сюда приходит, с тех пор как вернулся. Иногда бродит здесь часами, иногда — всего на пару минут, забрать сбежавшего лиса, — Аманда выскользнула из кустов и присела рядом. — Как ты поняла, что я не ушла?

— Почувствовала. Теперь это просто.

Было так странно сидеть рядом с богиней, молчать и думать о своем.

— Аманда, я смогу вернуться обратно? Смогу стать собой? Ты поможешь? — повернула я голову в ее сторону.

— Может тебе настолько понравится, что не захочешь возвращаться? — ответила она вопросом на вопрос, продолжая разглядывать осколки статуи и бывший алтарь. — Ты странная. Я забрала твоих парней, а ты ненавидишь Ульну и просишь меня о помощи.

— Не пытайся быть хуже, чем ты есть, Аманда. Я умирала дважды, я была тобой, здесь, на поляне, я видела... Эти жертвы нужны были не тебе, а Ульне. Мальчишки оказались тем маяком, что удерживал меня среди живых, а ей хотелось послушную жрицу.

— Именно поэтому Видар каждый месяц приносил на алтарь детей Ульны? — криво усмехнулась она, с любопытством меня разглядывая.

— Они всего лишь бесчувственные куклы. Я видела их, говорила с ними. Но я-то нужна была живой, да и смерти Видара ты не желала. Он думал, что обхитрил всех, спас меня из твоих лап, а на самом деле угодил в ловушку Ульны...

— Не делай из меня светлую, девочка. Я — дочь Темных лун, у моих статуй льется жертвенная кровь безвинных, я покровительствую некромантам, тем, кто берет силу из смерти... Я убила твоего лиса и подругу-магичку.

— Да, я это помню, и обязательно спрошу с тебя. Но ты еще та, кто этого лиса вернул... то, что от него осталось, но и за это спасибо. Вир ведь тоже?

Аманда резко вскинулась и пристально изучающе посмотрела на меня, как будто пыталась прочесть мысли.

— Говорю же, почувствовала, — пожала я плечами в ответ на ее невысказанный вопрос. — я была тобой, помнишь? На мгновение, но и этого достаточно.

— Ну и как теперь тебя шантажировать, чтобы ты вернула мне брошь? Хотя...я вернула, я ведь могу и забрать... — Аманда изобразила угрожающий оскал.

— Не надо шантажа. Я верну твой амулет, а ты поможешь мне снова стать собой. Не хочу быть ее куклой... Поможешь ведь?

Аманда долго молчала, что-то решая, пытаюсь все предусмотреть:

— Если ты вернешь брошь, то да, я помогу вырваться из сетей Ульны. Мне не нужна за спиной такая проблема, как ты, Жрица. Но не обещаю, что сможешь стать прежней...

— Я согласна, — поспешно выпалила, протягивая ладонь

— Хм, странная штука, — загадочно улыбнулась Аманда, отвечая скрепляющим рукопожатием, — когда-то ты сама говорила, что принадлежишь Ульне и жрицы не меняют покровителей, а вот теперь собираешься пойти против той, кто тебя создал.

— Она меня разрушила...

— Мне даже немного жаль сестру, но она никогда не была хорошим стратегом, и плохо разбирается в людях, — пугающе расхохоталась Аманда. — До встречи, Ледяной Страж.

Аманда наконец исчезла, больше не прячась по кустам и не выжидая. Я чувствовала ее уход. На душе было мутно.

Кажется, я только что снова влезла между двух богинь, только на этот раз я играю черными.

Если бы я могла — я бы заплакала, но сестры-богини лишили и этого.

Посидев еще немного в тишине, я достала кинжалы и стянула с шеи мешочек с жемчужинами. Что ж, думаю сейчас подходящее время и место, чтобы вернуть Ледяную Жрицу.

Руки дрожали, жемчужины никак не хотели ложиться в паз. Я боялась, но понимала, что возвращение ледышки неизбежно. По-хорошему, следовало сначала найти Виру и поговорить с ним, помнится, он очень бурно реагировал на меня как на жрицу. Кто знает, как поведет себя сейчас.

Увы, времени на поиски почти не осталось. Ульна наверняка уже прознала про мое соглашение с Амандой и попытается убрать Ренара. Я не могу его потерять во второй раз.

Кое-как стянула перчатки, рассматривая изуродованные ладони, со следами от ожогов и

порезов. Кожу на обугленные когда-то пальцы целители Нёттере нарастили, а вот чувствительность вернуть не смогли.

— Ис. Сса-а. Гьерд. Уна. Ирри. Моро. — зашептала я полузабытые руны, ведя одним из кинжалов по старому рубцу, вдоль линии жизни, до середины нижней трети предплечья.

Белая Гретхен, еще спящая, ни разу не пробовавшая моей крови, радостно встрепенулась, откликаясь на призыв, затягивая свою песнь.

Кровь, словно нехотя, медленно заструилась по ладони, частыми тяжелыми каплями капая в подставленный черепок. Нанести ровный порез на второй ладони оказалось сложнее, но Черная Гретхен справилась.

Так странно осознавать, что мои кинжалы уже не просто оружие — они часть меня, в них кусочек моей души, моя суть, которая тесно сплелась с заключенной в одну из Гретхен еще одной душой, став единым целым.

Обе Жемчужины затянули свою песнь, звеня от напряжения, органично вплетаясь в мой зов, уютно расположившись в ладонях, ластясь и обещая.

— Сса. Амо. Орви. Меня зовут Исгерд — Ледяная Жрица, — закончила я призыв фразой-ключом. — Прощай, Инга... — едва слышно прошептала, чувствуя, как стремительно меняется мир, затягивая в калейдоскоп новых ощущений, как сползает, словно змеиная кожа, ненужный облик искалеченной девчонки с пустым резервом, возвращая мне прежний — беловолосой жрицы с глазами цвета свинцового неба и сердцем покрытым ледяной броней.

— Я — Исгерд. И я вернулась.

Жрица с удивлением посмотрела на руки, отмечая произошедшие изменения: от центра ладони к запястью шла странного вида татуировка — словно кто-то плеснул расплавленного металла в ладошку, и он впитался под кожу не полностью, образуя причудливые узоры, чуть выступая на поверхности. Она поскребла необычное украшение ногтем, постучала по нему пальцем.

— Брошь. Ну и как я теперь должна ее возвращать? Руку отрубить? — недовольно произнесла она, попытавшись подковырнуть новое приобретение кончиком кинжала. — Впрочем, разберусь с этим позже.

Громко свистнув, Исгерд подозвала грифона, сначала испуганно шарахнувшегося и ощерившегося, но вскоре все же признавшего свою хозяйку, легко вскочила на подставленную спину и взмыла ввысь, держа путь к храму Ульны. Она уже не видела, как на поляну, сразу после ее отлета, вышли двое.

Подходящая жертва, необходимая для вызова Ульны, все никак не попадалась. Жрица прочесывала периметр города вот уже третий час, но Нёттере, словно почувствовав возвращение Ледяной, надежно прятал своих порочных детей.

Она прошла один темный переулок, второй третий... Юркнув в зияющий черным зевом проход замерла и прислушалась: шурх, шурх, шурх.

Исгерд предвкушающе улыбнулась. Шаги не показались. Кто-то целенаправленно шел за ней.

Черная ткнулась в ладонь, обещая скорую расправу, Белая Жемчужина тихонько зазвенела в унисон, иногда сбиваясь и предлагая оставить в живых.

— Кто такой и зачем следишь? — лезвие Гретхен уперлось в глаз.

— Эй, крошка, полегче! Я друг! — из-за маски скрывающей всю нижнюю половину лица, послышался приятный, но насмешливый голос. — Лезвие убери и давай поговорим.

— У меня нет друзей. Говори, зачем шпионил.

Незнакомец был одет как воин-наемник, но характерная маска, обилие припрятанного по потайным карманам оружия, часть которого Исгерд все же успела заметить, и убаюкивающие интонации, выдавали в нем скорее ночного убийцу, чем честного вояку.

— Эй, Колючка, говорю же, я друг. Напарник теперь твой, — мужчина сделал хитрое движение, и вот уже Исгерд в захвате, и к горлу прижимается острое лезвие тонкого стилета. — Деточка, мы работаем в паре, будь чуть поласковее и сможем избежать конфликтов.

— Откуда ты взялся, напарник? — вывернулась жрица и замерла в оборонительной позе, выставив оба кинжала.

— Одна общая знакомая послала проследить, чтобы не натворила глупостей, а то, поговаривают, ты совсем отмороженная, жрица.

— Вот же... — выругалась Исгерд, но кинжалы опустила. — Ладно, двигай за мной, не только тихо. Мне нужна жертва. Будешь мне мешать — сам станешь ею.

— Это вряд ли, Колючка, — усмехнулся новоявленный напарник. — Я сильнее.

— Проверим? — тут же завелась Исгерд.

— А ты все так же легко покупаешься на подначки, — снова хмыкнул мужчина. — Ни капельки не изменилась, Ледышка.

— Мы были знакомы раньше? Как твое имя?

— Сомневаюсь, что мое имя тебе знакомо, хотя мы и пересекались пару раз в прошлой жизни.

— В прошлой? Ты... Ты тоже...? — Исгерд потянулась к лицу мужчины, намереваясь сорвать маску

— Создание богини? — незнакомец отстранился и перехватил руку жрицы. — Не без этого. Жить захочешь, и не на такое согласишься...

— Покажи лицо! — требовательно выкрикнула жрица, снова пытаясь сорвать маску.

— Спокойно, Ледышка, мы здесь не для любования друг другом, — перехватил ее мужчина, зажимая в захвате и не давая пошевелиться. — Ты вроде пацана своего спасать собралась, так иди и спасай...

— Я собиралась отомстить Ульне и вернуть чокнутой Аманде ее побрякушку... Но теперь я передумала. Ульна обещала мне дар.

— Вот поэтому я и здесь, тыковка. Не дать тебе натворить глупостей. — Незнакомец прижимал ее к себе с такой силой, что даже сквозь одежду Исгерд чувствовала жар мужского тела и стук его сердца.

— Отпусти, идиот! — зашипела она, пытаясь достать обидчика одной из Гретхен.

— Мёрви... Можешь называть меня Мёрви, — хмыкнул он и отпустил девушку. — Вот и познакомились. А сейчас зови своего грифона и полетели, у нас еще много дел.

— Не командуй! Бесишь! — раздраженно фыркнула Исгерд и пошла вперед, гордо выпрямив спину.

— Рад, что вызываю у тебя такие горячие эмоции, тыковка, — хохотнул Мёрви ей в спину. — Значит еще не все потеряно.

— Слушай, ты! — снова взорвалась девчонка, выхватывая кинжалы, замерцавшие рунами. — У меня есть имя — Исгерд. Не Тыковка, не Ледышка, не Колючка. Исгерд. Уяснил?

— Воу, воу, полегче, милая, — в притворном жесте поднял руки Мёрви. — Я не думал,

что ты такая обидчивая...

— Заткнись и иди молча! — угрожающе ткнула кинжалом Исгерд. — Еще раз что-нибудь вякнешь и точно пойдешь на алтарь в качестве жертвы Ульне.

Мёрви промолчал, так и замерев с поднятыми руками, но по его смеющимся глазам, частично скрытым темными спутанными волосами и небрежной позе, было понятно, что мужчина ее ничуть не боится.

— Ты такая сексуальная, когда злишься, — выдал он поравнявшись со жрицей и вдруг неожиданно исчез.

Исгерд сдавленно зарычала, сжав кулаки и озираясь вокруг, но Мёрви исчез так же внезапно, как и появился.

Ну что ж, раз надзирателя больше нет, можно теперь и наведаться к Ульне.

Жертва так и не нашла, но может покровительница и без нее снизойдет до общения с любимой дочерью.

Двери обители Ульны не раскрылись, приветствуя блудную дочь, Исгерд вообще не смогла порог переступить и войти в лоно храма, как ни пыталась.

— Что за...? — удивленно ходила она вокруг, пытаясь понять, что случилось.

— Не получается? — раздался позади участливый голос Мёрви

— Опять ты, — устало вздохнула Исгерд, оборачиваясь. — Чего надо?

— Я знаю, почему ты войти не можешь, — противно усмехнулся мужчина. — Ты, если подумаешь немного, тоже поймешь...

— Неужели у Аманды не нашлось в надзиратели кого-нибудь менее раздражающего? — вздохнула Исгерд.

— Я позволяю тебе чувствовать себя живой, детка, — Мёрви нагло приобнял жрицу за талию и хитро подмигнул.

Исгерд сжала челюсти так крепко, пытаясь справиться со странными чувствами, что казалось еще немного и зубы раскрошатся.

— Давай, милая, выпусти пар, скажи все, что ты обо мне думаешь, — подначивал ее нахал.

— Изыди! — буркнула жрица, и, заметив неподалеку своего грифона, поспешила скрыться от раздражающего напарника.

— Аманда! — мой голос звонким эхом разнесся по поляне. — Я знаю, что ты здесь, выходи!

— Где мне еще быть? — вздохнула свергнутая богиня, появляясь за моей спиной. — Ты сама заперла меня здесь.

— Не прибедряйся, по Нёттере ты свободно передвигаешься. Просто чашу покинуть не можешь, поводок не дает.

— Вот спасибо, благодетельница, — насмешливо поклонилась Аманда. — Зачем пришла?

— Я вернула жрицу...

— Знаю.

— Но сейчас я не жрица, Аманда! — немного истерично выкрикнула я, демонстрируя свои изувеченные руки. — Ульна говорила, что насовсем, а я снова вернулась. Сама.

Внезапно, понимаешь? Как такое может быть?

— Не знаю.

— Аманда!

— Что «Аманда»? Попробуй описать, как это произошло.

— Если бы я знала... Помню обрывки: как разбудила жрицу, как она собиралась к храму, получить обещанный дар Ульны, как появился какой-то мужик, наговорил гадостей, а потом бац, и я снова я.

— Вот же прохвост! — Аманда вдруг звонко расхохоталась.

— Аманда?

— Все нормально, Инга. — отсмеявшись, продолжила богиня. — Ты принесла мне брошь?

— А вот тут возникла маленькая трудность... — замялась я. — Твой амулет вплавлен в тело жрицы, и я не знаю, как его достать.

— Тогда жрицу придется вернуть, — вмиг стала серьезной Аманда. — Ты же помнишь наш уговор?

— Давай только не сегодня. Это, между прочим, больно, — вздохнула я. — Я хочу побыть немного с Рэном.

— Завтра на рассвете. Поторопись, Инга, у меня слишком мало времени. — жестко бросила Аманда и исчезла.

— Вот противная, — вздохнула я, поднимаясь с земли и подзывая Никса.

— Вейта Инга. Вейта Инга! — догнал меня голос Феса у дверей общежития.

— Привет, найденыш, — улыбнулась я мальчишке. — Как твои дела в школе?

— Вейта Инга, будьте моим опекуном! — выдал мальчишка, едва добежал до меня.

— Даже так? С чего бы это? — опешила я. — Зачем тебе опекунство?

— В кадетскую школу боевых магов хочу поступить, а там нужен покровитель или родители, которые поручится могут. А магистр Тарес отказался за меня ручаться, — сник мальчишка и протяжно вздохнул. — А там набор как раз идет... Меня даже слушать не стали...

— Сколько?

— Чего сколько? — не понял Фес

— Оплата за твое обучение сколько? Тебе ведь за этим нужен поручитель?

— Я отработаю все, честно-честно. Я способный, а у них там стипендия есть... А если не будет опекуна, то отправят в социальную школу для неблагополучных подростков...

— Как быстро ты распробовал хорошее, — усмехнулась я, понимая, что мальчишка раскусил мои слабые места. — Идем уже... Где там твоя школа...

Обучение в школе оказалось недешёвым, но деньги у мальчишки были. После недолгих расспросов, Фес сознался, что обчистил общак местной воровской банды, за то, что те обзывали его смеском и изваляли в грязи на центральной площади.

— В школе будет нелегко. Боевики — это элита. Тебе еще не раз припомнят твое происхождение. К тому же там очень строгая дисциплина и за воровство могут покарать серьезно. Вполне возможно, что доучиться ты не сможешь, — предупредила я Феса у ворот кадетского корпуса.

— Это мой шанс, вейта! Пожалуйста! — горячо пробормотал мальчишка падая на колени.

— Встань уже, чучело, — потрепала я его по вихрам и постучала в ворота.

Экзамен Фес выдержал достойно, показав шестой результат среди поступающих, чем удивил не только меня, но и преподавателей.

Оформив поручительство и сдав мальчишку, я со спокойной душой, радуясь, что сделала доброе дело, отправилась в общежитие к Ренару.

Дождавшись короткого «Открыто!» в ответ на мой стук, я зашла в комнату.

Рэн сидел на кровати и читал. Мрак дрых рядом.

— Забавно, когда-то здесь жил Вирнан, теперь вот ты, — заметила я, присаживаясь на стул.

— Она была единственной свободной, и понравилась Мраку, — поддержал разговор Рэн, отвлекаясь от чтения. — Я испытываю странное чувство, когда ты приходишь... Вроде и неприятно, а вроде и хочется.

— Ты никогда не умел говорить комплименты, — хмыкнула я.

— Расскажешь мне о прошлом? — Рэн похлопал по кровати, приглашая меня пересесть. — Тарес говорит, мы дружили...

— Даже больше чем дружили, — хмыкнула я, перебираясь к нему. — Только выглядела я чуть-чуть иначе...

— Иногда мы с Мраком видим сны, в них часто мелькает девушка... такая холодная... Это ты?

— Чуть-чуть иначе... — снова повторила я в задумчивости, пропустив вопрос Ренара. — А что если... Если она...

В дверь постучали. Вскоре Рэн вернулся с посланием от Тареса для меня. Я озадаченно развернула белый листок бумаги на котором было написано всего четыре слова: «Хлеб пропала. Маяки сорваны.»

— Рэн, не хочешь немного прогуляться? — хмуро пробормотал я, комкая в руках записку. — Хочу показать тебе кое-что.

Мрак радостно запрыгал вокруг, демонстрируя полную готовность к прогулке.

Мы прошли с Рэном по окрестностям Нёттере, по памятным местам, и у каждого я ему рассказывала что-нибудь, надеясь пробудить хоть какое-нибудь воспоминание. прогулялись к храму Ульны, и снова я не смогла переступить порог. Рэн, кстати тоже, а Мрак и вовсе заскулил, так будто ему было невыносимо больно. С закатом солнца мы пришли на ту самую поляну.

Мрак, как и в прошлый раз, замер у разрушенного алтаря, Рэн присел на один из камней неподалеку.

— Ты что-то хочешь сказать? — участливо спросил Ренар, видя мои метания по поляне.

— Я хочу тебе кое-что показать, но боюсь... Твоя магия ведь осталась с тобой?

— Да. Не в той мере, что была, но огонь все еще верен мне, — Рэн попытался изобразить любопытство, но у него это плохо получилось.

— Тогда пообещай, что если попробую причинить тебе вред, ты убьешь меня, — я вложила в ладонь амулет с магической сетью и обездвиживающим заклинанием, сташенный у Тареса.

— Все так серьезно?

Мрак, растерянно завертелся вокруг меня, протяжно поскуливая.

— Ты не лис, то волкопес какой-то, — потрепала я его между ушами, улыбаясь.

Сделав два шага назад, я достала Гретхены.

— Ис...Сса... Гьерд... Уно. — зашептала я, неотрывно глядя на Ренара, делая надрезы на ладонях. Еще успела заметить его по-настоящему удивленное лицо. Мгновение обжигающего холода, секундная вспышка боли и мир снова меняется. Во второй раз уже легче.

Поляна оказалась пустой. Относительно пустой. Мальчишки и лиса, что привела сюда Инга не было, зато на краю возле кустов стояла Ульна.

— Здравствуй, мой маленький Страж, — радостно улыбнулась богиня. — Я же говорила, что ты однажды вернешься... Добро пожаловать домой.

— Не по своей воле вернулась, — равнодушно ответила Исгерд, поигрывая одним из кинжалов. — Но да, ты права, я рада возвращению. Скучала по своему облику. Тут мальчишка был. Не видела?

— Ты привела его в качестве жертвы?

— Хочешь убрать моими руками того, кто посмел вырваться из твоих цепких лап и вернуться. Зачем? Я уже его убивала однажды, разве этого недостаточно? Или ты боишься, Ульна? — жрица насмешливо взглянула на богиню.

— Протяни ладонь, Ледяной Страж и получи свой дар

Жрица с готовностью протянула руку и тут же вскрикнула от боли и затрясла кистью. Клякса, когда-то бывшая брошью, а теперь превратившаяся в подобие татуировки, заворочалась под кожей, расплываясь, меняя очертания, охватывая запястье, не давая коснуться богини.

— Как интересно... — протянула Ульна. — Ты сменила покровителя, маленькая лгунья. Увы, мой дар теперь не для тебя...

— Тогда и я тебе служить не буду, — хмыкнула Исгерд, обнажая в улыбке крепкие острые зубы.

— Захочешь вернуть лиса и девчонку, будешь, — вернула Ульна улыбку.

— Оставь себе. Я больше в эти игры не играю. — жрица махнула рукой и неспешно пошла прочь с поляны.

— А вот это ты, милая, зря, — раздался у нее над ухом приятный мужской баритон и чья-то сильная ладонь, зажав жрице рот, поспешно затащила девушку в кусты, скрывая от глаз богини.

Плеснул холодом по венам дар, зачесались руны на кончиках пальцев, засверкали гневом серые, как грозовое небо, глаза.

— Спокойно, Колючка, это всего лишь я. — в поле зрения появился Мёрви, перехватив поудобнее ее руки, и мешая сбросить руны.

— Опять ты, — рассерженной змей прошипела Исгерд, пытаясь вырваться.

Она извернулась и приложила кончики пальцев к виску Мёрви, стряхивая руны.

Тот застыл лишь на мгновение, но тут же оттаял и в два прыжка настиг давшую деру жрицу.

— Я все еще сильнее, Исса-аа, — тихо и весьма проникновенно зашептал Мёрви ей в шею, прижимая вырывающуюся жрицу к земле.

Дыхание неожиданно сбилось, а во рту пересохло. Память услужливо подкинула маленький кусочек воспоминаний из прошлой жизни... Тот, другой, называл ее так...

Что-то заворочалось внутри, причиняя невероятную боль. Что-то горячее, огромное, в

центре груди...

Исгерд вырвалась и вцепилась зубами в маску, собираясь сдернуть ее с нахала.

— Я помню, что ты горячая штучка, — высвободился он. Но сейчас не время и не место. Нам пора убираться отсюда.

Мёрви легко вскочил на ноги, рывком поднимая Исгерд.

— Отстань от меня, идиот, я никуда не пойду! — гневно шипела Исгерд, пытаясь вырваться из цепкого захвата Мёрви.

— Пойдешь, милая, еще как пойдешь. Если хочешь спасти своих близких. — Мёрви, легко обездвигив жрицу, перекинул ее через плечо, и громко свистнул. Послышался клекот и громкое хлопанье крыльев. Через мгновение рядом с Мёрви опустился огромный угольно-черный грифон.

— Императорский уникальный... Выведен искусственно, усилен магически... — тихо прошептала Исгерд, выглядывая из-за Мёрви и разглядывая крылатого красавца. — Твой?

— Если пообещаешь быть хорошей девочкой, я тебя на нем даже покатаю.

— У меня свой есть, — фыркнула Исгерд и тихонько мелодично засвистела.

Рядом с черным грифоном приземлился снежно белый, казавшийся совсем мелким, по сравнению с темным сородичем.

— А... Никс, кажется, да? Я помню... — Мёрви аккуратно опустил частично обездвиженную девушку. — Исса, сейчас я сниму заклинание, а ты побудешь чуть-чуть пай-девочкой и выслушаешь меня, хорошо? — как к маленькому ребенку обратился он к ней.

— Я тебя убью... — гневно прошипела она в ответ.

— Обязательно убьешь, но сначала выслушаешь, и желательно подальше отсюда, хорошо?

Исгерд кивнула.

— Рассказывай, — величественно спрыгнула с Никса жрица, когда они, преодолев приличное расстояние, остановились на небольшой скалистой площадке одной из гор, опоясывающих Нёттере.

— Вот прям так сразу...без прелюдий...

— Мёрви!

— О, да, милая! Назови меня по имени снова!

— Идиот... — Исгерд фыркнула и вернулась к грифону, собираясь улететь.

— Все-все, уже перестал! Никаких шуток, я понял! — остановил ее Мёрви. — Только суровая правда...

— Аманда, дай мне сил вытерпеть этого придурка, — тихо прошипела Исгерд, устраиваясь на расстеленной на земле куртке.

— А теперь к делу. — посерьезнел Мёрви, усаживаясь напротив. В свете луны его глаза хитро поблескивали. — У нас с тобой общая проблема. Тебе надо спасти близких, а мне достать одну важную вещь...

— Стоп, — перебила его Исгерд. — Никаких «нас» нет. И проблем у меня нет. Я не собираюсь никого спасать.

— Это еще почему? — хлопнул глазами Мёрви. — Неужели не хочешь поквитаться с Ульной, за то, что сделала тебя такой, отомстить, спасти лиса и свою подружку, как ее, Хеб кажется...

— А зачем? Ульна дала мне новое тело, новое лицо, дала магию, забрала ненужные эмоции и страдания, она спасла меня, когда я умирала там, на снегу, подарила новую жизнь,

без боли и сожаления. Для чего мне ей мстить?

— Все еще хуже, чем я думал... А знал ведь, что будет непросто... — задумчиво пробормотал Мёрви, теребя маску. — Ладно, тогда давай так: я помогаю тебе извлечь из тела амулет Аманды, ты помогаешь мне позаимствовать кое-что у Ульны.

— Я ее жрица, с чего мне помогать тебе?

— Ты сменила покровителя.

— Это пустышка Инга сменила, а я — нет.

— Но ты — это она!

— Нет!

— Вот же упрямый цлак! — ругнулся Мёрви, подскакивая на ноги. — Пойми, сейчас Аманда слаба, и некому остановить Ульну. Однажды твоя создательница уже оступилась, пошла против своей сути, ради корысти, что помешает ей сделать это снова? Они обе хотят в пантеон. А сейчас путь свободен... Представляешь, что будет если твоя отмороженная станет полноправной богиней? Мир наводнят ее куклы!

— А тебе-то что переживать? Живи себе и живи.

— Увы, гарантом моей жизни станет гребень Ульны — амулет ее силы. К сожалению, если я его не раздобуду, меня ждут берега Граней...

— А я-то каким боком? Мне до тебя вообще дела нет. Ну умрешь и умрешь... Доставать меня не будешь. — равнодушно пожала плечами Исгерд, поднимаясь на ноги. — Стоило тащить меня в такую даль. Мог бы и на поляне все это рассказать.

— Ни Ульне, ни Аманде нет доступа к вершинам Нёрмиэ, надежным хранителям славного Нёттере, здесь нас не подслушают.

— Сколько пафоса... — фыркнула Исгерд. — Все, Мёрви, ты меня утомил. Я думала, у тебя что-то важное, а ты так... потрепаться, на жалость надавить...

— Исса, а как же Ренар и Хеб? Неужели оставишь их Ульне? Даже не попытаешься спасти? Рыжий когда-то за тебя жизнь отдал... — голос Мёрви становился все более завораживающим, тягучим, он проникал внутрь, задевал почти позабытые струны чувств, будоражил воспоминания.

— Хватит патетики, неубедительно. — Исса свистнула, подзывая Никса. — Теперь хочу узнать, что предложит Ульна, насколько сильно я нужна ей.

— Ладно, не хочешь по-хорошему, Колючка, будем как обычно, — буркнул себе под нос Мёрви, делая знак черному грифону.

Исса дернулась и зашипела от боли в правой кисти. — именно туда только что вонзился маленький — размером с ладошку — но очень острый стилет Мёрви.

— Ты меня достал, с-собака, — гневно прошипела она, поворачиваясь к обидчику и выпуская кинжалы.

— О да, милая... Какая экспрессия... — томно выдохнул Мёрви, демонстративно подзывая к себе рукой. — Иди же ко мне, горячая девочка.

Заструились по коже белые узоры, пробежал по венам жидкий азот, зазвенели Гретхен, в этот раз нехотя откликаясь на зов, разбуженный дар требовал выхода вместе с клокочущими в груди злостью и гневом. Руна слетала за руной, но ни одна так и не коснулась нахала, провоцировавшего ее. Он словно предугадывал заранее все ее движения, умело отбивая атаки.

Мёрви, видимо устав от беготни по площадке, в два прыжка достиг жрицы, быстро зафиксировал ее в захвате, прижимая к себе спиной и обездвигивая. Исгерд почувствовала,

как шеи коснулись горячие губы оставляя на коже обжигающий поцелуй, и почти сразу же последовал резкий болезненный укол.

— Дар крови... Какое совпадение, — зашептал он у самого уха, обдавая теплом дыхания. — Я тоже так умею, Ис-с-са...

Исгерд шумно прерывисто вдохнула, борясь с ощущениями, которые вызывала близость мужчины и пытаясь пошевелиться, сбросить оцепенение, посмотреть, что этот мерзавец творит у нее за спиной.

Шею в месте укуса ласково лизнули, стирая еще не успевшую подсохнуть дорожку крови, и снова поцеловали.

— Что ты творишь, гад? — зашипела Исгерд, пытаясь отстраниться от провоцирующего прикосновения. — Отпусти.

— Я? Всего лишь даю тебе мотивацию к действию, милая... — снова зашептал Мёрви и игриво куснул ее за мочку уха. — Тебе понравится... м-м-м... какая же ты сладкая, Ис-с-са...

Мёрви снова укусил ее, крепко обняв и прижав к себе.

По телу прокатилась волна нестерпимого жара, настолько сильного, что тело против воли хозяйки судорожно выгнулось, а сама Исса сдавленно застонала.

— Тише, милая, я с тобой, сейчас все пройдет, — ласково говорил Мёрви, удерживая жрицу. — Все хорошо...

— Убью... — сипло прошептала Исгерд, чувствуя, как медленно отступает боль, а вместе с ней и возвращается подвижность.

— Повторяешься, Колючка, — Мёрви, успевший натянуть маску до того, как жрица обернулась, отпрыгнул на пару шагов и моментально взобрался на своего грифона, поджидающего рядом. — Обязательно убьешь, но потом...

— Что ты сделал, сволочь? — Исса опустила на расстеленную куртку. Стоять было тяжело, перед глазами плавали мутные круги, мучительно сильно хотелось пить.

— Я же говорю — дал мотивацию! — голос Мёрви был полон какой-то странной радости и самодовольства. — Потерпи, сейчас все пройдет, и ты поймешь.

Напарник блеснув кольцом-когтем на левой руке, резко и с силой провел над бровью, оставляя длинный глубокий порез.

Исса охнула и схватилась за свое лицо, зажимая горящую огнем кожу, в том самом месте, где порезал себя Мёрви. Догадка пронзила тело острой иглой, выбивая воздух из легких. Ярость затопила сознание, грозя вот-вот вырваться из-под контроля, даруя столь необходимые силы.

— Ты! — раненым буйволом взревела Исгерд, подскакивая на ноги и кидаясь к мерзавцу. Ты...

Эмоции клокотали взбесившимся вулканом, от бушевавшей внутри ненависти не находились нужные слова.

— Убьешь, знаю, — ерничал Вир, кружа на своем грифоне вокруг площадки. — Но не сегодня. Увы, Колючка, теперь твоя жизнь полностью зависит от моей... Бывай, жрица! Встретимся, когда остынешь.

Послав воздушный поцелуй, Мёрви скрылся за облаками.

— Ты... Ты... — заклинило Исгерд на одном единственном слове. Подозвав Никса, она кинулась вдогонку, намереваясь отомстить наглому мерзавцу, но того и след простыл.

— Аманда!!! — взревела Исгерд, направляя грифона к поляне с запертой там богиней.

Глава 17

Инга

— Аманда! — ревели я раненым гризли. — Выходи!

— Ну чего ты так орешь? — явилась та, загадочно улыбаясь и поджимая босую ногу. — Что на этот раз?

— Этот... Этот... Он... Он сделал привязку. На меня. На жизнь, — казалось, еще немного и у меня от гнева из ушей повалит пар.

— Какой сообразительный мальчик, быстро учится, — хмыкнула Аманда, — а вслух добавила чуть громче: — Зато он снова тебя вернул. Ищи во всем плюсы. Ледышка Исгерд не такая уж и ледышка и способна на эмоции

— Кто он? Вирн? Это ведь он, да? Ты намекала, что вернула обоих... А этот... этот... он слишком похож на него, но на того, другого, каким был раньше...

— Ты меня запугала. Почему бы тебе не спросить у него самой? Уверена, как его... Мёрви... не откажет тебе в такой маленькой просьбе.

— Потому что я его убью, при первой же встрече! Как ты не понимаешь, он привязал меня! Привязал к себе! А теперь собирается лезть в пасть к Ульне за какой-то безделушкой... И я теперь должна бежать за ним, как собачонка на поводке, и охранять его костлявую задницу!

— Умный и хитрый... — все так же задумчиво бормотала Аманда, уйдя в себя. — то, что нужно.

— Аманда, я все еще здесь и жду ответа!

— Спроси у него сама. Но мой тебе совет: присмотришься к нему. Он выводит Исгерд на эмоции, и только он способен вернуть тебя обратно. Может, все же пусть пока живет?

— Агрх! — раздраженно рыкнула я, и, сорвавшись с поляны, понеслась в сторону Академии.

А вот там меня ждал сюрприз: Пропали Тарес и Ренар. Никто их не видел, поисковые маячки молчали.

— Ульна... — обреченно выдохнула я, усаживаясь на скамейку у фонтана центральной площади. — Ладно, играем по твоим правилам...

Мне нужна была жрица или любая послушница. Хитрая богиня не приходила на встречи просто так.

Но как Инге мне не взять ни одну, а Исса может и заупрямиться... Блин, неужели все же придется работать с этим несносным Мёрви в паре? Где его искать только?

— Приветствую, вейта Инга, — раздался у меня над ухом звонкий мальчишечий голос.

— Фес, как ты меня напугал! — подпрыгнула я от неожиданности, выныривая из своих мыслей.

— Простите, вейта... Я просто хотел поздороваться. — мальчишка понуро опустил голову, хитро поблескивая глазенками из-под вихрастой челки.

— Перестань, я ведь уже говорила, что не вейта. Можешь называть меня Инга, — потрепала я пацана по макушке. — Что ты здесь делаешь? А как же школа?

— Я показал отличный результат в соревновании и мне позволили выйти в город, посетить торговые лавки.

— Слушай, Фес, а не хочешь ли ты мне помочь? — в мою голову закралась шальная мысль. — Прогуляешься со мной к храму Ульны?

— Конечно, вейта Инга, — с готовностью согласился пацан. — Что надо сделать?

В храм мальчишка вошел без проблем, но вот ни поговорить с послушницами, ни сделать подношение не смог. Он словно был для них невидимым...

— Простите вейта, — чуть не плакал Фес, ковыряя носком поношенного ботинка землю у крыльца. — Я и подходил к ним, и за рукав дергал, а они какие-то примороженные...

— Ничего, малыш. Прорвемся... Беги к школе, тебя там уже заждались.

Фес кивнул и убежал, помахав на прощание.

Что ж, значит снова Исгерд...

На поляну я не пошла, выбрала один из безлюдных закутков парка неподалеку от храма.

Снова холод, вспышка тьмы, секундная боль и мир неуловимо меняется...

— Вейта... вы... Вы — Она... — раздался рядом с ней чей-то восторженно испуганный голос.

— Ты кто такой? — жрица вытасила из кустов барахтающегося мальчишку. — Фес кажется, да?

— Вейта Инга... Вы — Ледяная Жрица... — восторженно бормотал пацан, с изумлением разглядывая беловолосую.

— Меня зовут Исгерд, запомни это, щенок, — фыркнула Ледяная, отшвыривая мальчишку.

— Моя покровительница сама Исгерд, — ничуть не обидевшись, пропищал мальчишка. — Надо рассказать пацанам, они сдохнут от зависти.

— Ляпнешь кому-нибудь — и ты не жилец, — раздраженно прошипела ему в лицо жрица, настигая парнишку в два прыжка.

— Милая, кто так с детьми обращается? — раздался сбоку, со стороны кустов знакомый голос с хрипотцой. — Какой пример ты сейчас подаешь юнцу?

— Вали отсюда, пока я добрая, — отшвырнула Исса пацана и вытащив кинжалы кинулась к Мёрви: — Ты... Я сейчас тебе пример покажу!

— Спокойно, милая, не нервничай. Сильные эмоции тебе пока вредны! — Мёрви быстро скрутил жрицу, фиксируя в захвате. — Разборки устроим потом. А сейчас нас ждет Ульна, ты помнишь?

Исса гневно сверкнула глазами, но промолчала.

— Вот и умничка. Сейчас я тебя отпущу, и мы снова поговорим, да? — Мёрви медленно-медленно, словно Исгерд была миной замедленного действия, выпустил жрицу и отошел на шаг назад.

— Я тебя слушаю, — уселась она скамейку и сложила руки на груди.

— Так было нужно, прости. Я же уже говорил, без тебя мне не справиться. Тебе нужен Рыжий, мне — гребень Ульны. Видишь ли, даже вот такой я очень хочу жить. А без амулета Ульны это, увы, невозможно.

— То есть... зная, что в любой момент можешь сдохнуть, ты все равно сделал привязку на меня? — глаза Иссы полыхнули гневом, руны сами собой зажглись на кончиках пальцев.

— Зато у тебя теперь есть очень веский стимул мне помочь. — видя, что жрица вот-вот кинется на него, Мёрви торопливо заговорил: — Спокойно, Исса. Обещаю, как только добудем гребень, я сниму привязку, и мы разойдемся в разные стороны. И у неё твои друзья, ты помнишь? Ренар... Рыжий такой. Вы еще целовались с ним в храме... умер потом у твоих ног...

На мгновение глаза жрицы подернулись дымкой, возвращаясь в воспоминания прошлой жизни.

Рыжий... Огонек под сердцем... Поцелуй... Руны на руке... Метка у сердца... Жертва ради нее. Он ушел, пытаюсь ее спасти... А еще тот, другой, с тьмой в глазах...

В ребра что-то с силой ударило, причиняя боль. Искерд, охнув прижала руки к груди, пытаюсь изгнать странное чувство, причиняющее дискомфорт.

— Так милая, давай, вспоминай... Ну же, возвращайся, родная, мне без тебя никак... — тихо шептал Мёрви, наблюдая за меняющимся выражением лица Искерд.

Тот другой, что пытался убить, такой же назойливый и приставучий как этот... тот тоже делал больно...

Боль уходила, сменяясь привычным гневом.

— Нет-нет-нет... Исса, нет... — торопливо бормотал Мёрви, следя за эмоциями жрицы. — Рыжий. Думай о нем... Ренар... Тарес... Это Магистр научил тебя быть собой, помнишь, показал, как принять и раскрыть дар... Хеб... Не знаю, кто такая Хеб, но ты ей очень нужна... Исса, ты нужна им... Они ведь когда-то не бросили тебя, приняли такой... и ты не бросай... Рыжий. Он тебя любил, помнишь? А Ульна сделала тебя своей марионеткой, дернула за ниточки и забрала его...

И снова боль в груди, там, где должно быть сердце.

— Ну же, Исса, ты сможешь... — продолжал бормотать Мёрви, начиная раздражать жрицу.

Кое-как подавив в себе гнев, Исса, не произнося ни слова, лишь в очередной раз сверкнув свинцово-серыми глазами, снова направилась к школе при храме, намереваясь любым путем вытряхнуть богиню из обители и поговорить. Быть послушной куклой ей не хотелось.

Все немногочисленные прохожие, и посетители храма, словно предчувствуя беду, куда-то подевались. Улица опустела.

Первая же попавшаяся за пределами школьного двора послушница упала на вымощенную камнем землю со свернутой шеей. Следом за ней упала и вторая, опрометчиво вышедшая на шум. Участь двух жриц-наставниц, попытавшихся образумить разгневанную Искерд, тоже была предрешена. Мёрви благоразумно не вмешивался.

— Ульна! Или ты появишься, или я перебью их всех, одну за другой. Поверь, я найду способ! — бесновалась Искерд, злая не столько на саму богиню, сколько на несносного Мёрви, поставившего ее в такие условия, разбудившего в ней странные ощущения, причиняющие боль и дискомфорт.

— Здравствуй, мой маленький Страж. — она появилась на ступенях храма, как всегда холодная и отстраненная. — Рада видеть тебя снова. С чем пожаловала?

— Ты забрала моих друзей.

— У жрицы не бывает друзей... Отпусти их. Они тебе не нужны...

— Не слушай её, не поддавайся, — зашептал Мёрви, вставая за спиной жрицы и приобнимая ее.

— Ну надо же кто тут у нас, — холодно улыбнулась Ульна уголками губ, разглядывая мужчину. — Создание Аманды... Давно не виделись. Ты решил играть против меня? Не боишься, что уничтожу?

Ульна вскинула руку, выпустив ворох колючих снежинок, тут же облепивших Мёрви. Тот вдруг захрипел и упал на землю. Следом за ним рухнула и Искерд, царапая ногтями

землю и силясь сделать вдох...

— Хитрец. Все продумал? — протянула богиня, наблюдая за мучениями Мёрви. — Мы зашли в тупик, ты не находишь? — в голосе Ульны сквозила издевка. — Мне нужна жрица, тебе нужна жрица. А самой жрице, не нужен никто. Она мертва, ей не будет больно, если убью тебя, не будет горевать, если я у нее на глазах перебью ее друзей... Она пустая внутри. Идеальный Страж...

И тут случилось неожиданное: откуда-то из кустов, с громким воинственным криком выскочил мальчишка-подросток и, с палкой наперевес, кинулся на Ульну. Та же, увидев пацана, на мгновение застыла в немом изумлении, пропустив тем самым первый удар, приправленный изрядной порцией спонтанно выброшенной магии.

Ульна отвлеклась, возвращая тем самым Мёрви способность дышать, чем тот и воспользовался, черной тенью метнувшись к Ульне.

— Ну надо же, как мило. Герой... — хмыкнула богиня, поморщившись от полученного удара, а затем, выдохнула ответное заклинание, и храбрый мальчишка осыпался ворохом искр к ногам жрицы.

— Отпусти их, Ульна, и я приду к тебе сама, — неожиданно раздался хриплый голос Иссы.

— Ах. Девочка Инга пытается вернуться, растопить ледяную Исгерд, мальчишка все-таки сумел найти путь к остывшему сердечку, — задумчиво процокала языком Ульна. — Но ты сейчас заступаешься за того, кто тебя продал... Да-да, я про твоего мальчишку...

Исгерд удивленно посмотрела на внезапно напрягшегося Мёрви, замершего позади Ульны.

— Ах, он тебе не сказал! Какая прелесть! — картинно всплеснула руками Ульна, совершенно не обращая внимания на парня. — Твой щенок продал тебя, в обмен на жизнь... Ему ведь все равно какой амулет — мой или Ами. Это очень удобно — мне Страж, ему амулет, мешающий мне этого Стража заполучить... Он приходил ко мне недавно, сказал, что знает, как извлечь из тебя брошь Аманды, обещал привести сюда... Не

— Это правда? Ты меня обещал? — мертвый голос жрицы пробирал до костей.

— Все совсем не так, Исса... — произнес Мёрви, делая резкое движение и хватая замешкавшуюся богиню за волосы.

Ульна взвизгнула, оборачиваясь к обидчику.

— Ты. Меня. Обещал. — слова, как острые куски льда вылетали из уст Исгерд, ранив до крови.

— Но ведь ты и так ее жрица. Я просто пытался помочь вам обеим.

Мёрви в прыжке откатился назад, ловко увернувшись от Ульны, и, извернувшись, метнул в богиню кинжал, попав прямо в сердце. Ульна ахнула, недоуменно глядя на торчавшую из груди рукоятку и алое пятно, расползающееся по белоснежному платью. Светлые глаза полыхнули гневом, губы приоткрылись в зловещей усмешке, на кончиках тонких бледных пальцев закружилась ледяной вихрь, стремясь вырваться и покарать наглеца... Губы беззвучно шевелились, выплетая смертельное заклинание... Но, увы, богиня не успела закончить плетение, неожиданно рассыпавшись ворохом алых льдинок...

— Ты... Меня... Продав... Как вещь... — казалось, жрица не обратила никакого внимания на исчезновение своей богини.

— М-да... Придется переходить к плану Б, — задумчиво пробормотал Мёрви, пряча что-то в карман.

Спокойной, нарочито расслабленной походкой он подошел к Игерд и резко прыгнул падая и подминая ее под себя, одной рукой сдирая с себя маску, а другой удерживая ее руки в захвате.

— Ты... — ошарашенно пробормотала Игерд, глядя в открытое лицо парня... — Ты...

Договорить ей Мёрви не дал, закрыв жрице рот поцелуем.

Жрица всхлипнула и с шумом втянула воздух пытаясь вырвать ся и оборвать мучительную пытку, но парень удерживал крепко.

Целуя, проникая все глубже, прикусывая, щекоча дыханием, то едва касаясь, то мучительно до боли сминая губы, дразня, вынуждая ответить,

По венам прокатился огненный всплеск, казалось, кожу содрали заживо и на оголенные мышцы плеснули кипятка. Нервы натянулись как струны, грозя вот-вот лопнуть, хлестнуть откатом по обидчику.

Боль, такая привычная, почти родная, прокатилась по телу. Что-то с силой стукнуло в ребра, грозя проломить грудную клетку насквозь, внезапно вывернуло судорогой суставы, заставляя всхлипнуть и обмякнуть, расслабиться, раствориться в почти позабытых ощущениях.

Я возвращалась...

Но едва поцелуй начал приносить удовольствие, как Мёрви отстранился, и заглянул мне в глаза, что-то выискивая.

— С возвращением, Колочка, — улыбнулся он, выпуская меня из плена и снова привычно натягивая маску.

— Ты... Ты не он, — договорила я так внезапно прерванную фразу.

— Не знаю о ком ты, но да, не он. Я — это я. Прости, если разочаровал.

Я подошла к Мёрви, и снова стянула маску. Он не сопротивлялся, давая себя рассмотреть поближе: треугольное лицо в мелких шрамах с ввалившимися щеками, покрытыми некрасивыми пятнами рыжеватой щетины, ассиметричные, словно собранные из двух разных половинок, бледные до синевы губы, растянувшиеся в улыбке и обнажившие ряд мелких, заостренных звериных зубов, узкий нос с подвижными крыльями, сейчас нервно подрагивающими — вид у него был весьма отталкивающим, но в то же время от него исходило что-то неуловимо родное и знакомое, позволяющее не обращать внимание на внешность

— Налюбовалась? — хмыкнул он, отстраняясь. — Красавчик?

— Первый парень на деревне, — не удержалась я от шутки.

— Приятно видеть тебя прежней, Исса, — улыбнулся в ответ Мёрви и снова спрятался под маской. — Ну а теперь — извини, мне пора, тороплюсь вершить подвиги.

— Смотрю, ты добыл, что хотел? — я покосилась на один из его карманов.

— Заметила-таки, — в голосе парня послышалась усмешка. Мёрви достал маленький гребень и подкинул его на ладони. — Вот она — моя прелесть. Мой шанс на нормальную жизнь.

— Ты меня продал! — внезапно вспомнила я, разглядывая амулет и снова злясь.

— Не продал, а пообещал. Ты же все равно ее жрица, чего дуешься? А мне жить очень

хочется...

— Знаешь, нам с тобой не по пути. Ты добыл, что искал, теперь проваливай. Без тебя справлюсь, напарник...

Последнее слово я почти выплюнула, постаравшись вложить в него всю обиду и злость.

— Не очень-то и хотелось, Колючка... Бывай... — хмыкнул Мёрви и, подозвав грифона, исчез где-то за облаками.

Где искать Ренара и Тареса с Хеб, я понятия не имела. Ульна исчезла, то ли действительно убитая, то ли просто красиво сыгравшая на публику.

Противное, внезапно ожившее сердце болело, напоминая раз за разом о смерти Феса, вступившегося за меня.

Пожалуй, единственный, кто сейчас мог мне помочь — это Аманда. К ней я и направилась.

— С возвращением Исса, — поприветствовала Аманда, впервые назвав меня сокращенным именем, тем, что подарил мне Ренар, а затем и Вирнан. — Я знала, что у этого прохвоста все получится.

— Этот прохвост, к твоему сведению, попытался продать меня Ульне, пока я была невменяемой, в обмен на твой амулет.

— Зато у него получилось тебя вернуть, сыграв на эмоциях. Где он теперь?

— Понятия не имею. Стажил у Ульны гребень и был таков.

Аманда звонко и заразительно рассмеялась.

— Я знала, знала, что он получится идеальным, — бросила она странную фразу.

— Ами, я не хочу больше о нем. Скажи, где искать Ульну, я должна освободить друзей.

— Полагаю, там, где вы ее оставили — зализывает раны. Без гребня она такая же пустышка, как и я — бессмертна, но вполне ранима.

— Отлично. И как мне теперь ее выковырнуть?

— Никак. Она позовет тебя сама, как чуть оправится. А пока — отдыхай. И думай, где будешь искать мальчишку. Наверняка Ульна попросит вернуть гребень.

— Вот же засранец! — в сердцах ругнулась я и вдруг рухнула на колени, захлебнувшись воздухом, подавившись последним звуком — М-Мёрви... — прошипела я, борясь с внезапно накотившей слабостью. И понимая, что этот гаденыш куда-то крупно вляпался, а мне теперь приходится наслаждаться всей гаммой его чувств.

— Вы обязательно подружитесь, — улынулась Аманда и исчезла.

Так странно, но сейчас, когда было так больно, когда Инга вернулась в тело Иссы, я чувствовала, где находится Мёрви, словно где-то глубоко внутри под кожей вшили компас, безошибочно ведущий к нему.

— Летим, Никс, — прохрипела я грифону, с трудом заползая тому на спину.

Такое я видела впервые. Шесть жриц, объединившись, окружили моего напарника, зажав его у подножия гор — на границе четвертого круга, не давая покинуть чашу Нёттере. Откуда их столько? Неужели Ульна стягивает свое войско?

Стоило мне подлететь поближе, и я почувствовала зов, противиться которому не было сил: чей-то голос звал, нашептывал, приказывая убить парня, забрать его душу.

Гретхены легли в ладони, зазвенела песня, выплетая руны. Все стало неважным. Есть только цель...

— Рад видеть тебя, Исса, успел соскучиться, — отсалютовал мне одним из кинжалов

Мёрви, тут же ловко пригвоздив им одну из жриц. — Исса?

Убить... Убить... вынуть душу. Забрать то, что принадлежит по праву... Предал... Продал... Как все... Убить...

— Исса? Колючка, ты чего? Эй, опусти кинжалы! Исса, я ведь могу и ответить! Исса, да очнись же ты! — истерил Мёрви

Убить. Вынуть душу. Сладкую душу. Впитать в себя силу, напоить кинжалы, спеть с ними последнюю песню смерти...

Плечо пронзила острая боль, замедляя мое движение лишь на мгновение. Я с отстраненным удивлением обнаружила торчащий тонкий стилет. Вытащила, демонстративно облизнув, и отправила хозяину, но этот мерзавец увернулся, чем только разбудил во мне азарт.

Убить. Отомстить обидчику, посмевавшему предать.

Две из шести жриц лежали неподвижно, остальные методично окружали Мёрви.

— Он — мой! — тихо прошелестела я, обнажая руну-метку, но сестры меня слышали, послушно замирая, давая возможность забрать свою жертву...

— Исса? Исса, это же я — Мёрви. Колючка... — все еще пытался дозваться до меня парень. Я слышала его, где-то там, на периферии, но зов и приказ были сильнее.

— Сса... Мьев... Ями... Ар... — запела я, отпуская звенящие мезью руны, но те стекли с него талой водой, не причиняя вреда.

— Я не буду с тобой драться, Исса. Это выше меня, — Мёрви замер, опуская руки.

Я предвкушающе ухмыльнулась, выплетая руну смерти на острие Черной Жемчужины. Сейчас только она была способна оборвать его песнь.

Когда руна была готова сорваться, Мёрви сделал резкое движение, вонзая кинжал себе в предплечье и вспарывая до кости.

Я охнула, приходя в себя, с удивлением глядя на свою левую руку, на то место, где плавился под кожей медальон Аманды, растекаясь, охватывая предплечье и кисть все больше, превращаясь в странную гротескную перчатку, украшенную вычурными алыми рунами.

— Мёрви! Я тебя убью! — гневно прошипела я и усмехнулась, видя, как облегченно выдохнул напарник.

— Я тоже рад тебя видеть, родная. Не поможешь?

Вдвоем мы справились с жрицам быстрее.

— Они мои сестры, а я с ними так... — выдохнула я, вырезая на ладонях очередной из них руны смерти и свободы, выпивая душу.

— Ты же понимаешь, что по-другому жрицу не убить. Мы даруем им свободу. Свободу посмертия, милая. Свободу от Ульны. Иначе они вернуться и создадут нам много проблем.

— Не нам. Тебе, — устало присела на мокрую землю, закончив с последней жрицей, осыпавшейся белым пеплом, стоило мне забрать стылую душу.

— Ну, мои проблемы все еще твои, помнишь? — усмехнулся он, стянув с лица маску и присаживаясь рядом. — Мы чуть-чуть связаны.

— А вот, кстати, оживилась я. Поскольку ты раздобыл то, что нужно, не освободишь меня от своего назойливого присутствия и от зависимости?

— Как только поговорю с Ульной и узнаю кое-какую информацию — так сразу же. Сама понимаешь — ты сейчас гарант сохранности моей шкуры. Думаю, Ульна не сильно обрадуется моему визиту и вряд ли с радостью ответит на вопросы.

— Мёрви, я бы с удовольствием убила бы тебя сама, если бы не связка... — откровенно поделилась я с ним. — Но, думаю, я еще успею это сделать...

— Я тоже тебя люблю, родная, — ласково, с какой-то затаенной нежностью улыбнулся он. И тут же спросил без всякой усмешки, кивнув на мою руку: — Сильно болит? Прости, не знал, как еще достучаться до тебя.

— Ерунда. Тебе, наверное, больнее, — я коснулась его пореза. — Давай залечу.

— Ты же только что хотела убить? — недоверчиво покосился Мёрви.

— Мы с тобой в связке, балбес, — притворно вздохнула я. — Я тебя чувствую, и ощущения не самые приятные.

— А если так? — Мёрви стянул перчатку и ласково погладил меня большим пальцем по щеке, спустившись к губам, обведя абрис рта, провел ладонью по шее, запустил пальцы в растрепавшуюся косу, чуть сжав ее и потянув вниз, вынуждая слегка запрокинуть голову.

— Ч-что ты творишь, Мёрви? — едва слышно прошептала я, глядя в его потемневшие глаза, замирая от новых ощущений, от неожиданной ласки и от предвкушения

— Скажи еще раз, — выдохнул он, склоняясь ко мне

— Что ты творишь...

— Нет. Имя. Позови меня.

— Мёрви... — тихий шепот, почти просьба. — Мёрви...

— Девочка моя, — выдыхает он, накрывая мои губы поцелуем, нежным, пробующим, спрашивающим...невесомым, как крыло бабочки, полным странной затаенной боли и щемящей тоски. — Исса, родная...

— Ну, расслабились немного, и хватит, — резко отстранился парень, снова пытаюсь спрятаться за привычной маской.

— Что с твоим лицом? — я все же успела заметить перемены и попыталась ухватить Мёрви за руку.

— Не твоего ума дело, жрица, — резко ответил он, подзывая грифона. — Расслабилась и хватит.

— Отдай гребень, без него Ульна не вернет ребят! — крикнула я ему вдогонку

— Извини, милая, целуешься ты, конечно, хорошо, но тут каждый за себя. Так что — не отдам.

Мёрви демонстративно подбросил амулет и скрылся.

— Да чтоб тебя! — в сердцах ругнулась я, всерьез озадаченная его внезапной сменой поведения.

Глава 18

Они пришли на закате. Застали врасплох, когда я едва успела уснуть. Жрицы. И даже один Жнец — тот самый Лео, с которым мы когда-то проходили посвящение.

Кажется, Ульна объявила на меня охоту. Видимо, как жрица я ей больше не нужна.

У меня не было шансов даже против Лео, не то что против тройки жриц. Особенно после того, как я почувствовала, что вредная Ульна забрала свой дар и меня накрыла мощь вплавленного в тело амулета Аманды.

Сила отобранного дара, не сдерживаемая больше ничем, снова плавила тело, растекаясь жидким металлом под кожей, меняя, преобразовывая, подчиняя, выплетая на теле немислимые узоры, проникая повсюду.

Выдержатъ бы ту мощь, что полыхала во мнѣ.

Уснувшіе Жемчужины замолчали, оборвалась последняя песнь, опали холодныя руны, растаявъ под бушующимъ внутри жаромъ.

— Здравствуй, мой маленький Страж, — с плохо скрываемою насмешкой в голосѣ возникла передо мной Ульна. — Рада тебя видѣть в добромъ здравіи. Какъ самочувствіе? Чужой даръ не жметъ?

— Да что же ты за с...сволочь такая? — прохрипѣла я, силясь встать с колен. — Что я тебе сделала?

— Ты? Совершенно ничего. Но в тебѣ есть сила, такъ необходимая мнѣ... В общемъ, мнѣ нужна ты, Страж. Хочешь сделку... или нѣтъ, назову это маленькою услугою. Я отпущу твоихъ близкихъ, а ты приведешь мнѣ твоего напарника, вернешь амулетъ и вернешься сама. Я считаю, это честный обменъ. Скажемъ, за гребень верну мальчонку, что вступился за тебя, за дерзкаго нахала, обманувшаго меня — мага и девчонку, ну а рыжего отпущу в обменъ на тебя.

— Я не могу продать одного, в обменъ на другого.

— Тебѣ решать, кто дороже, — пожалала блѣдными плечами Ульна. — Но времени у тебя не такъ много. Чужеродный даръ сожжетъ тебя, если от него вовремя не избавиться. А стоитъ избавиться от него — и ты окажешься в моей власти, помнишь? Поторопись, Страж. Или я решу, что новыя куклы мнѣ интереснее... Эта девочка... Хеб... Она ведь такъ много в жизни потеряла, кроме тебя никого нѣтъ. Печально будетъ, если еще и ты ее предашь... Да и маг... однажды он все-таки остался, кто знаетъ, что я предложу ему в этотъ разъ...

— Ты не посмеешь, — прошипѣла я сквозь зубы, борясь с волною ненависти.

— А ты попробуй, останови, — расхохотавшись, звонкими льдинками осыпалась передо мной Ульна.

Со злости я швырнула одну из Гретхен в застывшаго неподалеку Лео. Кинжалъ угодилъ точнехонько в животъ, но тотъ, без тени эмоций выдернувъ кинжалъ, швырнулъ его в отвѣтъ, чуть сместивъ траекторию такъ, что лезвіе прошло по касательной, лишь срезавъ прядь волосъ у моего уха.

— Ульна велела тебя не трогать, просто наблюдать, — равнодушно произнесъ онъ. — Но после... Я помню тебя, бывшая сестра...

— И я помню тебя, братъ, — вздохнула я, кое-какъ поднимаясь с земли, куда мнѣ бросили жрицы.

Теперь оставалось принять непростое для себя решение: кого выбрать?

И гдѣ найти Мёрви. Если постараться, думаю, я смогу его почувствовать и найти. Но какъ заманить его к Ульне? И какъ смотрѣть ему после этого в глаза?

Глава 18

Онъ нашелъ меня самъ. Черезъ три дня. На той самой полянѣ, куда я приползла за советомъ к Амандѣ, терзаемая болью божественнаго дара, казавшейся незначительной по сравненію со страданіями отъ раздиравшихъ меня сомнѣній.

Я провела на полянѣ вот уже несколько часовъ, но Аманда такъ и не явилась, видимо, не желая помогать мнѣ с выборомъ и возложивъ всю ответственность на меня.

— Аманда! Забери свой чертовъ амулетъ! — хрипѣла я сорваннымъ голосомъ в пустоту. А в отвѣтъ была тишина.

— Хватитъ уже надрываться. Сейчасъ это только твоя война, и твой выборъ, — онъ

бесшумно возник рядом и присел рядом со мной на один из камней.

— Ты знаешь, что она просит? — я приняла из его рук заботливо протянутую флягу и отхлебнула, тут же закашлявшись от крепости напитка. — Блин, Мёрви, как ты пьешь эту дрянь?

— Подозреваю, что меня и гребень, в обмен на твоих друзей? — невесело усмехнулся он и отхлебнул следом.

— Полагаю, выбор очевиден — рыжий лис для тебя важнее.

— Рэна она хочет в обмен на меня... За тебя дают Тареса и Хеб... Мёрв, что мне делать? — я снова хлебнула из фляжки, на этот раз сделав довольно большой глоток. — Я запуталась... Ведь должно же быть какое-то другое решение? Не так...

— Она бессмертная, а ты... кстати, с изменениями тебя. Стала еще красивее, чем раньше.

В лезвии Гретхен отражалась все та же я, только волосы сменили свой цвет на пепельный, да глаза стали чуть темнее. Ну и черты лица немного заострились, словно я внезапно похудела килограмм на десять.

— Я не вижу изменений в себе, но мы сейчас и не об этом ведь. Что мне делать Мёрв?

— Дай руку, Колючка, — Я протянула ладонь. Мёрви достал один из своих многочисленных стилетов, спрятанных по потайным карманам и сделал небольшой надрез на запястье. — Вот и все, Исса, теперь тебе проще будет сделать выбор. Привязки больше нет...

— Мёрви... — ахнула я, понимая, что он только что сделал. — Но ведь ты сам подталкиваешь меня к такому выбору. Зачем?

— Пойдем, Исса. Я и сам не знаю зачем. Может просто устал, а может решил побыть напоследок благородным, заглядить перед тобой вину.

— Ну надо же, какой подарок, — возникла перед новенькой кованой калиткой Ульна.

Теперь территорию храма огораживал невысокий заборчик, нашпигованный магией под завязку. Пряма какая-то крепость, а не храм ищущих и верящих — когда только успела забаррикадироваться?

— Не ожидала тебя так быстро. Но держу свое слово — забирай мага и девчонку.

Ульна махнула красивой ладонью и Лео вывел из храма Тареса и Хеб, тут же кинувшихся ко мне, стоило им покинуть огороженную территорию.

— Все будет хорошо, родная, — коснулся моих губ прощальным поцелуем Мёрви. А потом вдруг неожиданно добавил: — Ты помнишь, где мы впервые встретились, Колючка? Ты была такой горячей. Мне нравится вспоминать этот день и это место... Сходи туда как-нибудь за меня.

Мёрви подмигнул и вошел за калитку, тут же исчезая в ворохе снежинок.

— Ты не вернула амулет, Исгерд, — вырвал меня из мыслей голос Ульны.

— Амулет? А разве он не у... А где тогда? — растерялась я.

— Амулет, Страж, или твои друзья останутся у меня.

— Но у меня его нет.

— Тогда нам не о чем разговаривать, — Ульна снова исчезла.

— Рад видеть тебя, почти прежней, Исгерд, — первой обнял меня Тарес. — К сожалению, как маг я теперь пуст — Ульна забрала все, что смогла вытащить, но даже те крохи, которые мне еще доступны, позволяют увидеть, что ты сменила покровителя...

— Да, я теперь на стороне тьмы — заключила сделку с Амандой...

Казалось, глаза Тареса вот-вот выпадут из орбит от удивления. Хеб же все это время испуганно жалась к магу, поглядывая на меня с ужасом.

— Мне надо было как-то вас вытащить и не потерять себя, — ответила я на его молчаливый вопрос. — А вот за дар прости. Не думала, что Ульна так поступит...

— Это не твоя вина, — махнул рукой друг. — Скажем, у нас были некоторые разногласия в прошлой жизни, и твоя подруга так изощренно мне отомстила, вернув к тому, с чего я начинал.

— Хеб, все в порядке, это я — Инга. Тебя больше никто не обидит, — коснулась я перепуганной девчонки. Она пару мгновений разглядывала меня, словно ища подтверждений, а затем с воем кинулась на шею, грозя утопить меня в слезах.

— Давайте убираться отсюда, пока изменчивая Ульна не передумала.

Мы вернулись в Академию, заперевшись в квартире Тареса, где я подробно рассказала все, что произошло со мной за последние дни.

Аманда так и не являлась призывы, полностью игнорируя меня. И амулет, который ей так хотелось получить обратно, вдруг оказался не нужен.

Мне же столь мощный дар тоже оказался не по силам, сжигая изнутри, грозя вот-вот вырваться из-под контроля.

Я переписала таверну на Хеб, и отправила ее обратно домой, теперь уже полноправной хозяйкой, понимая, что вряд ли мы когда-нибудь еще пересечемся, и незачем ей видеть мои последние дни.

Мы с Таресом обыскали всю поляну вдоль и поперек, но гребень так и не нашли. Я ругалась на Аманду, почти уверившись в том, что это она нашла амулет и теперь, освободившись, скрылась.

А мне становилось все хуже. В один из таких дней, находясь в полубредовом от усталости состоянии, перебирая осколки самых сладких воспоминаний, я и поняла, где искать амулет, как и поняла кое-что еще...

— Что ж, ты все-таки пришла, — улыбнулась Ульна, спускаясь со ступеней храма и старательно имитируя радушие. — Чем обязана?

— Ты ведь знаешь, зачем я здесь.

— Знаю. но все равно хочу услышать.

— Я пришла за своими друзьями.

— Похвальное стремление, — все так же фальшиво улыбаясь, Ульна подошла к воротам. — Но с чего ты взяла, что я отпущу их, девочка? То, что я испытываю к тебе почти дружеские чувства, не подразумевает мою благосклонность к твоим друзьям.

— У меня есть то, что тебе нужно. Гребень.

— Да ты подготовилась. Похвально. Но амулет всего один, а друзей — двое. Неравноценный обмен. Так и быть, я отпущу кого-то одного. Но тебе придется самой сделать выбор, решить кого ты оставишь в стенах моей лаборатории, а кому дашь еще один шанс на жизнь.

— Ты обещала двоих. Одного за гребень, одного за меня...

— Ты заставила меня ждать и уговаривать, а я этого не люблю. Считаю это маленьким наказанием. Отпущу только одного. И к тому же, я решила, что ты мне больше не нужна. Я нашла себе другого Стража.

— Что ты хочешь за них обоих?

— М-мм... дай-ка подумать... — богиня, изобразив глубокую задумчивость, некоторое время молчала, постукивая пальчиком себе по губам. Я задержала дыхания, боясь услышать ответ. Ульна загадочно улыбнулась и наконец ответила. — Ты знаешь, а ничего. Как оказалось, у меня уже все есть. Ну, за исключением гребня. Но и его ты уже принесла. Так что... Ничего такого, равного свободе твоих друзей мне не нужно.

— Ульна! Прошу! Пожалуйста! Они все, что у меня есть здесь...

— Сделка есть сделка. — лицо Ульны вмиг стало жестким и безразличным. — один гребень — один друг.

— Ульна... — я рухнула на колени у ног богини.

— Хватит! — резко оборвала меня Ульна, собираясь уходить. — Прекращай эти сопли, а то я могу передумать и решить, что твои друзья мне интересней побрякушки... И поднимись уже с земли, ты выглядишь жалко.

Я послушно поднялась с колен, глядя на удаляющуюся спину той, кого когда-то считала спасительницей, и даже, наверное, другом.

У самых дверей Ульна обернулась:

— У тебя есть немного времени для обдумывания выбора. Я скоро вернусь и выслушаю твое решение.

— Я могу их увидеть? Попрощаться?

Ульна лишь отрицательно покачала головой и скрылась в храме.

Я тяжело опустилась на землю. Я знала, что так будет, знала, когда собиралась сюда, но все равно надеялась. Сама не зная на что, но все же надеялась. Может быть на то подобие дружбы, что связывало меня с Ульной, или на то человеческое, что еще осталось в холодной богине, ведь она столько раз давала второй шанс.

Как бы то ни было, свой выбор я сделала, уже давно, и к тому времени, когда Ульна вернулась, была готова озвучить свое решение.

— Я слушаю тебя, девочка. — Ульна подошла к ковanej калитке и распахнула ее. — Чуть поодаль остался стоять одна из жриц, готовая выполнить распоряжения хозяйки и привести одного из пленников.

— Я прошу освободить Мёрви... — едва слышно выдохнула я, заходя в храм.

— Вот даже как, — хмыкнула Ульна. — Признаю, я почти удивлена. Ведь это ты его сюда упрятала, а теперь сама же его и спасаешь...

— Именно поэтому и спасаю. Должок за мной, — я пыталась говорить уверенно, но голос предательски дрожал.

— Так вроде у нас был уговор на одного из друзей, а он твоим другом не является, — поддразнила меня Ульна.

— Не освободишь?

— Ну почему же... — протянула Ульна, коварно улыбаясь. — Освобожу. Если услышу истинную причину, по которой ты решила выбрать этого самоуверенного мальчишку. Уверена, что он отблагодарит тебя за это?

— Ну и пусть не благодарит, зато моя совесть будет чиста.

— Все еще пытаешься делить мир на черное и белое, глупая, — вдруг неожиданно тепло улыбнулась богиня. — И пытаешься остаться при этом незапятнанным ангелом...

— Нет, Ула, уже не пытаюсь, но если с моей помощью мир станет чуточку добрее, я буду рада.

— Что ж, хоть я и не услышала истинной причины твоего странного выбора, но, так и быть, освобожу мальчишку. — Ульна сделала жест жрице, и та поспешно скрылась за дверями замка.

— Так и не позволишь увидеться с остальными? — без особой надежды спросила я.

— Увы, — развела руками Ульна. — Но я могу передать им твои слова.

— Скажи им, что я люблю их и прошу прощения... За предательство... Если они смогут меня простить...

В этот момент двое жриц выволокли под руки изможденного пленника, закованного в цепи и поволокли с лестницы вниз.

— Мёрви... — против воли вырвалось у меня. Я хотела кинуться навстречу, но усилием воли остановила себя и посмотрела на Ульну. — Зачем ты так с ним?

— Он был груб. И мне было скучно, — равнодушно пожала плечами богиня, глядя, как жрицы, стащив тело полуживого пленника с лестницы, бросили его возле одной из статуй, сняв перед этим кандалы и что-то сказав.

Пленник попытался подняться. Неловко, тяжело опираясь на покалеченные ноги и хватаясь израненными руками за выступы каменного изваяния.

— А Рэн и Фес...они...? — слова застревали в горле. От мысли о том, что мои друзья сейчас в таком же состоянии, что и Мёрви, мне становилось дурно

— Твои друзья в порядке, — смилостивилась Ульна, кивком отпуская своих жриц. — И если будут послушными и дальше, то все будет хорошо... Ну, чего застыла? Иди уже к своему...другу, — последнее слово она произнесла с особой интонацией, победно улыбаясь.

Десять шагов отделяли меня от места, где стоял Мёрви. Я смогла пробежать только пять, а затем, словно споткнувшись о невидимую преграду, застыла, не зная, что делать дальше. Вглядываясь в такое знакомое лицо, ища ответ в этих ставших родными глазах.

— Привет, — неловко пробормотала я, пытаюсь сдержать бушевавшую внутри бурю эмоций и сделать равнодушное лицо.

— Привет, — чуть морщась, улыбнулся он в ответ, а затем, в свойственной ему манере иронично добавил, — Я тоже рад тебя видеть. И я понимаю, что выгляжу не лучшим образом, но не могла бы ты жалеть меня не так откровенно. Твои эмоции просто убийственны.

— Ты... Ты чувствуешь? — жалость сменяется удивлением — Все эмоции?

— Я кое-что сделал там, на поляне, когда убирал привязку... — виновато произнес он, — Так что, да, я чувствую. Все твои эмоции. Все-все.

— Все... — эхом повторила я, чувствуя, как медленно уходит лавина внезапно нахлынувших чувств, скрывается за коркой льда и маской равнодушия. Все как он учил. Но отчего же вдруг стало так пусто?

— Иди сюда, глупая, — внезапно тепло улыбается он.

— Мёрви! — в одном прыжке преодолев разделяющее нас расстояние, я стремительно обнимаю парня, заворачиваясь в кокон его теплых рук и, утыкаясь ему в шею, внезапно начиная рыдать.

Слезы, такие желанные, горячие и почти позабытые текут по лицу, даря такое желанное облегчение. Я все плачу и плачу, и никак не могу остановиться, понимая насколько правильный выбор я сейчас сделала...

Я не вижу, как он смотрит поверх моей головы на улыбающуюся Ульну, но слышу, как шепчет ей: «Почувствуй».

И почти следом, еще крепче сжав меня в объятиях, на секунду коснувшись виска поцелуем, он произносит тихо, но вполне четко:

— Я люблю тебя, родная... Люблю... Как умею...

Тщательно возведённая ледяная стена не выдерживает, мелкими брызгами осыпается ледяное крошево равнодушия, сметённое лавиной чувств. Неверие. Недоумение. Страх. И огромной волной счастье. Абсолютное безграничное счастье. И любовь, то мощное чувство, что я старательно прятала даже от самой себя. Меня накрывает. И я никак не могу справиться с почти позабытыми эмоциями, с их невероятной силой... Ледяной кокон разрушен. Мертвой жрицы больше нет. Я снова жива.

— Как ты поняла? — нарушила Ульна мгновение моего счастья. — И когда?

— Предлагаю обмен. Сначала мы находим твою сестрицу, и вы объясняете для чего все это затеяли, потом я рассказываю, как и когда догадалась.

Ульна кивнула и легко взмахнула рукой, перенеся нас на памятную поляну, где уже у подножия своей статуи сидела Аманда, чему-то грустно улыбаясь.

— Приятно видеть тебя прежней, Инга... Исса? — поприветствовала она меня. — Я так понимаю, ты все же догадалась... Я рада, что не ошиблась в тебе.

— Почему ты не рассказала сразу? — я присела напротив. Ульна расположилась рядом с сестрой, Мёрви встал позади меня. — Почему пряталась и не вышла, когда я принесла брошь?

— Мы не имели на это право. Ограничивающий фактор. Так когда ты начала догадываться? — уклонилась от неприятных вопросов Аманда.

— Когда Мёрв вернул меня во второй раз. Я вдруг начала замечать слишком много нестыковок... Но прежде, чем начну изливать душу и объяснять, где вы прокололись, я бы сначала хотела услышать для чего все это.

— Мы ведь не обязаны отчитываться в своих действиях, — попыталась отстраниться Ульна.

— А я не обязана больше играть в ваши игры, — усмехнулась я, вытягивая руку и давая возможность вплавленному под кожу амулету стечь к ладони, превращаясь в прежнюю брошь, но уже без символа, старательно отгораживаясь от той пустоты, что возникла внутри, и от тишины, воцарившейся за моим плечом, чувствуя, как снова становлюсь прежней Ингой — слабой и беспомощной. — Вернуть? Это кажется твое украшения, Ами.

— И об этом догадалась... — с затаенной грустью улыбнулась она. — Умница. Но я думала, ты узнаешь обо всем гораздо позднее.

— Закрытые императорские архивы и воспоминания очевидцев могут сказать многое. Ты сама меня подтолкнула к ответу. А Тарес помог. Вспомни, сколько раз ты игнорировала мои просьбы здесь, на поляне... Так дождусь я от вас честных ответов, или можно уходить?

Аманда и Ульна некоторое время сидели молча, задумчиво переглядываясь, наконец, старшая сестра нарушила молчание первой:

— Мы не боги, как ты уже успела понять, — вздохнула Ами, неожиданно для меня беря за руку Ульну. — И никогда ими не были. Мы — всего лишь Стражи, однажды возомнившие себя богами и теперь расплачивающиеся за это...

— Когда-то очень давно две молодые самоуверенные девчонки — сестры-близнецы — удостоились чести стать следующими Стражами-хранителями — Справедливостью и Возмездием, — перехватила инициативу Ульна, сжимая ладонь сестры. — Но ноша оказалась непосильной и слишком тяжелой для почти детских плеч...

— Так получилось, что оступилась однажды Справедливость, осудив невиновного и Возмездие наказало не того... — снова Аманда.

— Так получилось, что полюбила Справедливость смертного и пыталась она таким образом спасти сына и мужа, — нервно выдернув ладонь и спрятав обе руки в складках платья резко перебила Аманду Ульна чуть срывающимся голосом. — Понимаешь, спасти...

— А наказание несут теперь обе, — усмехнулась Аманда, покосившись на сестру. — Видишь ли в чем проблема... Страж не может оставить пост, не подготовив замену. Но и Стражем оставаться, если однажды ошибся, тоже не может. Мы загнали себя в ловушку, лишённые силы, без возможности выбрать достойного и передать дар.

— Жрицы Ульны никогда не убивают невиновных... — задумчиво пробормотала я, вспоминая один из постулатов и осмысливая сказанное.

— Увы. Не в силах вершить наказание сами, мы использовали подручные средства. Ты знаешь, что боги живут, пока в них верят? Вера давала нам силы... и власть...

— Когда ты начала подозревать? — вернула Ульна разговор в нужное русло.

— Если честно, то уже давно. Меня не покидало ощущение, что вы манипулируете мной, ведете как куклу на веревочке, подталкивая к нужным событиям. И тот момент, на поляне, когда Аманда на секунду позволила мне побыть ей... Она не успела до конца закрыться, но я тогда не придавала значения промелькнувшим эмоциям... А потом в архивах, когда изучала историю возникновения культа жриц — вдруг неожиданно поняла, что никогда не хотела отомстить Китару. Дейнар, Вирнан, Кириан, даже Мёрви. Кто угодно, только не он... Хотя ведь именно этот кьерр, по сути, виноват во всём, он лишил меня того, что было, он виноват в моей смерти.

— Это я... я убрала желание. Китар поступил так по моей просьбе. Ради сына, — тихо прошелестела Ульна. — Забавно... Мальчишка, ради которого когда-то мать совершила преступление, не дав принести в жертву наказанию, сам пожертвовал собой, даже не подозревая, против кого идет...

— Фес и Китар... Они... — я вдруг неожиданно поняла, на что намекает Ульна, получившая возможность выговориться.

— Да. Фес — мой сын. И Китара. Ради них я осудила невиновного, спасая виноватого — Фес тогда оступился, но я не смогла вынести приговор... Не ему.

— И ты сейчас его... Тогда, у храма... сама... — мысли никак не формировались в связные предложения.

— Убила? — помогла мне Ульна. — Нет, что ты, я все-таки мать, пусть и такая. С Фесом все хорошо. Мы... общаемся. Знакомимся. Он ведь не знал кто я, его воспитывал отец.

— Но ведь он младше дочери Китара. Как так? И получается, что Китар... Он все это специально подстроил, да, там, на берегу?

— На самом деле Фес даже старше тебя, но он застрял в том возрасте, когда совершил проступок. Каждый день он проживал один и тот же день, не помня предыдущие, пока этот круг не разорвала ты своим появлением и жалостью к безымянному воришке. А Китар... Да. Все что произошло на острове в последний день — моих рук дело... И голос Стейры, и Тайра... Я заприметила тебя сразу, с того момента, как ты очутилась в море. Но ты ведь знаешь, как становятся жрицами? Чтобы что-то приобрести, надо для начала все потерять, а повода все не было.... Ни один из моих детей, кроме тебя, не сумел сохранить свою душу, потеряв всё.

— То есть, все эти жрицы...?

— Да. Они всего лишь попытка найти достойного Стража.

— Блин, как все сложно-то, — потеряла я ладонями лицо. — Я предполагала совсем другое. Хорошо. Пусть все так. Но зачем вам я и такие трудности?

— Вы, — поправила меня Аманда. — Ты и Мёрви — идеальные Стражи, достойные преемники, которым можно передать дар. Мы устали. Очень устали и хотим покоя. Но не можем уйти за Грань не оставив преемников, поэтому теперь, когда вы с честью прошли испытания, мы просим вас стать Стражами. Кем — тебе решать. Ты можешь выбрать любой дар. Созданная Справедливостью, ты стала Возмездием, сумев принять и удержать в себе его мощь.

— А если я откажусь?

— А если откажешься... — Ульна поднялась и сделала шаг вперед. — Мы примем твой выбор и будем искать новых Стражей. Но позволь сначала напомнить: наивная девочка Инга умерла на заснеженной поляне несколько лет назад. И сейчас отказавшись от наших даров, что пока позволяют жить дальше, тебе придется уйти. Хрупкая человеческая оболочка, к сожалению, давно мертва. Хотя, мы можем позволить прожить тебе остаток этой жизни, в качестве искупления, за вторжение в твою судьбу. Но, поверь, она будет достаточно короткой, и слишком унылой.

— И прежде, чем ты огласишь свой выбор, я советую подумать о том мальчишке, что стоит за твоей спиной, — вклинилась Аманда, а я только сейчас начала замечать, как похожи сестры между собой, несмотря на то, что одна из них блондинка, а вторая брюнетка. — Нет-нет, не оборачивайся пока. Сначала дослушай. Ты была создана Справедливостью, он — Возмездием. Вы — равные. Но Мёрви сейчас зависит только от тебя, его жизненный путь завязан на Исгерд. Уйдет ледяная жрица — не станет огненного. Ты — его жизнь, он — твоя сила, твой путь, твое направление. Прежде, чем принять решение, помни — сегодня ты выбираешь за двоих.

— П-ф-ф... сколько пафоса ради возможности переложить груз своих проблем на чужие плечи. Заканчивай, Аманда. Меня уже не понимает, — фыркнула я. — Я хочу поговорить с Мёрви.

— Тогда позови Исгерд, — улыбнулась Ами, вкладывая мне в ладонь гребень Ульны и свою брошь, которую я все-таки ей вернула до этого. — Он приходит только к ней.

Я стояла напротив улыбающихся сестер, борясь с желанием обернуться и убедиться в своих подозрениях. Но я понимала, что стоит мне увидеть того, кто сейчас за моим плечом, убедиться в своих подозрениях — шанса высказаться у Мёрви уже не будет.

— Ис. Сса. Гьерд. Уна. — тихо позвала я ту, что всегда жила внутри меня.

— Колючка, я рад, что ты все же дала мне шанс. Я верил в тебя, — тут же раздался за спиной насмешливый голос.

— Мы придем за ответом позже, — тепло улыбнулась Ульна.

Обе сестрицы исчезли, взявшись за руки.

— Вот поганки, — ругнулась я и обернулась.

— Иди ко мне, — распахнул объятия Мёрви.

— Ты все знал! — обличительно ткнула я в него пальцем не торопясь кидаться на шею. — Знал и не рассказал мне!

— Прости. Это было одним из условий возвращения, — виновато развел руками Мёрв. А мы обещали вернуться, ты помнишь?

— Значит, все-таки мы... — вздохнула я.

— Когда ты поняла? Я был уверен, что ты выберешь Рыжего.

— Когда Мёрви меня второй раз поцеловал. Твое лицо... оно менялось. Ты выдал сам себя. И Илна... Илна мне рассказала легенды. Мы наконец-то подружились. А потом еще и гребень. Я нашла его в аудитории, где впервые встретила и поцеловала Ренара.

— И где впервые увиделась с Виrom как жрица... — мрачно дополнил Мёрви.

— Так кто ты сейчас? — я напряженно вглядывалась в его лицо, улавливая малейшие изменения.

— Я? Я — это мы... — пожал плечами Мёрви, и неожиданно заговорил глухо, отстраненно, уткнувшись взглядом в свои ладони: — Знаешь кто такие звери-хранители у кьерров? Это души их умерших предков, не нашедших покоя, не выполнивших свою миссию и поэтому присматривающие за своими потомками в зверином теле. Вирнану когда-то повезло, его выбрали сразу два хранителя, две души — отца и нерожденной сестры. Умирая, он собирался стать хранителем брата, а заодно присматривать за непутевой девчонкой, когда вскружившей ему голову и похитившей сердце. Ведь он обещал вернуться, несмотря ни на что... И он сдержал обещание.

Голос Мёрви дрогнул, и он заговорил немного с другой интонацией, все так же разглядывая свои руки:

— Ицури не уходят за Грань. Они сгорают в пламени собственного огня, очищаясь и возрождаясь вновь, обновленные, другие... Но один рыжий оборотень пообещал вернуться, сумел вынырнуть из пламени и попасть на берег реки мертвых. Кьерры не становятся хранителями ицури, ицури не возвращаются из мертвых... Но два влюбленных мальчишки смогли, заплатив огромную цену, вернуться к той, которой пообещали... Однажды на этой поляне очнулся темный лис Мрак, хранящий в себе все воспоминания и чувства за двоих и Рыжий Ренар, потерявший пламя, но сохранивший силу... и тело...

Мёрви немного помолчал, видимо ожидая каких-то действий от меня, но я никак не отреагировала, внимательно слушая и пытаюсь поверить. Тогда он снова продолжил:

— Как причудлива иногда бывает судьба — два бывших друга, неожиданно ставшие соперниками, вдруг оказались неразрывно связаны благодаря одной девчонке. Мрак не сможет без Ренара, Рэну не выжить без Мрака. Первый ицури с хранителем-кьерром... Ты спрашиваешь, кто сейчас я. Я — Вир и Ренар вместе, но одновременно я — это я. Я другая личность, несущая в себе отпечатки обоих. Я — Мёрви, или Вирке, как тебе удобней. Моя жизнь и моя личность зависят от тебя. Это тоже одно из условий Аманды. Уйдет Исса — уйду и я. Ты сейчас должна выбрать: отказаться и провести остаток отпущенной тебе человеческой жизни рядом с Ренаром и по уши влюбленным в тебя лисом, или же принять предложение и провести вечность рядом со мной.

— Вечность рядом с тобой? Двуличным психом? — нервно хохотнула я.

— Ну мы еще не притерлись, сложно осознавать себя единой душой в общем теле, поэтому один все время пытается подавить другого. Отсюда и перепады... — Мёрви попытался улыбнуться, но улыбка получилась вымученной и жалкой.

— Почему опять я должна выбирать? Почему все на хрупкие женские плечи?

— Потому что я... мы... свой выбор уже сделали. Я пойду за тобой, что бы ты не решила.

— Я же говорила — он получится идеальным, — снова появилась на поляне беспардонная Аманда. — Упрямому Видару не хватало мягкости и огня Лиса, Ренару —

мрачности и твердости Ви́ра. Вместе — они то, что нужно. Абсолютный Страж. И как мы раньше не догадались?

— Зачем?! — кинулась я на нее, но была поймана Мёрви. — Зачем ты так с ними? Почему именно так? — бесновалась я пытаюсь вырваться.

— А как? Как иначе? — разъяренной кошкой зашипела Аманда на меня. — Они оба принадлежат другим богам. Кого из них я должна была тащить к тебе? Хочешь — сделай выбор прямо сейчас, и я верну тебе его, верну прежнего, но только одного. Второму придется уйти. Что? Кого выберешь? Ну?

— Почему вместе, в одном теле... зачем ты так с ними? Со мной.

— Потому что вернуть их я могла только так.

— Тсс... Тише, родная, все хорошо. Так и должно было быть, — ласково шептал мне Мёрви, пытаюсь успокоить. — Мы знали на что шли, у нас был выбор отказаться.

— Ну так что, кого возвращать будем? — подначивала меня Аманда.

— Ами, успокойся, — осадила сестру появившаяся следом Ульна и обратилась ко мне: — Мы не боги, помнишь? Мы — Стражи, разжалованные и приговоренные охранять Грань миров. Но даже мы не умеем возвращать души без потерь. Чтобы вернуться — надо заплатить. И цена за возвращение немалая. Они заплатили не колеблясь. Так почему ты сомневаешься в их выборе? Почему оспариваешь их право?

— Я не сомневаюсь. — я обмякла в объятьях Мёрви, почти успокоившись. — Я просто не могу понять зачем. И как. Как они будут с этим жить?

— Не они. Он. У Мёрви новая душа, собранная из осколков двух других. Но она цельна и едина. В нем нет «мы». В нем только он. Прими это, — Ульна мягко коснулась моих волос, погладила по щеке, ласково посмотрела на Мёрви за моей спиной. — Сейчас мы хотим услышать твой выбор.

— Прежде, чем я выберу, скажите, что будет с жрицами, и с теми некромантами, получившими силу от Аманды?

— Увы, Жрицы вернутся к истокам реки Мертвых, как только я уйду, — поспешила ответить Ульна. — Впрочем, как и некроманты. И те, и другие давно живут взаимы. Без нас их просто не будет, но они вряд ли почувствуют свой уход. Они ведь уже мертвы. Так что ты выбираешь?

— Что я предпочту: несколько лет рядом с Ренаром, от которого осталась только оболочка и ненормальным лисом-хранителем, или вечность рядом с сумасшедшим двуликим психом, взвалив на себя груз ответственности и бремя справедливых решений? — снова хихикнула я, пытаюсь оттянуть момент и чувствуя, как напрягся сзади Мёрви, боясь услышать мой ответ.

— Конечно вечность рядом с психом! — выдала я оборачиваясь и еще успев заметить улыбку облегчения, мелькнувшую на лице Мёрви. — Давай сюда гребень, Ула, буду Справедливостью. За Возмездие пусть мальчики отвечают.

— Приветствуем вас, новые Стражи, — в унисон произнесли сестры, вручая нам амулеты и передавая с ними всю силу и власть, которыми их когда-то наделили другие. — Несите свою службу достойно и не совершайте наших ошибок.

И снова привычный холод по венам. На грани слышимости поют ожившие Жемчужины, приветствуя вернувшуюся хозяйку, зудят на кончиках пальцев ледяные руны, снежным узором струится по телу растворившийся гребень, выплавляя под кожей новый знак и новый амулет — теперь уже отражающий мою суть.

— Мёрви? — я удивленно смотрела на начавшиеся изменения, стоило парню принять брошь, тут же впитавшуюся в его руку.

На ладони парня вспыхнул маленький черный огонек, тут же превратившись в огромное темное пламя, окутавшее Мёрви с головы до ног и схлынувшее так же внезапно, как и возникло.

— Ага... вроде я... — ошарашенно пробормотал он, оглядывая себя. — Непривычно чувствовать себя целым, и при этом иметь память обоих.

— Ты красавчик, — улыбнулась я, касаясь двухцветной пряди волос — рыжей у корней и черной у кончиков. Сейчас, когда мы сделали свой выбор и Мёрви, как и я, наконец-то принял себя таким, я могла увидеть в нем черты обоих парней. Он больше не был похож на нелепую куклу, сшитую из разных клочков. Все гармонично сплелось, дав жизнь новой личности и новой внешности.

— Ты тоже ничего, Ледышка, — вернул мне ответную улыбку Мёрв, приобнимая за талию. — Рад видеть тебя прежней блондинкой. Только шрам на лице, на мой взгляд, лишнее.

— Я оставила его как напоминание о прежних ошибках, — я коснулась виска в том месте, где сейчас, по моим ощущениям, должен быть шрам, не такой яркий и уродливый, как прежде, но все равно достаточно заметный — я сама о нем просила Ульну, когда принимала гребень.

— Уверена, что не пожалеешь? — Мёрви легко коснулся губами шеи за ухом и игриво куснул за мочку?

— О чем пожалею? О вечности рядом с тобой? Уже жалею, — рассмеялась я, изворачиваясь и заглядывая ему в глаза — рыже-зеленые у зрачка и черные по ободку радужки.

— Непривычно видеть тебя такой эмоциональной.

— А мне непривычно чувствовать прежнюю связь с тобой, двойную между прочим, и ощущать ее как одну.

— Люблю тебя, — тихо прошептал он, снова ловя меня в свои объятия.

— И я... наверное, тоже... — сбивчиво пробормотала я, уворачиваясь от его поцелуев. — Ну, по крайней мере, у меня впереди вечность, чтобы полюбить тебя.

Он оборвал нашу маленькую перепалку горячим поцелуем, грозящим перерасти во что-то большее.

Эпилог

— Многие сотни лет идут рука об руку Исгерд — Холодная Справедливость и Мёрви — Огненное Возмездие, верша свой суд и наказывая виновных. И пока горят в небе их звезды, пока легки крылья их грифонов, на землях людей будет царить мир и процветание... Конец. Ну все родная, закрывай глазки и ложись спать, — черноволосая кьерра захлопнула книжку с легендами и поцеловала дочь, поправляя малышке одеяло.

— Мама, а правда, что наш прапрапрадедушка Арвиан родственник Огненного Стража? — раздался из-под одеяла тоненький голосок и следом вынырнула хитрая девчачья мордашка, поблескивая зелеными глазенками.

— Это он тебе так сказал?

— Он, а еще старый Фес, прапрапрадед Вернара. Они оба говорят, что знали Стражей когда те еще были смертными. И иногда Справедливость рука об руку спускается с

Возмездием, поболтать со старыми кьеррами и возложить цветы к могилам Светлой Ульны и сестры ее Аманды Доброй.

— Сказки все это, родная. Скажешь то же... Стражи и прадеды.

— А Вернар говорит, что правда. И что он сам видел, когда был на площади Стражей, которая за Нёттере, духов Аманды и Ульны, идущих рука об руку и беседующих о чем-то.

— Он просто нанюхался дурмана шиповника на той поляне у площади, слушай его больше, — снова покачала головой хорошенькая кьерра. — Прадеды просто уже из ума выжили. Слишком долго живут на этой земле. Дольше, чем любой кьерр... не иначе как сказки им долголетия прибавляют.

— Мама, а правда, что раньше, до прихода Стражей, кьерры жили отдельно, на далеком острове, потому что на них охотились?

— Да родная. А вот это правда. Может так совпало, а может действительно Справедливость с Возмездием постарались, только вот уже очень много лет ицури, кьерры, ааш-ту и люди живут мирно. А теперь ложись уже спать, маленькая болтунья.

— Когда я вырасту, обязательно стану такой, как Ледяной Страж, и выйду замуж за Вернара — он потомок двух славных родов — ицури и кьерров, как Тёмное Пламя — мечтательно улыбнулась юная кьерра, поудобнее устраиваясь в кровати.

— Кажется, мне надо поговорить и с бабушкой, о ее сказках, — вздохнула мать. — Тебе еще рано думать о замужестве, родная. Лучше уж слушай сплетни старого Арвиана, он хоть про приключения Стражей рассказывает.

— Спокойной ночи, мама. Почитаешь мне завтра про них еще что-нибудь?

— Спокойной. Почитаю, Инга.

— Мёрви! Мёрв, куда ты опять запропастился, вредное чудовище?! Опять со своим несносным грифоном?

— Что случилось, Колючка, ты чего такая довольная?

— Мёрв, я нашла новых Стражей! Они идеальны! Мы скоро станем свободны, представляешь?

— Ты уверена, что хочешь уйти?

— Ну мы хотя бы попробуем. Всегда ведь можно передумать и вернуться к своим обязанностям.

— Ну что ж... Грядет время испытаний. Ты все продумала?

— Да. У них получится. Я знаю. Я видела мальчишку — он из моего мира, а значит точно сумеет.

Больше книг на сайте - Knigoed.net